

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г.Короленко»

На правах рукописи

Хватаева Наталия Петровна

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
СИСТЕМЫ СРЕДСТВ
ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В ДИАХРОНИИ**
(на материале английского и французского языков)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Орехова Н.Н.

Ижевск – 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	14
1.1. ПОНЯТИЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГУМАНИТАРНОЙ ОБЛАСТИ ЗНАНИЙ	14
<i>1.1.1. Онтолого-гносеологический аспект подчинительных отношений</i>	14
<i>1.1.2. Формально-логический аспект подчинительных отношений</i>	22
<i>1.1.3. Интенционально-логический аспект подчинительных отношений</i>	26
1.2. ПОНЯТИЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В ЛИНГВИСТИКЕ	33
<i>1.2.1. Проблема статуса подчинительной связи</i>	33
<i>1.2.2. Структурно-грамматический аспект подчинительной связи</i>	35
<i>1.2.3. Когнитивно-семантический аспект подчинительной связи</i>	37
<i>1.2.4. Функционально-семантический аспект подчинительной связи</i>	43
1.3. СТАТУС СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СОЮЗНОЙ СВЯЗИ КАК ЕГО КОМПОНЕНТА	52
<i>1.3.1. Проблема статуса сложноподчиненного предложения в классической грамматической традиции</i>	52
<i>1.3.2. Проблема статуса сложноподчиненного предложения в функционально-семантической грамматике</i>	63
<i>1.3.3. Проблема статуса союзов и их аналогов</i>	65
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	73
ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЮЗНЫХ СРЕДСТВ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В ДОНОРМАТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОДЫ	76
2.1. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДСТВ СОЮЗНОЙ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В ДОНОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОД	76
2.2. СТРУКТУРА СРЕДСТВ СОЮЗНОЙ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В XVI-XVIII ВЕКАХ	92
<i>2.2.1. Историко-лингвистические предпосылки формирования языковой нормы</i>	92
<i>2.2.2. Структурные характеристики средств союзной подчинительной связи</i>	100
<i>2.2.3. Тенденции развития структуры средств союзной подчинительной связи</i>	108
2.3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДСТВ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ	112
<i>2.3.1. Динамика семантических характеристик средств подчинительной связи в нормативный период</i>	112
<i>2.3.2. Нормализация средств подчинительной связи, тенденции развития</i>	127
2.4. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЮЗНЫХ СРЕДСТВ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ	133
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	151
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ	172
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	174
ПРИЛОЖЕНИЕ	177

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению формирования и развития системы средств репрезентации подчинительной связи в X-XVIII веках на материале английского, французского языков и некоторых других языков.

Актуальность исследования. Изменения социально-политической ситуации в мире в конце XX – начале XXI веков, дальнейшее развитие отрасли высоких технологий, расширение круга международных контактов стимулируют изучение не только одного, но и нескольких иностранных языков. Сложившаяся ситуация ставит перед лингвистикой спектр задач, связанных с исчерпывающим описанием универсальных и специфических закономерностей речевого взаимодействия языковых единиц всех уровней. К одной из наиболее актуальных проблем данной области следует отнести построение и трактовку сложноподчиненных предложений, являющихся приметой сложного дискурса. Комплексное изучение эволюции многокомпонентных синтаксических единиц позволяет рассматривать не только развитие мышления, но и общеязыковых механизмов адаптации логических категорий, репрезентантами которых выступают сложные предложения. Следует отметить, что разработанные в науке теории и представления о формировании и развитии средств синтаксической связи как одного из указанных механизмов не подкрепляются достаточным уровнем исследованности историко-сопоставительного аспекта в данной области. Нельзя не сказать и о малой эффективности применения в практике обучения иностранным языкам научных выводов, несмотря на то, что сложноподчиненные предложения нередко вызывают проблемы учащихся, и поэтому требуют более детальной научной и методологической разработки.

Вышеизложенное послужило стимулом к более глубоким научным исследованиям языка и мышления, как средствам формирования речи, а также разработкам в области теоретической лингвистики. Общеизвестен тот факт, что логические мыслительные категории являются универсальными. Различные

языки используют свои специфические средства для экспликации одних и тех же логических отношений. Однако исследователи, описывая те или иные языковые средства и проводя сравнительные аналогии, не уделяют достаточного внимания историческому процессу развития языка, что обуславливает теоретическую разобщенность и несистемность практического применения научных выводов.

В нашей работе мы изучаем такие универсальные логические понятия, актуализированные в языке как «подчинительные отношения», «подчинительная связь» в рамках сложноподчиненного предложения. Понятие подчинительной связи так широко употребляется теоретиками языка, что в настоящее время практически утратило свою дефиницию. Современные исследователи предлагают большое количество авторских определений (О. С. Ахманова, А. В. Бондарко, В. А. Звегинцев, И. М. Кобозева, Ю. А. Левицкий, А. М. Ломов, Г. Б. Микаэлян, В. С. Юрченко и др.), однако, основным способом обозначить особенность подчинения остается его противопоставление сочинению, что является не вполне научным подходом к проблеме. С другой стороны, всестороннее изучение подчинительной связи как синтаксического феномена невозможно без учета её референций – экстралингвистических отношений, а также восприятия и понимания этих отношений человеком, что предполагает привлечение аппарата смежных наук к лингвистическим исследованиям.

Проблема статуса и динамики подчинительной связи в системе различных языков неоднократно становилась предметом изучения, что обусловлено ведущей ролью сложноподчиненного предложения в построении полипропозициональных высказываний, ставших неотъемлемой частью научного, художественного и публицистического дискурса. Анализ источников показал, что в разные периоды внимание фокусировалось на различных аспектах подчинения. Условно работы в этой области представляется возможным разделить на три группы:

- 1) Лингвистические исследования, в которых рассматриваются системные проблемы синтаксиса – логико-структурный, семантический, прагматический аспекты предложения, сложного предложения, синтаксических связей. (О. С. Ахманова, А. В. Бондарко, В. А. Звегинцев, И. М. Кобозева, Г. В. Колшанский, Ю. А. Левицкий, Т. П. Ломтев, К. Я. Сигал, В. С. Юрченко);
- 2) Труды классиков отечественной и зарубежной лингвистики, освещающие проблемы подчинительной связи как одну из поставленных задач на материале разных языков в диахронии и синхронии (В. Г. Адмони, Ш. Балли, К. Бруннер, Э. Бурсье, В. Г. Гак, А. Доза, И. П. Иванова, Б. А. Ильиш, Л. Л. Иофик, Н. Н. Орехова, Е. А. Реферовская, Л. М. Скрелина, А. И. Смирницкий, В. Н. Ярцева);
- 3) Диссертационные исследования, обращающиеся к вопросам синтаксических связей в целом, подчинительной связи, различных видов подчинения, экспликаторов связи (Е. И. Давыдова, Л. Ю. Дондик, В. И. Леус, И. Ю. Лыскова, М. В. Минова, И. Е. Моброу, С. В. Невзорова, Л. А. Рохлина, И. А. Селина, Т. Е. Соболева). Рассмотренные работы свидетельствуют о том, что проблема статуса подчинительной связи и её маркеров вызывает интерес у современных исследователей, однако изучение этого раздела синтаксиса не носит систематического характера. Попытки диахронического анализа процесса нормализации структуры, семантики и функций средств выражения подчинения в ряде языков предпринято не было. Кроме того, исследователи неохотно заявляют объектом своего интереса союзные средства связи, так как данная группа лексики немногочисленна и мало вариативна.

Высказанные соображения позволяют в рамках данного исследования рассмотреть систему союзов, союзных слов, сложных союзных комплексов и других средств, функционально им эквивалентных, в качестве основного средства выражения подчинительной связи. Исследование имеет диахронический характер и проводится на материале английского и французского языков с привлечением испанского и португальского. Большое внимание уделяется выявлению типологических и специфических

закономерностей развития системы средств подчинительной связи, а также генетической предрасположенности языков к созданию инновационных средств соединения предикативных единиц и доминированию «генетически обусловленных прототипов» в данном процессе.

Таким образом, поставлена проблема исследования, которая состоит в том, чтобы показать, как в процессе исторического развития указанных языков преодолевалось противоречие между единой логико-мыслительной категорией подчинения и наличием различного набора языковых средств ее синтаксического выражения.

Объект настоящего диссертационного исследования составляет система средств подчинительной связи, образованная союзами и их функциональными аналогами, реализующими отношения подчинения.

Предмет исследования: исторический процесс становления и развития системы средств подчинительной связи.

Тема и постановка проблемы определили **цель исследования**, которая заключается в выявлении универсальных закономерностей формирования и развития системы средств подчинительной связи в структурном, семантическом и функциональном плане.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать и систематизировать научные понятия, характеризующие онтолого-гносеологические, формально-логические и лингвистические аспекты подчинительной связи их объем, содержание, соотношение.
2. Произвести инвентаризацию терминологического аппарата в области подчинительной связи, определить парадигму средств репрезентации подчинения.
3. Проследить процесс развития структур системы средств подчинительной связи, выделить универсальные и специфические тенденции, подвергнувшиеся нормализации.

4. Проследить процесс развития семантики системы средств подчинительной связи, выделить универсальные и специфические тенденции, подвергнувшиеся нормализации.

5. Показать динамику функций системы средств подчинительной связи, выделить универсальные и специфические тенденции.

Теоретической и методологической основой исследования послужили разработки философского, психологического, формально- и интенционально-логического аспектов подчинения (А. Н. Иезуитов, Л. С. Выготский, Ж. Пиаже, Г. В. Колшанский, Г. Фреге), работы в области теории сложноподчиненного предложения и подчинительной связи в рамках структурного, когнитивного, и функционально-семантического подходов (В. Г. Адмони, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Р. У. Лангакер, Д. Лакоф, Б. Уорф, А. В. Бондарко, В. С. Храковский, В. П. Недялков), а также работы по истории синтаксиса сложного предложения (Л. Л. Иофик, Н. Н. Орехова, Е. А. Реферовская, А. И. Смирницкий, В. Н. Ярцева).

Выбор **методов**, применяемых в рамках данной работы, обусловлен как предметом исследования, так и поставленными задачами. Работа носит диахронический характер, в ней анализируются и систематизируются универсальные тенденции развития, в связи с чем целесообразно использование историко-структурного метода для выявления системообразующего компонента системы средств подчинительных связи; сравнительно-сопоставительного метода для изучения процесса развития системы подчинительных союзов и их аналогов на различных исторических этапах, раскрытия специфики и характера рассматриваемого процесса; конструктивно-генетического метода, который позволяет на основе изучения процесса становления и развития системы подчинительных союзов и их аналогов установить её универсальные и специфические тенденции и конструктивные выводы, имеющие актуальное значение.

В работе также использован ряд лингвистических методов: компонентный и дефиниционный анализ, сплошная и частичная выборка; теоретические

методы: анализ, сравнение, интерпретация имеющихся теоретических положений, моделирование, проектирование, описание, обобщение опыта деятельности научных и образовательных учреждений; элементы статистического анализа.

Материалом исследования послужили 2 500 (две тысячи пятьсот) примеров, полученных в результате сплошной и частичной выборки из художественных произведений английских, французских и испанских авторов начала X – конца XVIII века, справочников по грамматике и словарей, как современного языка, так и языка исследуемого периода, электронных источников. Использовались также данные португальского языка. Привлечение материала, охватывающего такой большой временной диапазон, обусловлено стремлением получить объективные и точные результаты, обеспечить полный охват исследуемого явления в течение всего исторического периода.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- оформлена и описана система средств подчинительной связи, которая ранее ввиду своей малочисленности не изучалась вне концепции сложноподчиненного предложения;
- разработаны универсальные модели форм союзных средств, как простых, так и сложных, и выявлены исторические предпосылки их появления в языках;
- представлены тенденции развития средств репрезентации подчинения в рамках семантических категорий, обозначена их связь с экстралингвистическими отношениями;
- подверглись комплексному изучению функции союзных средств в диахроническом аспекте.

Теоретическая ценность исследования проявляется в результате обогащения лингвистического понятия подчинительной связи её философским, психологическим и логическим пониманием, уточнения понятий «союз», «союзное слово» и «союзный комплекс» посредством разработки их основных характеристик: имя – структура, значение – семантика, смысл – функция.

Разработана модель сложноподчиненного предложения на основе модели суждения, проведен анализ союзных средств по отношению к другим средствам репрезентации подчинения, описан алгоритм вовлечения частей речи в выполнение союзных функций, динамика их дальнейшего развития, систематизированы структурные и семантические типы средств подчинительной связи, выделена классобразующая характеристика союзных средств, подверглись уточнению их функции, а также номенклатура союзных средств выражения подчинения английского и французского языков для донормативного и нормативного периодов.

Практическое применение. Основные результаты и материал работы могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин: общего языкознания, истории английского, французского и других языков, теоретической и практической грамматики указанных языков. Научно-теоретические выводы применимы при разработке спецкурсов и семинарских занятий по проблемам структурной организации сложного предложения, семантического и исторического синтаксиса сложного предложения, дериватологии, сравнительной типологии языков, функциональной характеристики служебных частей речи. Полученные данные могут быть учтены при разработке лингводидактических материалов в области формирования у учащихся языковой компетенции при построении сложного предложения, а также разграничения семантических типов сложноподчиненных предложений. Теоретический материал исследования представляет интерес для специалистов в области теории языка, компаративной и когнитивной лингвистики, психологии, логики, культурологии. Основные результаты диссертации применялись в лекционном курсе «История английского языка» и семинарских занятиях по проблемам сравнительной типологии языков на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им В.Г. Короленко», при составлении УМК дисциплины «Английский язык» в Глазовском филиале НОУ ВПО «Университет Российской академии образования», при составлении УМК

дисциплины «Иностранный язык» для учащихся отделения среднего профессионального образования Глазовского инженерно – экономического института (филиала) ГОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет».

Основные научные выводы диссертационного исследования представлены в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

- подчинительная связь двух и более предикативных единиц в составе сложного предложения – это эксплицированные значения однонаправленных экстралингвистических отношений, отрефлектированных говорящим и выраженных в соответствии с особенностями структуры сложного предложения данного языка;

- союзные средства являются основным маркером подчинительной связи. Союзные средства обладают именем, значением и смыслом (формой, значением, функцией), из которых смысл (функция) является классообразующей характеристикой. Союзные средства существуют в трех формах: союзы, союзные слова, союзные комплексы;

- эволюция форм союзных средств репрезентации подчинительной связи происходила от односоставных к многокомпонентным путем количественного увеличения и качественных изменений системы;

- эволюция семантики союзных средств репрезентации подчинительной связи происходила путем уточнения и детализации значений союзов и их аналогов до моносемантических форм. Формально более сложные союзные средства обладают более узкой семантикой;

- союзные функции являются классообразующим признаком этой группы лексики. Функциональная эволюция союзных средств репрезентации подчинительной связи происходила путем добавления ряда дополнительных функций к числу основных.

Апробация исследования. Материалы диссертации обсуждались на заседании кафедры английской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В.Г.Короленко. Основные положения

исследования отражены в опубликованных работах и тезисах (Нижний Новгород, 2006; Санкт Петербург, 2008; Киров, 2009). Результаты исследования докладывались и обсуждались на Международных (Екатеринбург, 2007; Невинномысск, 2009), Всероссийских (Ижевск, 2007; Нижний Тагил, 2008) и региональных (Глазов, 2007) конференциях.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования, отражает логику его развития, промежуточные и основные выводы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, словарей и справочников, источников иллюстративного материала и приложений.

Во **введении** обоснована актуальность исследования; обозначены его объект и предмет; определены цель и сопутствующие задачи; раскрыты научная новизна, теоретическая ценность и практическая значимость работы; приведены методы и методология, сведения о материале исследования и апробации его результатов; сформулированы положения, выносимые на защиту.

Глава I «Теоретические основания исследования» посвящена проблеме подчинительной связи и её экстралингвистического референта в философии, психологии, формальной и интенциональной логике и лингвистике, а также вопросам статуса сложноподчиненного предложения, как основного репрезентанта подчинения, и союзной связи как его компонента.

В **Главе II** «Формирование системы союзных средств подчинительной связи в донормативный и нормативный периоды» произведен структурный, семантический и функциональный анализ средств экспликации подчинительной связи на материале английского и французского языков, с привлечением испанского, португальского в донормативный и нормативный периоды.

В **заключении** сформулированы основные выводы исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Коноплева Н. П. Функционально-семантическое поле сложно-подчиненного предложения французского языка (на материале P.Choderlos de Loclos “les Liaisons Dangereuses”). // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. №28 (63). В 2 частях: Аспирантские тетради. Ч I. Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 148-151.
2. Хватаева Н. П. О статусе подчинительной связи в лингвистике // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Том филология и искусствоведение. № 4(2). – Киров, 2009. – С.

Публикации в других изданиях:

1. Коноплева Н. П. К вопросу о преодолении противоречия между универсальным и частным в процессе межъязыковой коммуникации // Современное образовательное пространство: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2007. – С. 254-256.
2. Хватаева Н. П. Динамика и перспективы развития союзной связи французского языка классической эпохи // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы II Международной научно-практической конференции. Том IV: Филологические науки. – Невинномысск: НИЭУП, 2009. – С. 337-338.
3. Коноплева Н. П. К вопросу о понятии логико-мыслительной и функционально-семантической категории в лингвистике // Социальный мир человека: Материалы Всероссийской научно-практической конференции

«Человек и мир: социальное поведение личности в изменяющемся мире». – Ижевск, 2007. – С. 296.

4. Коноплева Н. П. Функционально-семантическое поле как основа универсальной модели предложения // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции. В. 2 ч. Ч. 2. – Нижний Тагил, 2008. – С. 45-48.

5. Коноплева Н. П. Некоторые синтаксические аналогии английского и французского языков как резерв оптимизации преподавания второго иностранного языка в вузе // Проблемы теории и практики подготовки современного специалиста. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. – Нижний Новгород, 2006. – С. 191-195.

6. Коноплева Н. П. К вопросу о статусе союзных комплексов английского языка в рамках функционально-семантической категории. (на примере ФСК каузативности) // Проблемы технических, экономических и гуманитарных наук: Материалы научной конференции. – Глазов: Изд-во Глазовского педагогического института, 2006. – С. 61-64.

7. Коноплева Н. П. Понятие «межкультурной коммуникации» как ядро концепции «диалога культур» // Диалог культур как стратегия развития национального образования: Материалы научно-практической конференции 3-4 мая 2007 года. – Ижевск: УдГУ, 2007. – С. 7-8.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Понятие подчинительных отношений в гуманитарной области знаний

1.1.1. Онтолого-гносеологический аспект подчинительных отношений

Проблема статуса подчинительной связи в лингвистике не может быть разрешена без понимания отношений, которые она выражает. Многообразие значений, которые традиционно включаются понятие подчинительных отношений между двумя предложениями в составе сложного, позволяет сделать вывод о том, что в данном случае имеет место языковое отражение некоторого полиаспектного объективного явления. Мы предполагаем, что это явление – отношения между ситуациями, номинированными простыми предложениями. Такого рода отношения известны и другим наукам, где предпринимались попытки их описания. Не претендуя на всестороннее изучение данного вопроса, попытаемся определить онтологический статус подчинительных отношений как экстралингвистического референта подчинительной связи.

Классическая философия, изучая интерситуативные отношения, оперирует термином «взаимодействие». Однако следует отметить, что до XX века проблема взаимодействия занимала весьма скромное место, и ей давалось своеобразное осмысление. Так, Гегель рассматривал взаимодействие как чистое отношение, вне всякой связи с реальными явлениями, которые взаимодействуют, и даже с самим понятием взаимодействия. По Гегелю, обе стороны отношения во взаимодействии являются всего лишь “моментами” некоего третьего, более высокого и объединяющего их понятия [Гегель]. Таким образом, взаимодействие даже не в понятие, а всего лишь в исходный материал для него, т. е. и логически в нечто совсем эфемерное. Для нас взаимодействие

представляет собою реальные отношения между реально существующими явлениями. Взаимодействие представляет собой и реальность, и понятие о ней. Более того, такое направление в философии, как окказионализм (Мальбранш и др.), утверждало принципиальную невозможность самостоятельного взаимодействия, осуществимого лишь при непосредственном вмешательстве высшей духовной силы (бога) в каждом конкретном случае и в виде “чуда” [АМФ 1970].

Иная точка зрения нашла своё отражение в эвентологии – научной теории, направленной на изучение множеств событий как вероятностных распределений.

Первые разрозненные попытки событийного познания разума и материи были сделаны в античные времена Аристотелем, Платоном, Сократом [АМФ 1969]. Их труды, продолженные в эпоху Возрождения, заложили начало современного научного знания. Пристальные наблюдения за наступлением событий положили в XVI в. начало теории вероятностей (Паскаль, Ферма), которая в начале XX в. превратилась в научную дисциплину, опирающуюся на математическое определение события, как подмножества пространства элементарных событий с основным предназначением «вычислять вероятности одних событий по вероятностям других событий» [ВиМС 1999: 564]. В XIX-XX вв. начинают бурно развиваться экспериментальные методы наблюдения за событиями, и как результат, возникает математическая статистика — научная дисциплина, ориентированная на решение задач, в определенном смысле обратных задачам теории вероятностей, оценка вероятностных распределений по результатам наблюдений за событиями [ВиМС 1999].

Дальнейшее развитие теории вероятностей раздвинуло границы известного событийного мира субъектов и объектов, углубило представление об их событийном строении. Вместе с тем все еще преобладали умозрительные теории о событийном развитии и свойствах разума и материи. В результате резко возросшего числа изучаемых событийных объектов (новые событийные методы, проникновение событийной методики в различные области знания),

накоплении и дифференциации событийных знаний сформировалось много областей применения событийной методологии.

Опираясь на эти наблюдения и математический аппарат математической эвентологии (чёткой и нечёткой), эвентология непосредственно вводит разум как эвентологическое распределение множества событий в научное и математическое исследование, а эвентологическое движение событий — движение материи или разума — понимает как изменение эвентологических распределений [ВиМС 1999].

С точки зрения эвентологии, вероятность — это свойство события; а субъективная вероятность — свойство субъективного события. Такая точка зрения позволяет развить эвентологическую теорию нечетких событий, которая исключительно с позиций колмогоровской аксиоматики теории вероятностей предлагает общий строго обоснованный подход к эвентологическому описанию любых видов нечёткости и неопределенности, в том числе таких, которым посвящены теория возможностей, теория очевидностей Демпстера-Шафера, нечёткие множества и нечёткая логика Заде и др. [Zadeh 1975].

Для развития современной эвентологии характерны две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, развивается математическая эвентология, которая достигла поразительных успехов, начиная с 90-х годов прошлого века, вскрыла и обособила математические основы теории зависимостей множеств событий. С другой стороны, стремление к целостному синтетическому событийному познанию разума и материи привело к прогрессу эвентологических направлений, изучающих событийные свойства разума и материи на всех структурных уровнях их организации.

В XX веке на основе теоретических разработок А.Н.Иезуитова был разработан принципиально новый подход, получивший название «Философия взаимодействия», где **взаимодействие** представляет собой объективный закон бытия и сознательную мыслительно-поведенческую установку, многоуровневый и многосоставный процесс, не имеющий ни своего четко

фиксированного начала, ни тем более окончательного завершения [Иезуитов: 1].

Взаимодействие охватывает и материальный, и духовный мир, и живую и неживую природу. Собственно говоря, жизнь есть взаимодействие различных ее составляющих. Исторически могли меняться и заменяться сами составляющие, но в принципе постоянно происходило и происходит их взаимодействие, лежащее в основе бытия вообще, материальной и духовной жизни во всем многообразии ее конкретных проявлений и воплощений.

Для человека, его сознания, окружающий мир изначально представлял собой взаимодействие коренных начал — материального и духовного — в качестве реальностей, существующих вне и независимо от воспринимающего их сознания и явившихся для него одновременно. Такое представление может исторически эволюционировать, но в принципе оно сохраняет свою внутреннюю устойчивость и всеобъемлющий характер, тенденцию к бесконечному уточнению, развитию и совершенствованию, приближаясь к наиболее верному пониманию мира и самого человека, с точки зрения «философии взаимодействия», но никогда не исчерпывая его. Стремление всюду и везде, всегда и во всем видеть и находить взаимодействие соответствует объективной природе предметов, вещей и явлений — материальных и духовных — и одновременно дает человеку самую универсальную и правильную ориентацию для постижения им окружающей реальности и самого себя, а также для его поведения в обществе и в общении с другими людьми [Иезуитов: 4].

Взаимодействие — широкое и внутренне емкое по содержанию и форме явление и понятие. Взаимодействие включает в себя взаимосвязь и взаимоотношения в качестве определенных этапов и видов своего движения и развития: от взаимосвязи к взаимодействию через взаимоотношения.

Взаимосвязь означает сравнительно пассивные, непрочные, поверхностные и случайные взаимные контакты (прямые и косвенные) различных явлений. Взаимоотношения предполагают, что такого рода контакты, носят более

активный, прочный, обоснованный и целенаправленный характер. Взаимосвязь и взаимоотношения ограничены во времени, пространстве и функциональном плане.

Взаимодействие — во всех аспектах процесс безграничный, вечный и бесконечный. Он представляет собою в принципе целенаправленный взаимообмен и взаимообогащение различными качествами, свойствами и т. д. и активен по своей сути, хотя конкретно может выражаться не только в динамике, но и в статике.

Взаимодействие бывает непосредственным и опосредованным, прямым и косвенным, материальным и духовным, “бинарным” и “полинарным”, сильным и слабым, состоянием; процессом, макро- и микро-, статичным и динамичным, “чистым” и “смешанным”, обостренным и смягченным, одноуровневым и многоуровневым, облегченным и затрудненным, поистине неисчерпаемым в своих реальных проявлениях и в своей бесконечной исторической и природной эволюции, направленной в прошлое и настоящее, вовнутрь и воине. Но суть взаимодействия сохраняется: максимально точное выражение и развитие всех возможностей, заложенных и возникающих в реальности (материальной и духовной), из всех ее уровней, и в принципе благотворных для человека; стабильность и постоянное структурное и функциональное совершенствование мира и человека на основе принципа взаимодействия [Иезуитов: 6].

Взаимодействие составляющих его сторон, признаков и т. д. придает явлению определенность и устойчивость, не раскалывает и не разлагает его, а внутренне и внешне сплачивает. Мы живем в мире структурно целостных, а не разобранных на составные и борющиеся друг с другом части явлений, которые могут иметь очень сложный состав. Его основу создает взаимодействие образующих явление различных компонентов самого разного уровня, характера и назначения.

Представление о существовании взаимодействия всюду, всегда и во всем есть также действительно всеобщий закон познания, соответствующий

объективной природе вещей и явлений реального мира — материального и духовного — и природе самого мышления.

Взаимодействие, как всеобщая связь, по традиции рассматривается лишь как один из элементов диалектики, трактуемой в качестве учения о единстве и борьбе противоположностей, однако, в более широком понимании такой подход не возможен. Философии известен и ряд других понятий, обладающих описательным потенциалом для объективных отношений: зависимость и обусловленность. Зависимость — самая общая и неопределенная степень несвободы одного явления по отношению к другому. Она имеет объективный и субъективный характер, поскольку зависеть друг от друга могут и объекты и субъекты. Обусловленность означает более конкретную степень несвободы одного явления от другого, которое к тому же рассматривается более конкретно в структурно-функциональном плане. Она носит объективный характер, поскольку сами условия — явление объективное. Зависимость и обусловленность однонаправлены. Однако в философии они означают не только подчинение одного явления другому, но имеют в виду и противодействие одного явления другому под влиянием определенных условий. Обусловленными и при этом разными факторами могут быть самые разные по характеру и направленности проявления, действия и поступки человека.

Взаимодействие предполагает обоюдную зависимость и обоюдную обусловленность процессов и явлений в реальной ситуативной динамике. Идея обусловленности предполагает принципиальную зависимость одного явления от другого, которое постоянно выступает как приоритетное, определяющее, ведущее по отношению к первому. Взаимодействие — это равенство и суверенитет обоих взаимодействующих явлений. Речь может идти только о временных и структурно-функциональных мотивированных акцентах одного из взаимодействующих начал в конкретных условиях и в конкретных ситуациях. Таким образом, в философском мироосмыслении взаимодействие более удачный термин для целей нашего исследования, несмотря на то, что в

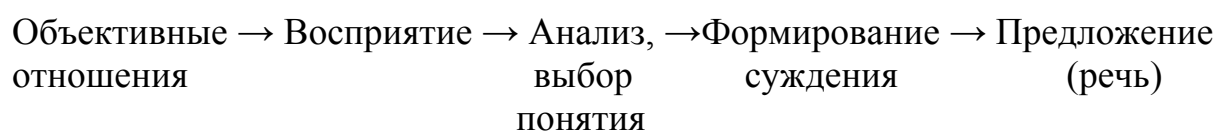
лингвистике и логике понятия зависимости и обусловленности широко используются, так как обладают несколькими значениями. В нашем случае взаимодействие между явлениями в реальности подразумевает не только наличие объективных отношений, которые находят своё языковое выражение, но и открывает доступ к неоднозначности восприятия, оценки и осмысления этих отношений человеком. Иными словами, объективным является лишь наличие отношений, но их характер и закономерности в каждом конкретном случае понимаются и транслируются неоднозначно в человеческом сознании и речевой деятельности.

Указанная проблема – соотношение сознания и речевой деятельности – неоднократно занимала психологов. На протяжении истории психологических исследований связь и соотношение языка и мышления привлекали к себе повышенное внимание. Традиционно исследователи выделяют мышление, внутреннюю и внешнюю речь. При этом мыслительная деятельность первична по отношению к речевой, предполагается, что речевое развитие зависит от развития мышления как в онтогенезе, так и в филогенезе [Пиаже 1994]. Мысль, оперирующая понятиями, формирует внутреннюю речь, где происходит построение предложений, которые затем обретают свою звуковую или графическую форму. Такая точка зрения является ведущей в современной психологии, и она вполне справедлива при понимании языка и речи, как средств коммуникации. Однако существует и альтернативная теория, где главной функцией языка и речи выступает их участие в процессе мышления [Выготский 1993; Немов 1994].

Согласно И.М.Сеченову, мысль, как основная единица мышления, оперирует понятиями и ориентирована на поиск связей между объектами явлениями объективного мира [НПС 2006: 294]. Такое определение само по себе предполагает, что некоторая сумма понятий должна присутствовать в сознании человека до того, как он начинает мыслительную деятельность с их помощью. Понятия же носят абстрактный характер и существуют в символической форме, т.е. в форме слов. Мы не ставим перед собой задачи комплексного

рассмотрения системы научных представлений о понятийном мышлении и потому позволим себе, опираясь на работы ведущих психологов - Л.С. Выготского, Ж. Пиаже, И.М. Сеченова, допустить существование абстрактного понятия о взаимосвязи между ситуациями. Л.С. Выготский, изучая мышление и язык примитивных народов, говорит о перегруженности лексического состава примитивных языков вследствие невозможности их мышления абстрагироваться от реальности. Необходимость детального описания каждой конкретной ситуации неизбежно приводит носителей примитивных языков к детализации связей и отношений между событиями и явлениями [Выготский, Лурия 1993; 95]. Такая речевая практика впоследствии, с развитием абстрактного мышления, привела к систематизации конечного количества возможных отношений – время, пространство, причина, условия и т.д. Каждый вид отношений впоследствии получил некий комплекс языковых средств выражения. Понятие «отношения» или «связи» в самом обобщенном смысле не подверглось номинализации, но вероятнее всего присутствует на уровне интуитивного мышления, так как, безусловно, современный человек в состоянии не только увидеть и осмыслить связность явлений, но и выбрать какой вид отношений он считает приоритетным для выражения в том или ином случае. Таким образом, речевое отражение объективных отношений является результатом нескольких «ступеней» мыслительного процесса, как то понимание, генерализация, анализ, выбор, формирование суждения, что может быть представлено в виде схемы:

Схема 1.1 (1)

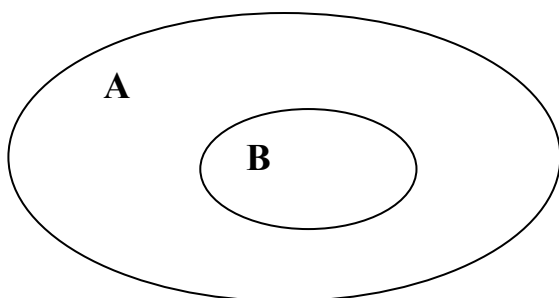
В последнем случае, нельзя не отметить тесную связь психологии с логикой в сфере изучения построения суждений и умозаключений, а так же средств и форм при этом используемых.

1.1.2. Формально-логический аспект подчинительных отношений

Традиционная логика при описании отношений между понятиями и суждениями не всегда соотносится с лингвистикой. Два основных вида синтаксических связей – сочинение и подчинение – не имеет прямого соответствия в логике.

Однако понятие подчинения в логике определяется достаточно четко: «такое отношение между понятиями, когда объем одного понятия, называемого подчиненным понятием, входит в объем другого понятия, называемого подчиняющим понятием» [Кондаков 1975: 512]. Таким образом, для формальной логики отношения подчинения – это родовидовые отношения, последовательное вхождение (включение) с односторонним направлением:

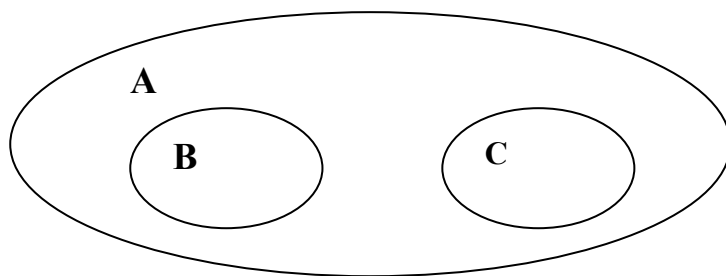
Схема 1.1 (2)

где А – подчиняющее понятие, а В – подчиняемое.

Что же касается сочинения, то его определения в логике не приводится, что позволило французскому исследователю Ж. Антуану, автору труда «Сочинение во французском языке», утверждать, что с точки зрения логики сочинения не существует, обозначена лишь зависимость одного предложения от другого, т.е. подчинение [Antoine 1959: 303].

Тем не менее, логике известны отношения соподчинения, которые в некоторой степени могут быть сопоставлены с лингвистическим сочинением. Опосредованные отношения между понятиями, в случае, когда они не связаны друг с другом, но являются подчиненными третьему понятию, называют соподчинением или параллельным вхождением (включением):

где А – подчиняющее понятие, В и С – подчиняемые.

Подобная зависимость наблюдается у двух простых предложений, входящих в состав сложного. Но очевидно, что описание подчинения и соподчинения, которым располагает логика невозможно скалькировать для целей синтаксиса.

Вместе с тем, если опираться на постулат о том, что всякое повествовательное простое предложение является выражением суждения, то при описании связей между предложениями в составе одного сложного правомерно воспользоваться логическими постоянными. При объединении простых суждений в сложные, логика использует пять видов связок. Конъюнкция является показателем сочетания непротиворечащих суждений и эксплицируется союзом «и» и его аналогами. Дизъюнкция выражает отношения противоречия, маркером которых выступает союз «или». Импликация соответствует причинно-следственным отношениям: «если... то...». Эквиваленция, по сути, представляет собой строгий вариант импликации: «если, и только если... то...». Отрицание используется для обозначения прямо противоположных по значению суждений.

Очевидно, что отношения отрицания не могут быть использованы для описания связи между простыми предложениями в составе сложного. Конъюнкция и дизъюнкция – логические постоянные, близкие к синтаксическому сочинению, тогда как подчинение представлено лишь

импликацией и эквиваленцией. Основное отличие последних заключается в их направленности: А всегда предшествует В и является причиной В.

Однако в речевой практике в состав сложного предложения могут быть включены предложения, связанные не только каузативными отношениями, но и темпоральными, локативными, целевыми и другими. Существует мнение, что разного рода отношения, которые обычно передаются с помощью подчинительных союзов, по содержанию не имеют принципиальных отличий от импликации: «В, когда А»; «А для того, чтобы В» и т.д. [Левицкий 2005: 115].

Изначально европейское языкознание довольствовалось логическим подходом к предложению. В рамках логического подхода предложение сопоставляется со структурой суждения. Суждение является формой мысли, в которой «утверждается или отрицается что-либо относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений» [Кондаков 1975: 579].

В классической (аристотелевой) логике было разработано учение об атрибутивном суждении, где выделяется два основных члена: субъект и предикат. Между ними установлены отношения принадлежности в самом широком смысле по формуле «S есть (не есть) P», где P выражает признак, присущий S на момент речи. В предложении, соотносимом с такой структурой суждения, выделяют два главных члена предложения: подлежащее и сказуемое, все остальные члены предложения рассматриваются как часть предиката, то есть образуют единую со сказуемым группу.

В конце XIX – начале XX веков получила развитие логика отношений, положившая в основу суждения совокупность субстанций, связанных какими-либо отношениями. Формула такого суждения: «aRbc...», где R – предикат, выражающий отношения, a, b, c – аргументы или предикатные имена, выражающие субъект и объекты. В свете логики отношений появляется тенденция рассматривать сказуемое, как главный член предложения, а подлежащее и другие компоненты как зависимые от него элементы.

Нельзя отрицать тесное взаимодействие между формами мышления и способами построения предложения. Тем не менее, некорректно был бы говорить об их абсолютном совпадении. Так, если члены предложения имеют прямые корреляты среди членов суждения, то некоторые типы синтаксических связей не находят соответствий среди связей логических, либо эти соответствия неполны.

Все вышесказанное справедливо и для сложного предложения, которое с точки зрения логики является «соединением» двух простых суждений в одно. Однако такое понимание сложных предложений не вполне отвечает требованиям определения сложноподчиненного предложения, так как они помимо смысла простых суждений эксплицируют и отношения между ними. Как говорилось выше, эти отношения являются направленными, что может быть выражено логической формулой:

$$(aRbc\dots)_1 \rightarrow (aRbc\dots)_2,$$

но смысловое многообразие направленных отношений данная формула отразить не может.

Более того, если концентрировать внимание на связи между простыми суждениями в составе сложного, то правила логики допускают упрощение данной формулы до вида $\mathbf{a} \rightarrow \mathbf{b}$, что представляет собой формулу простого суждения, а, следовательно, простого предложения. Исходя из логических оснований, СПП можно определить как два или более простых предложения, связанные отношением необратимой конъюнкции и выражающие одно суждение. Очевидно, что подобное определение не выдерживает критики.

1.1.3. Интенционально-логический аспект подчинительных отношений

Тем не менее, следует отметить, что потенциал логики не исчерпывается классической теоретико-множественной моделью мира, которая оперирует объемом понятия и классами. Другую сторону понятия – содержание – целесообразно изучать в рамках интенционального направления в логике. Будучи более сложным и неоднозначным, принцип интенциональности гораздо менее ясен. Для целей нашего исследования мы будем опираться на теоретические разработки Г.Фреге.

В основе принципа интенциональности Г.Фреге лежат отношения между признаками содержания понятия. В этом случае нельзя оперировать с мыслями как с множествами, а логические построения в конечном счете носят характер выводов из понятия [Уемов 1961].

Отношение именованности является основополагающим в логике Г. Фреге [Frege 1892]. Это отношение связывает два объекта — имя и его значение, т. е. именуемый предмет. Для выражения значения в логике употребляются различные термины — денотат [Черч 1960: 18], номинат [Карнап 1959: 158], десигнат [Кондаков 1975: 120]. Они выступают в качестве синонимов фрегевского понятия «значение». В концепции Г. Фреге предполагается, что значение представляет собой конкретный или абстрактный объект. Помимо значения, имя обладает смыслом. Смысл выражает тот способ, каким имя приписывается объекту, это способ связи между объектом и именем. Отношение именованности, по Фреге, — это метод логического анализа, основанный на следующих принципах.

1. Принцип однозначности. Каждое выражение, употребляемое в качестве имени, является именем только одного объекта.
2. Принцип предметности. Сложное имя, в том числе и предложение, включает в свой предмет значения входящих в него имен.
3. Принцип взаимозаменяемости, а). Если два выражения именуют один и тот же объект, то истинное предложение остается истинным, если одно из этих

выражений заменяется в нем другим. б). Если предложение тождества "... тождественно с ___" истинно, то два аргументных выражения "..." и "___" взаимозаменяемы [Frege 1892: 32].

Принципы однозначности, предметности и взаимозаменяемости ориентируют на традиционную трактовку отношения именованя. Г. Фреге выдвигает универсальную предметную область в качестве области аргументов для предиката именованя, т. е. имя может относиться как к единичному объекту, так и к классу, свойству или отношению. Объектами именованя могут быть и сами имена, и смыслы имен. Однако такое допущение фактически нарушает принцип однозначности. Р. Карнапп показывает, что одно и то же имя может пониматься по-разному: как имя свойства и как имя класса. Например, слово "человек" может быть именем свойства "быть человеком" и именем класса людей [Кондаков 1975: 171]. Таким образом, отношение между именем и значением предполагает определенное истолкование, или понимание.

Еще в большей степени очевидны интенциональные предпосылки логики Г. Фреге в вводимой им *категории смысла*. Если следовать чисто номиналистической традиции, то категория смысла не нужна; достаточно фиксации отношения между именем и единичным предметом, объектом именованя. Что касается абстрактных объектов, то, с точки зрения номинализма, они не существуют. Г. Фреге вводит *смысл* как абстрактный объект, поскольку смысл это то, что понято, усвоено теми, кто употребляет это имя. Существен и категориальный статус понятия *смысл*. Для интенционального подхода характерно принятие смысла как качественно понимаемой вещи, как "овеществленного" отношения, истолкование смысла как понятия, как информационной единицы, также свойственно интенциональному подходу [Frege 1892: 26-27].

Рассмотренный выше принцип интенциональности положен в основу системного подхода к исследованию явлений. По определению, система — это вещь, на которой реализуется отношение с заранее фиксированными свойствами. Для реализации отношения именованя все его участники — имя,

значение, смысл — должны быть взаимосвязаны системно. По мнению Г. Фреге, значение и имя находятся в отношении именования тогда и только тогда, когда имени приписывается заранее фиксированный смысл в качестве свойства, а само имя реализуется как отношение на значении, т. е. вещи. Но такие взаимоотношения между именем, значением и смыслом являются системными и соответствуют формуле:

$$(JA)t \rightarrow JA ((a)),$$

где **JA** — имя, **a** — значение имени, **t** — смысл.

Здесь смысл — это результат понимания имени: он формируется в процессе понимания, и сам формирует отношение именования как познавательную структуру и как метод. Само понимание рассматривается как отношение между компонентами знания [Дмитревская 1995: 65]. Элементарная единица знания представлена вещью с приписанным свойством или установленным отношением. Субъектный компонент этой структуры выражает известное знание, а новое знание представлено предикатным компонентом единицы знания. В процессе понимания новое знание ассимилируется с известным. Таким образом, устанавливается отношение предикатного компонента к субъектному. Это отношение и выражает структуру понимания.

Процесс понимания, а, следовательно, обнаружения или формирования смысла, становится очевидным при рассмотрении сложных имен или предложений. В элементарной структуре простого имени понимание представлено «опредмеченным» отношением имени к значению, а процесс понимания сводится к формированию понятия или представления о предмете мысли.

Системообразующие функции смысла в полной мере проявляются на уровне структур — сложных имен и предложений. Г. Фреге рассматривает предложение как сложное имя и ставит вопрос о его значении и смысле. Он считает значением предложения его истинность или ложность, а смыслом — мысль, которую предложение выражает. Содержание предложения само по себе не является истинным или ложным. Утверждение его истинности или

ложности это дополнительная логическая информация, полученная путем отнесения смысла предложения к реальной ситуации.

Таким образом Г. Фреге выделяет валентность предложения как его значение. Р. Карнап полагает, что, постулируя принцип взаимозаменяемости, Г. Фреге действует далее в границах этого принципа и «вычисляет» то предметное значение, которое позволяет взаимозаменять сложные имена и предложения. Этим значением оказывается валентность.

Предложение, как и имя, осуществляет определенный вид предикации. Анализируя логическую структуру предложения, Г. Фреге выделяет три вида предикации: а) когда предикат приписывается предмету, б) когда предикат приписывается имени, в) когда предикат приписывается смыслу имени. Таким образом, в сложных именах и предложениях, в отличие от простых, вводится именование не только предмета, но и смысла, и самого имени. Отсюда вытекает различие прямого и косвенного употребления имени: прямое — именование предмета, косвенное — именование смысла или имени.

В косвенном контексте конкретное выражение смысла и значения изменяется: значением становится смысл прямого употребления имени. Если имя в контексте предложения упоминается, то само это имя становится значением данного предложения. При соблюдении этих условий сохраняются принципы предметности и взаимозаменяемости.

Смысл у Г. Фреге рассматривается как качественно трактуемая вещь. Категориальный статус ее подвижен: выступая в прямом употреблении имени в качестве свойства, в косвенной речи смысл становится вещью. Смысл может играть роль отношения, когда он устанавливает существование и единственность значения. Смысл является результатом понимания [Frege 1892].

В интенциональном контексте подчинительные отношения представляют собой следующую структуру: имя – союз или союзный комплекс, который их называет; значение – тот оттенок отношения, который содержится в семантике союза; смысл – отношения подчинения, обусловленности одной ситуации другой ситуацией. Такое прочтение позволяет нам усложнить форму суждения:

$$(aRbc\dots)_1 \rightarrow (aRbc..)_2,$$

которая не выражает многообразия возможных значений связи, до формы:

$$(aRbc\dots)_1 \rightarrow (JA)t(a) \rightarrow (aRbc..)_2,$$

где, помимо переменных компонентов суждения, переменной является и смысл и значение компонентов их связывающих. Кроме того, такое прочтение формы многокомпонентного суждения позволяет произвольно менять любой из компонентов безотносительно к их истинности/ложности, что так же соответствует реалиям мыслительной и речевой деятельности, где, например, возможна экспликация разного рода – причины, времени, условия и т.д. – отношений между одними и теми же ситуациями, каждый из которых в определенных обстоятельствах и при определенном прочтении будет правильным.

Однако следует признать, что традиционная логика не обладает достаточным терминологическим потенциалом для описания широкого спектра оттенков подчинительных отношений, даже при использовании интенционального подхода, и поэтому не может быть единственным основанием лингвистического исследования. Но при этом, анализ логических постоянных позволяет определить характерное различие между сочинением и подчинением: подчинение эксплицирует отношения между последовательными ситуациями (или суждениями) и не может быть обратимо без изменения значения, тогда как сочинение, как правило, выражает связь между событиями, происходящими параллельно и может быть обратимо. В дальнейшем говоря о подчинительной связи в предложении, мы будем иметь ввиду однонаправленные отношения между простыми предложениями в составе сложноподчиненного, обладающие облигаторным смыслом обусловленности и изменяемым значением. При этом направленность связи будет являться основной характеристикой подчинения.

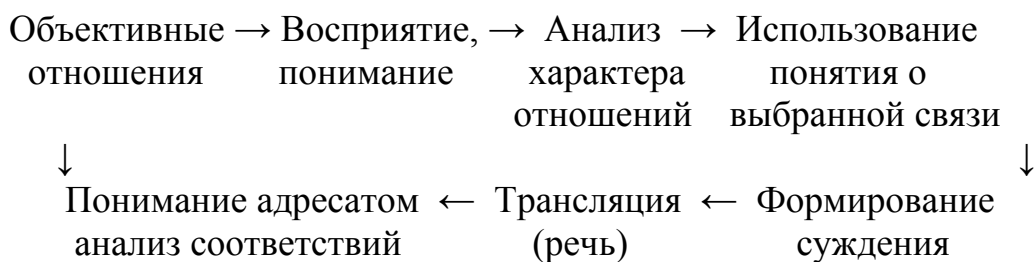
Вышеприведенный анализ представлений различных научных направлений позволяет нам систематизировать современное состояние проблемы статуса подчинительных отношений для конкретизации объекта

нашего исследования и определения экстралингвистического референта термина «подчинение» в языкознании.

Следует признать объективность отношений между событиями и явлениями реального мира, полиаспектное взаимодействие всего происходящего в мире. Следующим этапом становится понимание человеком этой взаимосвязи и всей её сложной структуры. Далее в сознании происходит анализ характера взаимодействия, выделение основного вида связи по мнению анализирующего и апелляция к понятию о выделенном виде связи. На основе полученных в результате данных становится возможным построение суждения, отражающего ситуации реального мира, а так же, при необходимости, последующая трансляция этого суждения в речевом акте. Использование тех или иных лексических единиц для обозначения вида или характера связи при построении предложения на основе суждения не освобождает его от смысла взаимодействия, хотя и нагружает дополнительным значением того вида отношений, который принят за основу говорящим.

Схема 1.1 (4)

Мыслительный процесс и его языковая репрезентация

Таким образом, изложенные выше теоретические разработки позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Проблема статуса подчинительной связи в лингвистике неразрывно связана со статусом её референта, который является предметом изучения нескольких научных дисциплин вследствие своей неоднозначности.

2. В рамках философского миропонимания подчинительная связь соотносится с понятием всеобщего взаимодействия, которое представляет собой объективный закон бытия и сознательную мыслительно-поведенческую установку, многоуровневый и многосоставный процесс, не имеющий ни начала, ни завершения. Философская трактовка взаимодействия дает представление о постоянных отношениях, объективно существующих между различными событиями, ситуациями и явлениями в мире. Полагаем, что именно эти отношения и положены в основу подчинительной связи в языке с некоторой детализацией значения.

3. Изучение мыслительного процесса, его форм, средств и этапов, в психологии позволяют определить наличие понятийного аппарата для выражения характера отношений, субъективной оценки приоритета того или иного вида отношений для каждой ситуации, а так же способность человека воспринимать, оценивать и воспроизводить в мышлении и речи объективные отношения.

4. Логический подход к изучению данной проблемы обладает достаточным резервом для определения формы суждения, а значит и предложения, как способа выражения отношений, в рамках традиционной логики упрощает и схематизирует понятие связи. Однако интенциональный подход дает представление о структуре связи внутри суждения-предложения, разграничивая её форму, значение и смысл.

5. В настоящем исследовании мы будем использовать комбинированную структуру многокомпонентного суждения:

$$(aRbc\dots)_1 \rightarrow (JA)t(a) \rightarrow (aRbc\dots)_2,$$

где $(aRbc\dots)_1, (aRbc\dots)_2$ – формы двух простых суждений в составе сложного, а $(JA)t(a)$ – структура связи между ними с переменными: **JA** — имя, определяемое согласно правилам используемого языка, **a** — значение имени, соответствующее понятию о виде и характере связи и **t** — смысл, выражающий наличие объективного взаимодействия.

1.2. Понятие подчинительной связи в лингвистике

1.2.1. Проблема статуса подчинительной связи

Проблема статуса подчинительной связи в философии, психологии, логике и других науках нашла свое отражение и в системе наук о языке. Наиболее детальной разработке она подверглась в рамках синтаксиса. Имея дело с составными единицами языка, словосочетаниями и предложениями, синтаксис не может не рассматривать различные виды связи и способы её выражения. Синтаксические категории, в том числе и связи, являются универсальными для всех языков, так как они основаны на общих логико-мыслительных категориях. «Общим для всех языков остается выражение синтаксических отношений с их разнообразным содержанием. Различие выступает в грамматической форме их передачи...» [Мещанинов 1958: 9]. Признавая универсальность синтаксических связей, как языкового явления, лингвисты затрудняются в едином определении данного научного понятия. Наиболее общее определение приводится в «Словаре лингвистических терминов»: «Различные виды взаимоотношения элементов речи, обуславливаемые правилами построения, лексическим значением сочетающихся слов и т.д.» [Ахманова 1966: 429]. А.М. Мухин отмечает, что теория предложения обязана считаться с тем фактом, что в структуре изучаемого лингвистического объекта – предложения, его компоненты и существующие между ними отношения образуют неразрывное единство. Эти отношения в структуре предложения в соответствии с распространенной терминологией называют синтаксическими связями [Мухин 1968]. Л. Терньер развивает мысль о связи между словами, как об основе структуры предложения и синтаксиса вообще. Он же вводит в лингвистику понятие синтаксической валентности, понимая под ней способности слова, в частности глагола, управлять определенным количеством актантов [Терньер 1988].

Л. Ельмслев рассматривает в своих работах не связи, а зависимости, представляя последние как функции [Ельмслев 2006]. Однако следует отметить, что связь и зависимость между словами – не одно и то же: «Элемент структуры может зависеть от наличия или отсутствия других элементов в той же структуре. Но связи устанавливаются только между наличными элементами» [Вардуль 1967: 11]. В данном случае, говоря о зависимости, можно приравнять ее к подчинению, поскольку в любом сложном обозначении предмета или лица всегда обнаруживается, что одно из слов имеет первостепенное значение, а другие присоединяются к нему на положении подчиненных слов.

Таким образом, понятие **синтаксической связи**, универсальной для любого языка, будет нами пониматься как **отношение между компонентами сложного предложения, определяющее его структуру**. Данное определение оптимально для целей нашего исследования, в связи с тем, что объектом является система средств подчинительной связи между несколькими простыми предложениями в составе одного сложного предложения.

В традиционной грамматике выделяется три вида синтаксических связей: предикативная, сочинительная и подчинительная. Однако при описании отношений внутри сложного предложения принято говорить только о двух видах связи – сочинении и подчинении. Сочинение наиболее свободный вид связи, практически не влияющий на общую структуру предложения. Сочинение, по мнению В.Г. Адмони, означает скорее количественное, а не качественное усложнение грамматических форм. Форма сочинительной связи представлена в большинстве языков бессоюзным соединением предложений в сложное синтаксическое целое и системой сочинительных союзов [Адмони 1964: 31].

С другой стороны, подчинение связано, прежде всего, с качественным усложнением грамматических форм, а именно с возникновением зависимости одних грамматических форм от других, вследствие чего и формы подчинения более специфичны. Все заявленные языки репрезентируют два основных вида

связи между простыми предложениями в составе одного сложного: союзную и бессоюзную.

Исходя из диахронического характера нашего исследования, целесообразно рассмотреть объект в рамках основных синтаксических теорий, которые, с одной стороны, оптимальны для изучения зафиксированных текстов, а с другой обладают достаточным потенциалом для систематизации языковых явлений. Описание подчинительной связи невозможно без анализа трех её составляющих: языковых форм, форм мысли и экстралингвистических отношений. В зависимости от того, какой из этих факторов принимается за основу, все существующие синтаксические концепции можно свести в три группы: структурно-грамматический, когнитивно-семантический и функциональный подходы.

1.2.2. Структурно-грамматический аспект подчинительной связи

В традиционной грамматике отношения подчинения основаны на понятии синтаксической и семантической валентности. Валентность – это «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами.» [БЭС 1998: 79]. Применительно к синтаксису сложноподчиненного предложения более обоснованным представляется определение, выдвинутое в работах С.Д. Кацнельсона, Ю.А. Левицкого, где «валентность» трактуется как способность центра подчинения (предикативной единицы) избирать придаточные предложения, определяя их грамматические качества и синтаксический статус. Позиция центра подчинения, при этом, устанавливает в отношении предикативной единицы набор формальных и смысловых свойств [Кацнельсон 1972; Левицкий 2005].

Однако, лингвистике известен ряд параллельных мнений. Так, Л. Л. Иофик в своих исследованиях приходит к выводу, что соединение нескольких предикативных единиц в одно целое в рамках сложноподчиненного предложения приводит к образованию новых, качественно иных, признаков у

последнего. Развивая предыдущее положение о центрах подчинения, выделяются два их вида: глагольный и именной. Глагольный центр подчинения имеет обязательную сочетаемость с объектными и обстоятельственными придаточными предложениями. В отличие от него, именной центр не имеет обязательной сочетаемости, кроме случаев обязательного лимитирующего придаточного предложения, когда требуется уточнение одного из членов главного предложения. Помимо изложенного, Л.Л. Иофик классифицирует главные предложения как структурно и семантически завершенные и не завершенные. Так же автором обозначен спектр признаков, присущих придаточным предложениям: подчинительные союзы и союзные слова; при их отсутствии – примыкание к центру подчинения; особый порядок слов; неполнота структуры; особые видо-временные формы глаголов, обусловленные конкретными языковыми требованиями [Иофик 1968].

В.Г. Адмони считает, что подчинение «состоит в том, что какая-либо одна грамматическая форма (или ряд грамматических форм) находится в грамматической зависимости от другой грамматической формы (или других грамматических форм)» [Адмони 1964: 103]. В качестве маркеров подчинения выступают подчинительные союзы и относительные местоимения, сдвиги в порядке слов, некоторые видо-временные формы глаголов, характерные для каждого языка, ритмико-интонационные сдвиги. Особо отмечается факультативность совпадения синтаксической и семантической зависимости, так как в ряде случаев формально главное предложение оказывается семантически несамостоятельным, акцент смещается на содержание придаточного предложения, а главное выполняет интродуктивную функцию.

Л.-Г. Андерссон более подробно рассматривает данный вопрос и выделяет два типа подчинения: синтаксическое и семантическое. Синтаксическое подчинение имеет место, когда формальным и информационным центром подчинения является главное предложение. В случае смещения информационного центра подчинения в придаточное

предложение, наблюдается семантическое подчинение, при этом придаточное предложение является семантически главным [Anderson 1977].

Развивая далее эту классификацию, следует обратиться к делению предикативных частей по признаку автосемантии – сисемантии, предложенному Е.В. Гулыгой. Автор определяет автосемантию как «способность языковой единицы выражать значение или высказывание вне зависимости от других лексических единиц, синтаксических конструкций, контекста или ситуации» [Гулыга 1971: 17]. В свою очередь, синсемантия – это «способность языковой единицы выражать значение или высказывание лишь в сочетании с другими языковыми единицами, на фоне контекста или ситуации» [Гулыга 1971: 17]. Понятие автосемантии эквивалентно структурной и смысловой независимости, которая в большей степени свойственна простым предложениям, либо главному предложению в составе сложноподчиненного, которое несет в себе центр подчинения. Синсемантия, напротив, основная характеристика придаточного предложения, которая так же может быть структурной и смысловой. Признаки синсемантии в равной степени являются признаками подчинения.

Таким образом, в рамках структурной грамматики произведена инвентаризация терминологического аппарата в сфере подчинительной связи.

1.2.3. Когнитивно-семантический аспект подчинительной связи

Более подробное рассмотрение семантического подчинения предлагает когнитивная лингвистика.

В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания репрезентируются и участвуют в переработке информации. Обычно полагают, что репрезентации и соответствующие процедуры организованы модульно, а потому подчинены разным принципам организации [Wunderlich, Kaufmann 1990: 223].

Это положение противоположно принципу прямого соответствия, согласно которому элементы репрезентации прямо соответствуют сущностям в мире и отражают истинностные условия (truth conditions), или условия удовлетворения (conditions of satisfaction). Иначе говоря, одно и то же слово может функционировать как имя объективно существующего предмета или явления, а может соотноситься с абстрактным представлением человека об этом предмете или явлении, которое принято называть понятием. Подобная система распределения значений давно существует в лингвистике. Гораздо сложнее распределить значения предложений. Нельзя отрицать прямую референцию между предложением и ситуацией или группой ситуаций. Однако синтаксическая теория утверждает, что в каждом речевом акте говорящий составляет предложение в соответствии с языковой моделью и наполняет его комплексом значений на свое усмотрение. Значение или смысл предложения, а так же репрезентация отношений между предложениями напрямую зависят от представлений автора о ситуации, его оценок, предшествующего опыта и даже культурного уровня. Предложение как языковая единица не обладает свойством регулярной воспроизводимости, что не дает нам возможности обоснованно говорить о его номинативной функции. Поэтому следует признать соотнесенность предложения с некоторой сущностью в когнитивном представлении этого мира, в «проекции» мира на когницию человека [Jackendoff 1983]. В силу принципа когнитивного соответствия, когнитивная структура заложена в значениях языковых единиц.

Понятие «когниция» является основным для данной теории. Прообраз рабочего определения когниции можно найти у Дж. Беркли, писавшего в 1710 г.: «Для всякого, кто обзирает объекты человеческого познания, очевидно, что они представляют из себя либо идеи (ideas), действительно воспринимаемые чувствами, либо такие, которые мы получаем, наблюдая эмоции и действия ума, либо, наконец, идеи, образуемые при помощи памяти и воображения, возникающие через соединение, разделение или просто представление того, что было первоначально воспринято одним из

вышеупомянутых способов» [Беркли 1978: 171]. Под **когницией** мы будем подразумевать общие представления человека об объективной реальности, полученные либо эмпирическим путем, либо путем различных мыслительных действий. Следует особо подчеркнуть, что когниция внеположена истинностному значению и оперирует как истинным знанием, так и заблуждениями. Ее характеризуют процедуры обращения со знаниями и мнениями вместе с их связями. Знаниям и мнениям приписываются репрезентации, которые когниция как процедура порождает и использует.

Будучи внеположенной фактору истинности, когниция-узнавание, как считал в свое время А. Майнонг [Meinong 1915: 18], – акт суждения (Urteile), к которому рано или поздно присоединяется момент обоснования, собственно событию суждения не обязательно присущий. Когниции свойственна связь с внутренним обоснованием, а не с установлением истины.

Более узкое понятие **языковой когниции** совпадает с тем, что в последние годы, в рамках интерпретационизма, называют интерпретацией в широком смысле, охватывающей фактически все действия над языком, когда для этих действий появляется повод – речь. Если эту речь нужно продуцировать, внутренний мир интерпретируется в виде речи. Когда же речь задана как объект восприятия – интерпретируется она.

В свое время Б. Уорф много сделал для популяризации идеи, что когнитивные процессы, образуя «естественную логику», зависят от конкретного языка, используемого в качестве родного [Whorf 1952]: язык формирует картину мира и мысли, а не просто выражает их [Fearing 1954: 47]. Эта постановка вопроса, породившая целую тематическую область «логика языка», дает фундамент для исследования в области «языковой когниции».

В то же время, когнитивисты не столь категоричны, как Б. Уорф, и полагают, что и универсальные, и неуниверсальные когнитивные процессы используются людьми при интерпретации текста и при восприятии действительности [Durbin 1971: 350]. Конкретно говоря, имеются:

– «переменные когниции», варьирующиеся от языка к языку; например, сведения о морфемах, о синтаксических конструкциях, о фонологических противопоставлениях, даже о категориях, прототипах и семантемах (семантических противопоставлениях и возможностях этих противопоставлений сочетаться в рамках одной языковой единицы);

– универсальные стратегии использования этих «знаний» (а точнее, «когниций») при продуцировании и интерпретации сообщений на конкретном языке.

Относительно подчинительной связи к «переменным когнициям» относятся модели сложноподчиненных предложений, грамматические формы её репрезентации, союзы и модели построения союзных конструкций, универсальными же остаются отношения между ситуациями, требующие выражения в том или ином случае.

При кажущейся очевидности подобного понимания подчинения в случае с союзной связью возникает проблема отсутствия референта. Отношения между ситуациями, несмотря на свой безусловный онтологический статус, не имеют каких-либо маркеров в реальном мире. Иначе говоря, своему существованию они обязаны развитому человеческому мышлению.

Без представленного референта и без опоры на реалии внешнего мира установить непротиворечивость суждения в языковой форме представляется сложным. Когнитивная лингвистика и философия языка пытаются решить эту проблему в рамках следующих теоретических проектов:

1. Построение теории интерпретации текстов (которые иногда содержат взаимоисключающие суждения), объясняющей логический вывод на естественном языке – «речевое размышление». Такая теория должна давать характеристику процессам когниции и отношениям между предложениями и внутри них. Сама человеческая когниция моделируется как «когнитивное вычисление» [Myers, Brown, McGonigle 1986: 1].

2. Разработка науки о «работе мысли» человека, включающей теорию вычислимости смысла текста, т.е. установления связности его (логической

несамопротиворечивости [Johnson-Laird 1988: 26]), при том, что связность суждений о мире считается коррелятом истинного существования мира [McKenna 1982: 223].

И в том, и в другом случае исследователи приходят к выводу, что подчинительная связь между предложениями представляет собой языковую репрезентацию когниции или понимания человека объективных отношений, которая выражается с помощью установленных языковых структур. Чем больше предложение внешне соответствует структурам, выработанным в предъязыковом опыте, тем быстрее оно будет освоено детьми и тем легче будет «переработано» при понимании и выражении взрослыми. Более того эта «глубинная» когнитивная система присуща одновременно и неязыковому (перцептивному), и языковому каналам обработки информации.

В общечеловеческой когниции заложены универсальные когнитивные стратегии. Человеческий опыт их использования приводит к накоплению «объектных» знаний и «оптимизирующих стратегий». Модифицируя гипотезу, сформулированную Ф. Либерманом [Lieberman 1984: 7], можно предположить, что универсальные стратегии встроены в человеческий мозг, заданы самой его биологической структурой и аналогичны электронным схемам в составе компьютера. Объектные же знания и оптимизирующие стратегии представляют собой нечто вроде самонакапливающегося программного обеспечения. Количественные и качественные характеристики репрезентации подчинения зависят от конкретных возможностей и правил языка в обозначенный период.

В рамках когнитивной лингвистики был так же разработан ряд теоретических положений диахронического характера, которые небезынтересны для нашего исследования. В частности большинство ученых рассматривают изменение когниций в фило- и онтогенезе.

Так, приобретение объектных знаний и оптимизирующих стратегий – не простое пополнение уже сложившейся системы, а постоянная модификация и дальнейшее усовершенствование. При таком усовершенствовании происходят: выдвижение гипотез, верификация их, индукция, дедукция, используются

новые сведения, оценивается надежность такого использования, устанавливается место для новых сведений среди старых и методы доступа к ним. Важное место занимает в этом комплексе «ведение системы когниций», когда, например, возникает конфликт между старыми и новыми единицами хранения, между уже используемыми оптимизирующими стратегиями и новыми кандидатами. Исход таких конфликтов не всегда однозначно предопределен собственно когнициями: аффекты тоже играют роль. Крайней когнитивной депрессией можно назвать тот исход, когда интерпретатор отказывается вообще от попыток и пребывает в интерпретативной прострации [Rubin 1987: 23].

Следующий вопрос касается смены системы когниций со сменой поколений. Результаты некоторых исследований дают основания для положительного ответа на этот вопрос. Так, филологическое исследование показало, что у У. Шекспира (в меньшей степени – у К. Марло), в отличие от предшественников, пьесы структурированы так, чтобы еще до основного действия сделать понятными зрителю намерения героев. Иначе говоря, У. Шекспир помогает своему адресату выработать ожидания. Этого не было у авторов до У. Шекспира. Выработка ожиданий – не какая-то независимая психологическая способность, а попутный продукт интерпретации речевых событий, когда выявляются причинные и временные отношения между событиями. Напрашивается вывод, что шекспировская эпоха была временем своеобразной «когнитивной революции», когда изменились механизмы когниции у целого поколения. Видимо, где-то между XII и серединой XVII веков английская ментальность вступила на новый путь мышления: мышления в терминах времени, причинности и вероятности [Le Pan 1989: с.ix]. Аналогичный переход повторяется в онтогенезе – по мере взросления человека XX и XXI веков. Мы предполагаем также, что об изменении когниции от поколения к поколению свидетельствуют и изменение видо-временных систем европейских языков, системы определенности-неопределенности (например,

появление и исчезновение артиклей) и другие синтактико-семантические изменения языка.

Таким образом, когнитивная теория дает возможные ответы о природе отношений, понимания и воспроизведения посредством языка и развития этих процессов с точки зрения истории.

1.2.4. Функционально-семантический аспект подчинительной связи

Третий заявленный подход – функциональный или функционально-семантический – появился сравнительно недавно, и предлагает описание языковых единиц в двух направлениях: от средств к функциям и от функций к средствам, где последнее является приоритетным. Основным принципом данной грамматической школы – это выделение и описание системы **функционально-семантических полей (ФСП)**, в пределах которых осуществляется функционирование грамматических форм и конструкций.

Для определения ФСП можно воспользоваться формулировкой А.В. Бондарко: ФСП - это двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое морфологическими и синтаксическими средствами языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне [Бондарко 2007: 40]. Другими словами ФСП – это единство разноуровневых языковых форм, выражающих одно значение. Именно такой способ описания является наиболее результативным, когда речь идет о явлениях, пограничных между языком и мышлением, как, например, отношения подчинения.

ФСП традиционно представляют в виде поля, где языковые формы распределяются от центра – ядра к периферии, по признаку репрезентации указанного значения. Чем более явно оно выражено в той или иной форме, тем ближе она к ядру поля, не зависимо от своего уровня. На периферии располагаются формы, реализующие данное значение скрыто или совместно с

другими значениями. В этом случае говорят о пересечении полей. В каждом языке выделяется множество ФСП, соответствующее множеству значений. Однако онтология большинства ФСП характерна для всех языков.

В контексте теории ФСП считается, что проявление общности основных признаков системы ФСП отражают общность мыслительных категорий, что в конечном счете восходит к единству отражения субстанций, свойств и отношений объективной внеязыковой действительности. Проявления расхождений ФСП в языках разных типов коренятся в особенностях строя отдельных языков, их категориальной системы, в различиях, существующих в распределении выражения тех или иных отношений между морфологией, синтаксисом, лексикой, словообразованием, средствами контекста и ситуации. Особенно существенными могут быть расхождения в пределах отдельных полей [Бондарко 2007: 48].

Подход к проблеме общности и своеобразия в системах ФСП в языках разных типов тесно связан с вопросом о соотношении двух аспектов ФСП. В ФСП как предмете и методе лингвистического исследования выделяют два аспекта: конкретно-языковой и универсально-понятийный. Следовательно, ФСП рассматривается как группировка средств конкретного языка, взаимодействующих на семантической основе (конкретно-языковой аспект) и со стороны содержания как семантическая зона, которая охватывает средства не только данного языка, но и других языков (универсально-понятийный аспект).

Для целей нашего исследования мы будем использовать термин ФСП применительно к рассматриваемым единствам в их конкретно-языковом аспекте: именно этот аспект является определяющим для нашей интерпретации данного понятия. По отношению же ко второму — универсально-понятийному — аспекту рассматриваемых единств используется термин **понятийное поле (ПП)** [Бондарко 2007: 48-50].

Следует подчеркнуть, что в рамках рассматриваемой системы функционально-семантических полей ФСП и ПП — это не разные объекты, а разные аспекты одного и того же изучаемого объекта, существующего в плане

мыслительно-языковой онтологии. Раздельные термины (ФСП и ПП) в данном случае лишь условно расчленяют в форме субстанциональных «лингвистических объектов» тот предмет исследования, который следует охарактеризовать как совокупность признаков одного и того же функционально-семантического единства [Караулов 1981: 21-23].

Необходимость подобного подхода вытекает из объективной двойственности природы ФСП. С одной стороны, эти единства формируются на основе грамматических форм, синтаксических конструкций, лексико-грамматических средств данного языка, т. е. строятся на базе языковых категорий, на языковой категориальной основе. С этой точки зрения они отражают своеобразие, неуниверсальные особенности структуры данного языка. С другой стороны, рассматриваемые единства заключают в себе некоторые универсальные элементы мыслительного содержания. ФСП в отдельном языке представляет собой конкретно-языковое преломление универсальных мыслительных сфер, категорий и признаков. В этой связи важно подчеркнуть, что компоненты ФСП взаимодействуют именно на семантической основе, на базе общности некоторого семантического инварианта, который объединяет разнородные элементы данной системы.

По существу именно на универсально-понятийной основе базируется употребление таких грамматических категорий, как вид, время, наклонение, лицо, число и т. п. (соответственно, аспектуальность, темпоральность и т. д.), по отношению к языкам различного строя. При всех различиях в значениях, структуре и средствах выражения подобных грамматических категорий и ФСП в языках различных типов все же имеется некоторый понятийный инвариант, определяющий область значений, о которых идет речь, и это открывает возможность использования соответствующих терминов при изучении разных языков. При всех различиях в трактовке указанных понятий и терминов все же именно понятийные, относительно универсальные и относительно инвариантные элементы рассматриваемых единств в языковой онтологии

создают предпосылки для взаимопонимания (также относительного) лингвистов разных направлений и школ, исследующих языки различного строя.

Говоря о конкретно-языковом аспекте ФСП, имеется в виду функционально-семантическое единство, относящееся к строю именно данного языка, группировку средств этого языка с их формальным выражением и языковым содержанием. План содержания ФСП представлен языковыми значениями (грамматическими, лексическими, словообразовательными). Содержание единиц, охватываемых ФСП, имеет конкретно-языковую внутреннюю структуру и связано разноплановыми отношениями со значениями других языковых единиц, классов и категорий, контактирующих с данной единицей. В каждом из значений, включенных в план содержания ФСП, находят отражение не только универсальные, но и неуниверсальные содержательные элементы, обусловленные спецификой строя данного языка.

ФСП включает в себя единицы, классы и категории данного языка с их конкретно-языковым содержанием. Структура отдельного ФСП, особенности взаимодействия его морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических компонентов, языковые значения в центре поля и на его периферии во всех деталях их системно-структурной организации и их выражения — все это относится к специфическим признакам данного языка. Конечно, в структуре поля проявляются некоторые общие закономерности и принципы, относящиеся ко многим языкам, однако способы и варианты реализации этих закономерностей и принципов многообразны, и ФСП в данном языке в данный период его развития всегда обладает качественным своеобразием. Будучи конкретно-языковым единством, ФСП представляет собой категорию, исторически изменяющуюся и развивающуюся.

ПП потенциально всегда предполагает ту или иную реализацию, однако, это любое выражение, в любом языке. Поэтому ПП и может рассматриваться безотносительно к плану выражения. Соответственно, структура ПП — это его содержательные компоненты и связи между ними, рассматриваемые

исключительно в плане содержания. Элементы структуры ПП — это понятийные признаки.

Разграничение рассматриваемых аспектов содержания ФСП связано с выражением двух уровней содержания: конкретно-языкового (уровня языкового содержания) и универсально-понятийного («глубинного», ментального) — уровня мыслительного содержания.

Содержание ФСП относится к сфере единиц языкового содержания — таких, как категориальное грамматическое значение, лексическое значение, языковая семантическая функция, план содержания высказывания. Что же касается ПП, то оно включается в ряд единиц мыслительного (понятийного, смыслового) содержания — таких, как понятийная категория, смысл высказывания, речевой смысл [Бондарко 2007: 57-75].

Современные лингвисты [Бондарко 2007; Булыгина 1997; Маслов 1998] отличают друг от друга понятия ФСП и ПП по уровню их онтологического статуса. При анализе ФСП мы имеем дело с конкретными средствами данного языка или нескольких сопоставляемых языков. Речь идет о языковой (в том числе и содержательно-языковой) онтологии первого ранга. Что же касается понятийных полей, то они представляют собой более абстрактный предмет. Их онтологический статус, статус второго ранга, относится к более высокому уровню абстракции. Изучение и познание ПП непосредственно связано с изучением и познанием конкретных ФСП в том или ином языке. На основе сопоставления ФСП разных языков и обобщения инвариантных базисных признаков их содержания мы получаем представления о ПП и их компонентах, т. е. об универсальных понятийных зонах.

Суждения о тех или иных свойствах ПП всегда предполагают высокую степень гипотетичности. Во многих случаях мы можем говорить лишь о тех или иных потенциальных возможностях.

Универсально-понятийные основания ФСП коренятся во внеязыковой действительности, в общих закономерностях ее отражения в сознании людей. От явлений объективной действительности — через сознание и мышление —

осуществляется языковая репрезентация содержания и выражения, а затем языковая категоризация и языковая семантическая интерпретация понятийного содержания. Если универсально-понятийный аспект рассматриваемых полей включает в себе общее, инвариантное в отражении внеязыковых явлений в сознании и языке, то конкретно-языковой аспект ФСП включает не только общие, свойственные всем языкам закономерности, но и индивидуально-языковые особенности «отражения в языке понятийного восприятия человеческим коллективом реальной окружающей действительности» [Лобанова 2005: 148-150].

Будучи по своему «происхождению», по внеязыковому первоисточнику, результатом отражения внеязыковых субстанций, свойств и отношений, воспринимаемых индивидуальным человеческим сознанием и социумом, семантические категории и признаки, лежащие в основе ФСП, в их конкретно-языковой интерпретации, системно-структурной организации и особенностях манифестации становятся элементами строя конкретного языка, элементами языковой онтологии.

Излагаемая концепция поля предполагает, что семантические признаки, охватываемые полями в грамматике (процессность, результативность, статальность, начинательность, возможность, необходимость, побуждение, обобщенноличность, неопределенноличность, безличность, активность, пассивность, рефлексивность, взаимность и т. п.) извлекаются из значений языковых средств, выступающих в высказываниях. В частности, подобные смыслы вычленяются в результате сопоставления разных высказываний, характеризующихся различиями их языкового содержания, но общностью некоторых инвариантных содержательных элементов.

Смыслы, заключенные в высказываниях, отчасти повторяются и разнообразно варьируются. Для целей описания полей в рамках функциональной грамматики производится отбор среди этого множества смыслов. Во-первых, необходимо отобрать наиболее обобщенные смыслы, не сводимые к индивидуальным значениям отдельных лексических единиц, т. е.

смыслы, соответствующие той степени абстрактности, которая характерна для грамматической семантики. Во-вторых, необходимо отобрать смыслы, которые могут иметь грамматическое формальное выражение (наряду с возможным неграмматическим). При этом речь идет не только о грамматических формальных показателях, но и о грамматических признаках системно-структурной организации.

В целом отбор тех смыслов, которые могут быть исходными для описания полей как основного компонента функциональной грамматики, базируется на свойстве членимости языковой системы - категориальности. Иначе говоря, из множества смыслов, выражаемых в речевых произведениях на данном языке, необходимо отобрать категориальные смыслы. Речь идет о тех смыслах, которые в своем языковом воплощении не только выражаются так или иначе в речи, но и принадлежат строю языка, лежат в основе грамматических и лексико-грамматических единиц, классов и категорий. Именно на этой основе выделяются ФСП, описываемые в грамматике рассматриваемого типа.

Хотя рассматриваемое разграничение достаточно убедительно постулируется при постановке вопросов в обобщенной теоретической форме, в действительности остается немало неясного в конкретном определении признаков и критериев дифференциации категориального и некатегориального, в разграничении того, что опирается на специальное категориальное грамматическое выражение, и того, что не имеет такой опоры, в различении относящегося к строю языка и лишь передаваемого при помощи тех или иных языковых средств в речи. Решение таких вопросов применительно к конкретным языковым фактам осложняется и тем обстоятельством, что наши представления о категориальном в содержании и выражении далеко не свободны от влияния традиции. То, что издавна признано предметом грамматического описания, обычно не вызывает сомнений, и, напротив, такие сомнения обычно возникают в тех случаях, когда при подходе от семантики к

форме мы встречаемся с необычными для грамматики, нетрадиционными смыслами.

Более или менее ясно область категориальных смыслов выступает в тех случаях, когда они находят воплощение в морфологических категориях, а также в лексико-грамматических разрядах, характеризующихся высокой степенью обобщенности и регулярности.

Значительно сложнее дело обстоит в области синтаксических, конструкций. Какие конструкции являются категориальными, а какие — некатегориальными? Этот вопрос до сих пор по существу еще и не ставился применительно к рассматриваемому кругу проблем.

Таким образом, выделение и описание ФСП в отдельном языке базируется на категориальном основании (только более широком, чем отдельные грамматические категории и формы). Следовательно, описание ФСП строится на категориальной основе, единой для грамматики в целом. Этот вывод не противоречит направлению анализа «от семантики к форме», характерному для функциональной грамматики (наряду с направлением «от формы к семантике»), так как сама семантика, о которой идет речь, неразрывно связана с грамматической категориальностью: это семантика, выражаемая грамматическими единицами, классами и категориями во взаимодействии с языковыми средствами разных уровней, входящими в состав ФСП.

Предлагаемая интерпретация ФСП является собственно лингвистической — грамматической в своей основе, а не логической. Базой для выделения определенного ФСП в данном языке является грамматическая категория, синтаксическая конструкция или комплекс таких конструкций и другие грамматические средства вместе с взаимодействующими с ними на семантической основе элементами разных уровней системы языка. Указанные средства рассматриваются как в системно-парадигматическом аспекте, так и в их функционировании, в их реализации в высказывании. Это и есть конкретно-языковое основание, на котором строится исследование ФСП.

Описание ФСП дает возможность наиболее адекватного комплексного подхода к изучению явлений разных языковых уровней. Однако для целей нашей работы собственно лингвистической концепции ФСП недостаточно. Позиционируя объектом исследования подчинительные отношения в их динамике, мы не можем опереться грамматическую категорию или иные грамматические средства в чистом виде, так как само понятие «отношений» восходит к мыслительным процессам и в первую очередь находит отражение в логике, а затем в языке.

Использование понятийного аппарата и теоретических разработок функциональной грамматики позволило нам выделить ядро семантики подчинения, на основе логических, когнитивных и лингвистических данных. Нам представляется, что подчинительные связи в языковой системе являются референтом значения направленности, свойственного логическим отношениям импликации и эквиваленции. Именно это значение выбрано нами как характерный признак, разграничивающий подчинение и сочинения. Таким образом, **подчинительная связь в системе сложного предложения** будет в дальнейшем трактоваться как эксплицированные значения однонаправленных экстралингвистических отношений, отрефлектированных говорящим и выраженных в соответствии с грамматическими нормами построения предложения конкретного языка. В дальнейшем упоминая подчинительную связь, мы будем вкладывать в этот термин именно такое понимание.

Следует отметить, что значение направленности, как признак подчинения свойственно не только синтаксическим связям. Такой подход открывает широкие возможности для дальнейшего описания подчинительных отношений не только в рамках сложного предложения, но и словосочетания и словообразования.

Резюмируем изложенное выше:

1. Понятие и статус подчинительной связи неоднозначны, многоаспектны и открыты для изучения в ряде научных дисциплин. Наиболее полные

разработки данного вопроса проводились в рамках синтаксической теории и затронули структурную, когнитивную, семантическую и функциональную стороны проблемы.

2. Структурный подход обладает широким спектром средств описания, но не обеспечивает системообразующего подхода подчинительной связи. Для когнитивно-семантического подхода характерно понимание подчинения как мыслительной и языковой интерпретации экстралингвистических отношений, в том числе и в аспекте её исторического развития. Функциональный подход опирается на значение языковых форм и предлагает описание языковых единиц в двух направлениях: от средств к функциям и от функций к средствам, где последнее является приоритетным.

3. Синтез разработок в разных областях лингвистики позволяет разработать дефиницию подчинительной связи в структуре сложного предложения. **Подчинительная связь в системе сложного предложения - эксплицированные значения однонаправленных экстралингвистических отношений, отрефлектированных говорящим и выраженных в соответствии с грамматическими нормами построения предложения конкретного языка.**

1.3. Статус сложноподчиненного предложения и союзной связи как его компонента

1.3.1. Проблема статуса сложноподчиненного предложения в классической грамматической традиции

Попытка описания союзной связи была бы несостоятельной без определения статуса сложноподчиненных предложений, как формы функционирования союзов.

Признавая взаимозависимость частей сложного предложения, исследователи по разному устанавливают характер этой зависимости,

выделяют различные функции – смысловые и грамматические – выполняемые одной частью сложного предложения по отношению к другой.

На основании определения характера отношения между отдельными частями предложения была осуществлена классификация сложного предложения в рамках структурного подхода.

Первая разбивка сложного предложения идет по линии определения этого отношения как смысловой и структурной равноправности/неравноправности отдельных частей предложения. В первом случае мы говорим о сложносочиненных предложениях, во втором – о сложноподчиненных.

Если вопрос о сложносочиненных предложениях в данном контексте достаточно ясен – они представлены как сочетание двух относительно самостоятельных языковых единиц – то вопрос о статусе сложноподчиненного предложения и его частей подвергался тщательной разработке.

Издавна существовало мнение, что придаточные в сложноподчиненном предложении представляют собой не что иное, как тот или иной развернутый член предложения. В значительном числе случаев «подчиненное» придаточное предложение присоединяется непосредственно к одному из членов «главного» предложения. Связь осуществляется посредством специальных служебных слов-местоимений, союзов, союзных слов. В ряде случаев придаточное служит лишь для развертывания, уточнения или ограничения того члена главного предложения, при котором оно находится и за которым закреплено. В этом случае придаточное семантически входит в состав главного предложения. Но оно может содержать некоторое дополнительное сообщение, не просто уточняющее какую-то часть высказывания, а вносящее нечто новое, относительно самостоятельное. Более того, придаточное может соотноситься не с каким-то одним членом предложения, а со всем предложением в целом.

В сложном предложении с относительной связью, например, когда придаточное непосредственно — семантически и грамматически примыкает к одному члену предложения и служит для его уточнения, этот член предложения оказывается выраженным в главном предложении в общем виде, он не

детализован, скрыт в слове более или менее обобщенного значения и семантически требует своего раскрытия.

Разумеется, между случаями, когда можно говорить о «необходимости» уточнения одного из членов главной части предложения посредством придаточного и такими, где придаточное оказывается дополнительным высказыванием, присоединенным к другому законченному высказыванию, существует целый ряд промежуточных ступеней. В отдельных случаях степень обусловленности или свободы двух частей сложноподчиненного предложения поддается определению не без труда.

Для построения классификации сложных предложений, исходящей из характера взаимоотношений между главной и придаточной частью, необходима точная оценка существующих между ними смысловых связей и строгий учет тех языковых, формальных средств, посредством которых эти связи реализуются. Внутренние, смысловые связи между отдельными частями предложения, между отдельными частями высказывания или самостоятельными высказываниями обуславливают степень этой их «отдельности» или степень зависимости одного предложения от другого. Формальными показателями степени связанности и взаимозависимости двух частей сложноподчиненного предложения являются союзы и местоимения, определяющие их соотносительные слова — антецеденты, временные формы глаголов, позволяющие определить временное соотношение действий, наконец, взаиморасположение главной и придаточной части предложения - постпозиция, препозиция, интерпозиция.

С точки зрения семантической, анализу должен быть подвергнут характер высказывания, заключенного в каждой части предложения, его отдельность или зависимость, степень его полноты.

Большинством современных французских грамматистов сложноподчиненное предложение определяется как сочетание главного предложения, «грамматически недостаточного и требующего дополнения в виде одного или нескольких других предложений» [Grammaire Larousse 1962:

85] и придаточного. Последние выступают в качестве подлежащего, определения, обстоятельства или дополнения к главному. Таким образом, придаточные предложения продолжают рассматриваться как члены предложения главного. Такого взгляда на сложноподчиненное предложение держится, например, М. Гревис, рассматривающий придаточные предложения как соответствующие различным частям речи, которым в свою очередь свойственно выполнение функций определенных членов предложения [Grevisse 1959: §994]. К. Зандфельд распределяет все придаточные предложения по четырем рубрикам: 1) дополнительные, 2) адвербиальные, 3) косвенный вопрос и 4) относительные. Последние распадаются на: а) независимые (не имеющие антецедента), б) зависимые атрибутивные и в) зависимые присоединенные [Sandfeld 1936].

Возможность ограничиваться при изучении придаточных предложений их соотношением с членами предложения принимается многими современными романистами. Иногда, правда, с оговорками. Чаще всего они состоят в признании автором своего нежелания углубляться в этот вопрос, изменить привычным, давнишним воззрениям.

Так, например, в 1963 году в Берлине вышло исследование Ж. Германа, во введении к которому он пишет: «Само понятие „подчинения" трудно определимо. Тем более затруднительны определения и классификация различных типов придаточных предложений» [Herman 1963]. Ж. Герман предупреждает, что он будет называть придаточным всякое предложение, которое может рассматриваться как член другого предложения. Под «подчиняющими союзами» автор понимает всякое слово, способное вводить придаточное предложение систематически или окказионально.

Таким образом, автор различает придаточные предложения только как выполняющие функции подлежащего, дополнения, обстоятельств и т. д. Ссылаясь на Б. Брёндаля, Ж. Герман говорит, что понимает придаточное предложение как такое, которое может рассматриваться в качестве «элементарной синтаксической единицы» другого предложения (как

подлежащее, прямое дополнение, обстоятельство и т. д.) [Herman 1963: 25]. Автор, правда, оговаривается, что принимаемая им формулировка не нова, что она может вызвать возражения, но исследование теоретической стороны вопроса в его задачи не входит. То, что он опирается на эту явно устаревшую теорию, свидетельствует, что более убедительно изложенной новой он не находит.

В заключение автор говорит, что ему известно, в какой степени такой принцип классификации придаточных предложений способен вызвать возражения, однако считает его вполне приемлемым для целей его исследования. Последнее представляет собой изучение становления системы подчиняющих союзов в романских языках, проведенное на материале латыни классической, постклассической и древнейших романских языков.

Известный датский лингвист К. Зандфельд посвятил изучению сложноподчиненного предложения целый отдельный том своего «Синтаксиса современного французского языка». Он говорит о возможности трех принципов классификации подчиненных предложений: по форме, по выполняемой синтаксической функции и по смыслу. Первую классификацию — по форме — автор называет «лексикологической». С его точки зрения, все подчиненные предложения делятся на введенные а) простыми союзами, б) сложными союзами с *que*, в) вопросительными местоимениями, г) относительными местоимениями и д) не имеющие специального оформления [Sandfeld 1936].

По выполняемой синтаксической функции автор делит подчиненные предложения на подлежащее, сказуемое, оппозицию, прямое дополнение, предложное дополнение, предложение сравнения, обстоятельство. Таким образом, придаточное предложение всегда выполняет функции, свойственные членам предложения. С этой точки зрения, всякое придаточное рассматривается как некий распространенный член главного предложения.

В основе третьего возможного типа классификации К. Зандфельд полагает значение и называет ее «семантической». Эта классификация делит подчиненные предложения на 1) содержащие высказывание и определяемые по

терминологии английской грамматики (Есперсен) как «content clauses»; 2) содержащие косвенный вопрос; 3) предложения относительные; 4) предложения, определяющие время, причину, условие, цель и т. д. [Sandfeld 1936].

В своей работе, содержащей подробнейшее рассмотрение всех возможных типов придаточных предложений, построенной на огромном количестве языковых примеров и занимающей почти 500 страниц большого формата, К. Зандфельд придерживается, в сущности, этой третьей классификации.

Весь свой материал он распределяет по следующим рубрикам: 1) дополнительные предложения; 2) косвенный вопрос, 3) независимые относительные предложения (по значению отвечающие имени деятеля (*nom d'agent*)), 4) сказуемые относительные предложения (по значению отвечающие причастию, 5) зависимые относительные предложения, 6) адвербиальные предложения. По мнению Е.А.Реферовской, такая классификация мало чем отличается от «синтаксической», уступай ей в последовательности [Реферовская 2007: 186].

Р.-Л. Вагнер определяет придаточное предложение исходя из двух признаков: грамматической его несамостоятельности и мелодики. Придаточное предложение («зависимое» или, иначе, «подчиненное»), по формулировке Р.-Л. Вагнера, не обладает грамматической автономностью, т. е. не могло бы фигурировать в качестве отдельного предложения. Оно имеет свою опору в главном предложении в целом или в одном из членов главного предложения [Wagner, Pinchon 1967: 498—501, 543-545].

Автор подчеркивает, что разграничение главного и придаточного предложения опирается не столько на смысл его, семантику, сколько на грамматическую его структуру. Последняя может выражаться в порядке расположения подлежащего и сказуемого.

В некоторых грамматических структурах, возможных для любого типа предложения (главного и придаточного) достаточно своеобразного

мелодического рисунка, чтобы определить его как придаточное. Порядок слов придаточного может отличаться от порядка слов этого же предложения, будь оно простым или главным. Что касается смысловых связей главного предложения и придаточного, то они могут быть различными. Налицо целая гамма отношений: от обязательного, необходимого присутствия придаточного предложения, без которого смысл главного может оказаться не только незаконченным, но и вовсе непонятным, до полной его факультативности. В последнем случае в придаточном предложении будут заключены дополнительные сведения, отнюдь не обязательные, и которые при желании можно было бы поместить и отдельное предложение.

Р.-Л. Вагнер утверждает, что главное и придаточное находится в двух противоположных зависимостях друг от друга: формальной, направленной от придаточного к главному, в котором первое находит свою грамматическую опору, и семантической - от главного к придаточному, в котором оно находит свое смысловое завершение [Wagner, Pinchon 1967: 502].

Из изложенных взглядов автора видно, что и для него процесс подчинения одного предложения другим включает две стороны: внешнюю, формальную, и внутреннюю, смысловую. Построение классификации придаточных предложений покоится на сочетании этих двух сторон. Таким образом, отыскание признаков, определяющих их взаимоотношение, послужило бы основанием для построения классификации.

Наиболее существенным во взглядах Р.-Л. Вагнера представляется привлечение интонации как одного из показателей грамматической природы предложения и связи последней с семантикой всей фразы в целом.

Нет сомнений в том, что сложноподчиненное предложение представляет собой сложное единство. Семантика этого единства есть совокупность содержания составляющих его частей. Но и в формальной стороне единство содержания находит способы своего выражения. Показателями единства главной и придаточной части предложения являются, прежде всего, соотносительные слова, непосредственно связывающие обе части. Семантико-

структурная спаянность сложного предложения не есть нечто абсолютное, и степень этой спаянности может быть различна. Придаточная часть в одних случаях может служить необходимым уточнением или распространением одного из членов главной части, при этом она органически входит в состав сложного предложения как его неперенный член, и семантическое единство предложения предстает как неделимое целое. В этом случае сложно-подчиненное предложение может быть определено как «односоставное», или «одночленное». Придаточная часть способна играть и другую роль относительно главного предложения. Она может содержать не необходимое уточнение отдельного его члена, но может, относясь к тому же члену главного предложения, сообщать некие дополнительные о нем сведения, являющиеся, с точки зрения общего смысла, необязательными. Полнота содержания налицо и без этого дополнительного сообщения, которое, впрочем, обогащает его. В подобном случае связь между членом главного предложения и относящимся к нему придаточным относительно слаба. Соответствующий член главного предложения не требует ни по своему смыслу, ни по форме обязательного распространения и уточнения, он является достаточно определенным формально или контекстуально. Поэтому всякая дополнительная его характеристика будет факультативной. В подобном случае придаточная часть содержит относительно самостоятельную дополнительную информацию, хотя и относящуюся к одному из членов главного предложения, но не входящую в его состав. Она представляет собой отдельную единицу информации. Предложение в целом оказывается «двусоставным», «двучленным».

Нельзя не обратиться и к возможностям и результатам промежуточной классификации, предложенной В.Г.Адмони, основанной на композиционных особенностях предложения и учитывающей не только структурный, но и логический, и коммуникативный аспекты. Автор выделяет линию напряженности организации предложения и градуированно делит сложноподчиненные предложения на свободно организованные и напряженно организованные. При подобной интегрированной попытке определения

сложноподчиненного предложения учитывается ряд основополагающих факторов: наличие независимой и зависимой позиций; наличие в главном предложении незаполненных позиций (облигаторных и факультативных); наличие у придаточного предложения формальных и семантических качеств, удовлетворяющих требованиям данных валентностей; наличие эксплицитного или имплицитного отношения подчинения между главным и придаточным предложениями; наличие маркеров подчинения (союзов, союзных слов, порядка слов и т.д.); особое интонационное оформление зависимой части. В качестве дополнительных факторов можно назвать асимметричность плана выражения и плана содержания, возможность совмещения в одном компоненте функций главного и придаточного предложений, инкорпорация придаточного предложения в структуру главного, столкновение несочетаемых грамматических форм [Адмони 1964].

В целом необходимо отметить, что такой взгляд на сложноподчиненные предложения доказывает невозможность механического разделения сложного предложения на составные части. Формально, каждая из частей, составляющих сложноподчиненное предложение, носит название придаточного предложения и выглядит как некая законченная, структурно целостная предикативная единица, которая может содержать весь спектр членов предложения и иметь законченное смысловое содержание. Но эта видимая законченность значительно изменяется в осмыслении с другими частями сложного предложения. С этой точки зрения предложение соотносится с предикативной единицей, а сложное предложение предстает, как сочетание предикативных единиц или их контекстуальных эквивалентов, построенных по некой инвариантной схеме сложного предложения. Предложение рассматривается безотносительно к отображаемой им действительности и формам мысли. По формальным признакам определяются члены предложения и связи между ними. Предложение предстает как формальный образец, идеальная схема, существующая в системе каждого отдельного языка, и развертывающаяся в позиционную схему в каждом речевом акте. Однако исследование сложного

предложения в его динамической природе показывает, что оно описывает одну экстралингвистическую ситуацию, хотя и может при этом содержать два и более сообщений. Однако в ходе семантизации синтаксических исследований был сделан вывод, что в основе предложения лежит содержательный образец, отдельные звенья которого могут выражаться разными формами.

Сложноподчиненное предложение представляет собой довольно замысловатое единство двух сторон: семантической и формальной. С точки зрения семантики, т.е. смысловых отношений между двумя его частями, суждение о степени самостоятельности составляющих частей может оказаться в известной мере субъективным. С другой стороны, опираться лишь на внешние средства, оформляющие подчиненный характер одного предложения другому, также представляется недостаточным. С точки зрения семантики, анализу должен быть подвергнут характер высказывания, заключенного в каждой части предложения, его отдельность или зависимость, степень его полноты, а так же характер связи между ними.

Анализируя содержание каждого компонента сложноподчиненного предложения в рамках семантической теории, необходимо отдельно выделить пропозициональное содержание, как главного, так и придаточного предложения. Цели нашего исследования не предполагают выявления истинности/ложности и иных модальных аспектов содержания предложения. Мы исходим из того, что компоненты сложноподчиненного предложения адекватно отражают экстралингвистические ситуации и отношение говорящего к ним. Предлагаемая классификация сложноподчиненных основана на типе референции языковых выражений с пропозитивным значением. Так, при соответствии значения обоих предложений в составе сложного действительному положению вещей в мире дискурса – референтом предложения является ситуация. Другой тип референта – факт выражает отношение говорящего к ситуации, т.е. ту же ситуацию, погруженную в сознание человека [Арутюнова 1976]. В этом случае в предикативной структуре употребляются глаголы мыслительной и речевой деятельности и чувственного

восприятия, а предложение их содержащее считают зависимым. Помимо явной условности такого деления предложений, нельзя не отметить его несоответствие традиционной синтаксической теории, где часто главными выступают те предложениями, которые с семантической точки зрения являются зависимыми. Ещё более неоднозначная ситуация складывается при изучении союзной связи. В большинстве случаев, характер отношений между двумя предложениями в составе сложного является выбором говорящего исходя из его перцепции и анализа ситуации. Современная наука не готова предложить теории синтаксиса некоего объективного коррелята тем связям, которые эксплицируются союзами. Таким образом, вопрос о семантическом статусе подчинительной союзной связи остается открытым: с одной стороны, отношения между ситуациями объективно существуют, они универсальны, их количество конечно и они имеют собственное языковое выражение. С другой, эти отношения объективно неизмеримы, и их существование обусловлено их осмыслением и языковой репрезентацией, которая может быть индивидуальной. Для преодоления данного противоречия принято апеллировать к термину «связка», под которым подразумевается синтаксическая категория единиц логического языка, используемая при экспликации пропозиционального содержания предложений. Именно смысловой категории связки соответствует лексико-грамматическая категория союзов в естественном языке, которая считается закрытым классом [Кобозева 2009: 226]. Попытки семантического анализа союзной связи предпринимались такими исследователями как Е.В. Падучева, Ю.И. Левин, и другими [Левин 1970, Падучева 1974], однако, необходимость основываться на теории суждения классической логики не позволила авторам дать исчерпывающее описание.

1.3.2. Проблема статуса сложноподчиненного предложения в функционально-семантической грамматике

Возможные пути преодоления данного противоречия предлагает функционально-семантическая грамматика. Как говорилось выше, система ФСП, предложенная А.В. Бондарко и другими исследователями, позволяет объединить языковые единицы различного уровня в рамках одного поля в соответствии с их функцией и значением [Бондарко 2005]. С одной стороны, при исследовании сложноподчиненных предложений на первый план может быть выдвинут характер связи между ними, что соответствует цели нашего исследования. Но разнообразие ФСП и различия категорий, образующих их ядра настолько велико, что систематизация сложноподчиненных предложений вызывает затруднения. Так, например, временные союзы следует отнести к ФСП темпоральности, но нередко временные отношения между ситуациями осложнены какими-либо другими – условными, причинными, следственными и т.д., а выражающие их союзы имеют два и более значения. В этом случае мы столкнулись с необходимостью определения границ пересечения поля темпоральности с полем обусловленности, что не всегда возможно из-за субъективного выбора союза для акцентуации тех или иных отношений. Помимо этого вызывает вопросы положение союзов относительно ядра ФСП: оно так же может меняться в зависимости от интенции говорящего. В рамках функционально семантического подхода изучение сложноподчиненных предложений с союзной связью и определение их статуса возможно с использованием трех основных параметров. В первом случае основанием служит характер отношений вещественного и частноречного значений в семантике предложения: ядром поля полагаются предложения, наиболее полно выражающие мысль говорящего и использующие при этом максимальное количество компонентов, а к удаленной периферии относятся номинативные предложения. Во втором случае в основу кладется материальная отмеченность, маркированность соответствующих грамматических категорий, но при

рассмотрении предложения данный подход не оптимален, так как сводится к анализу категорий меньших языковых единиц, т.е. частей предложения. В третьем случае переход от ядра к периферии зависит от выраженности типичных признаков, свойственных данной языковой единице. В случае сложноподчиненного предложения, к ним можно отнести наличие как минимум двух предикативных структур, находящихся в отношениях зависимости, и союзные комплексы, эксплицирующие эту зависимость. Третий подход более предшествующих соответствует поставленной нами цели. Не используя в полной мере теорию функционально-семантических полей мы оставляем за собой право ссылаться на разработки в этой области, в частности, в трактовке статуса сложноподчиненного предложения.

Исходя из изложенного теоретического положения, представляется возможным привести следующую модель сложноподчиненного предложения:

$$(S_1P_1) C (S_2P_2) (C (S_nP_n)),$$

где (S_1P_1) – первая предикативная структура, (S_2P_2) – вторая предикативная структура, C – союзный комплекс, выражающий отношения зависимости или подчинения, а $C(S_nP_n)$ – дополнительные союзный комплекс и предикативная структура, которые присутствуют факультативно.

Таким образом, **сложноподчиненное предложение** представляется нам как сложная синтаксическая единица, содержащая не менее двух предикативных структур, соединенных между собой отношениями подчинения, основная характеристика которых – направленность от главного к придаточному.

Исследование типов предикативных структур не является целью нашей работы, мы исходим из того, что синтаксические требования исследуемых языков делают невозможным существование сложных предложений при отсутствии предикативных структур у предложений их составляющих. Мы так же полагаем, что все простые предложения в составе сложного обладают пропозитивным статусом. Такая позиция дает возможность сосредоточить

исследовательский интерес на средствах выражения подчинительной связи, степени их экспликации и конкретизации.

1.3.3. Проблема статуса союзов и их аналогов

Определяя союзную подчинительную связь объектом данного исследования, мы сталкиваемся с необходимостью дать четкое определение подчинительным союзам. Для этого следует решить две проблемы: описать статус подчинительных союзов в системе средств подчинительной связи, и выделить облигаторные признаки подчинительных союзов в системе союзов вообще. Также подлежит детальному анализу проблема союзных слов и союзных комплексов.

Перечень средств выражения подчинения достаточно полно описан исследователями.

- Предложно-падежные формы. Данный вид маркирования зависимого положения того или иного компонента в составе предложения применяется в составах словосочетаний и простых предложений. Использование предлогов или падежных форм существительных, а так же их сочетаний зависит в первую очередь от типа языка и его грамматики. Так, русский язык имеет шесть падежей и 199 предлогов, тогда как в английском существует только два падежа, но число предлогов достигает 400 [Аксененко 1956]. Не вызывает сомнений, что и в любом случае функция предлогов и падежных форм в основном совпадают – они указывают на зависимое слово. Но падежно-предложные формы нельзя включить в спектр средств подчинительной связи, когда речь идет о сложноподчиненных предложениях.
- Видо-временные формы глагола. Грамматический строй современных языков Западной Европы требует временного согласования сказуемого подчинительного предложения со сказуемым главного. Это требование привело к появлению большого количества видо-временных форм

глагола, таких как Past Perfect, Future-in-the-Past, которые употребляются исключительно для согласования подчинительного предложения. В некоторых случаях перегруженность таких форм вспомогательными компонентами не оставляет сомнений в зависимом статусе предложения. Однако зачастую при облигатном согласовании зависимость одного предложения от другого не очевидна. Кроме того, сложносочиненные предложения в ряде случаев так же согласовывают свои компоненты. Нельзя не отметить и тот факт, что ряд языков не использует видо-временное согласование, что не позволяет отнести этот способ выражения подчинительной связи к универсальным.

- Альтернативное использование «существительное-местоимение», инверсия приглагольного местоимения. Употребление местоимения для обозначения в придаточном предложении лица или предмета, которые в главном предложении выражены существительным, как правило, в позиции дополнения, вполне закономерно и является естественным стремлением языка к экономии. То же можно сказать и об инверсии приглагольных местоимений. Тем не менее, исследуемые нами языки допускают и отсутствие данных средств экспликации зависимости, даже в тех случаях, когда они возможны.
- Использование союзов, союзных слов, союзных комплексов. Подчинительные союзы, равно как и изофункциональные единицы языка (союзные слова и союзные комплексы) являются основным маркером подчинения. Большинство языков обладает ресурсом для формирования сложносочиненных предложений без помощи союза. Известны случаи и подчинительного паратаксиста, однако подобное присоединений носит либо архаичный, либо стилистический характер, и статус таких синтаксических конструкций вызывает споры.

Из представленного перечня местоименное чередование не является обязательным для всех типов сложноподчиненных предложений в интересующих нас языках. Данное средство может маркировать подчинение, но

не репрезентировать его. Изменение падежно-предложных и видо-временных форм обязательно при подчинении, однако данное средство связи лишь обозначает придаточное предложение, но не дает возможности определить тип отношений между предложениями.

Союзы, союзные слова и союзные комплексы, напротив, явно реализуют подчинительную связь и выступают как транспозиторы указывающие направление этой связи. Таким образом, употребляя в экспериментальной части исследования термин «средства подчинительной связи» мы будем подразумевать в первую очередь систему союзов и союзных комплексов.

Вопрос о статусе союзов, союзных слов и союзных комплексов широко освещался в лингвистике. Все работы, посвященные ему, сводятся к двум полярным точкам зрения. Первая заключается в том, что союз не имеет самостоятельного значения, а выступает «как выразитель того или иного сочетания, как словесное обнаружение такого сочетания» [Шахматов 2007: 98], что подтверждается более поздним развитием союзов, которые появляются в языке для экспликации отношений передаваемых ранее другими средствами. Вторая утверждает, что каждый союз «направляет в фокус внимания именно свое, то, что согласуется с его собственной семантикой» [Холодов 1975: 28], что следует из того, что при смене союза возможно изменение смысла предложения. В равной степени нет единого мнения об объеме терминов «союз», «союзное слово» и «союзный комплекс», при очевидном количественном преимуществе последнего над первым и вторым.

Не претендуя на всестороннее освещение данной проблемы, попытаемся определить статус и объем понятий «союза», «союзного слова» и «союзного комплекса», а так же разграничить сочинительные и подчинительные средства связи для целей дальнейшего исследования. Придерживаясь функционально-семантического подхода, мы будем отталкиваться от функции союза – быть выразителем, показателем отношений между частями (компонентами) сложного предложения [Василенко 1965: 47-53]; маркировать несамостоятельность двух простых предложений в составе сложного [Попова

1962]. Помимо этого существуют формальные признаки союзов. Так, например, подчинительные союзы находятся в препозиции к придаточному предложению и требуют преобразований во вводимых компонентах – изменения времени, наклонения позиции глагола и т.д. [Курилович 1962].

Что касается семантики подчинительных союзов, то возможно истина находится между двумя противоположными точками зрения. Подчинительный союз имеет собственное значение, что очевидно из различного выбора союзов для разных отношений, отсутствия их взаимозаменяемости. При этом существует и самостоятельные отношения между главным и придаточным предложениями. В случаях, когда семантика отношений и подчинительного союза полностью совпадает, значение союза «растворяется» в ней, когда же появляются различия в оттенках значений, союз может вступать в противоречие с данным видом отношений и проявляется ярче.

Исходя из изложенного, остановимся на дефиниции «подчинительного союза». **Подчинительный союз** – часть речи, эксплицирующая отношения между двумя простыми предложениями в составе сложного с помощью собственной семантики и требующая грамматических изменений во вводимом компоненте. **Союзное слово** – это иная часть речи (местоимение, вопросительное слово или наречие) выступающая в роли союза с принятием его функций и формальных показателей, и обладающая значением, которое может эксплицировать отношения внутри сложного предложения. **Союзный комплекс** представляет собой соединение союза с другими частями речи в неделимую единицу, которая обладает иным значением по сравнению с исходным союзом, выполняет те же функции и индуцирует те же грамматические изменения.

Справедливо предположить, что развитие данных языковых единиц шло от союзных слов к союзам, а затем к союзным комплексам. Существующие экстралингвистические отношения подчинения с различными оттенками смысла требовали выражения в языке. При отсутствии такой части речи как союз, его функцию первоначально исполняли другие слова. Недостаточность

их семантического потенциала привела к формированию класса союзов, как самостоятельных единиц. Дальнейшее усложнение отношений внутри сложноподчиненного предложения явилось причиной вовлечения других языковых средств в состав единицы, выражающей подчинение. Данные сочетания со временем приобрели идиоматический характер и стали союзными комплексами. Их основное отличие заключается в более подробной и однозначной экспликации подчинительных отношений, что и является их функцией.

Диахронический характер нашего исследования позволяет предположить, что формирование системы средств подчинительной связи сложноподчиненного предложения, в нашем случае союзной связи, носит динамический характер: от использования простых средств к сложным, от полифункциональных к монофункциональным, от односоставных к многокомпонентным.

Выдвинуть такую гипотезу позволяет общая картина исторического анализа развития союзной связи. Так, структура зависимого предложения начинает складываться еще в рамках бессоюзной связи первоначально в виде определенного порядка слов. Ведущие исследователи, такие как А. Бах и А. Мейе, указывают на то, что индоевропейскому языку были свойственны СПП, но не выявлено каких либо частиц, служащих для «сочетания» двух предложений [Бах 2005; Мейе 2002]. Изучение древнейших языков, египетского, коптского, шумерского, а так же древних форм существующих европейских языков, позволяет сделать вывод, что структуры зависимого (придаточного) предложения сложились давно, но никаких следов союзов отмечено не было. Возникновение союзов приписывается различным факторам и ресурсам, однако известно, что первые союзы были не дифференцированы, т.е. выражали и сочинение и подчинение в зависимости от контекста. В связи с этим, переход от паратаксиса к гипотаксису предстает как двухэтапный процесс: развитие бессоюзной связи в союзную, а затем формирование в системе союзной связи двух разновидностей – сочинения и подчинения

[Левицкий 2005: 77-80]. Сочинение более древний вид союзной связи, так как не требовал особых преобразований в структуре предложения. Следует отметить, что появление союзной связи не элиминировало бессоюзные предложения, а лишь ограничило сферу их употребления. Поскольку к моменту возникновения союзной связи структура зависимого предложения уже была сформирована, предполагают, что те части речи и союзы, которые вводили зависимое предложение, считались подчинительными [Ярцева 1961]. И позднее при закреплении употребления такие средства связи сформировались в устойчивую систему, способную привлекать и формировать новые элементы [Адмони 1964; Еланская 1966; Смирницкий 1965; Ярцева 1961; Quirk 1982]. Вышесказанное делает возможным экстраполировать особенности развития союзной связи в целом на формирование системы подчинительных средств.

Экспериментальная часть исследования производится на материале английского, французского языков с привлечением испанского, португальского и некоторых других, как одних из наиболее употребляемых в мире, и в то же время, принадлежащих к разным группам – германской и романской. Выбранный для изучения период, XI – XVIII века, представляется интересным, в связи с тем, что в Западной Европе в это время происходит формирование и развитие национальных языков, что дает возможность описания истоков современной системы средств подчинительной связи, анализа хронологии и динамики ее формирования. Кроме того, данный период времени позволяет исследовать весь спектр средств союзной подчинительной связи, так как в это время появляется и апробируется механизм их формирования. Несмотря на различия в истории западноевропейских стран и их языков, их территориальная близость позволяет выдвинуть общую для них периодизацию становления языковой нормы:

- первый этап – **донормативный период** XII-XVI века, этап развития и распространения главенствующего диалекта, формирования узуса устной и письменной речи;

- второй этап – **нормативный период** XVI-XVIII века, этап появления и закрепления национального языка, кодификации нормы в её современной форме.

Для достижения объективных и достоверных результатов разработаны следующие критерии изучения средств союзной подчинительной связи в выбранных языках:

1. Наличие или отсутствие подчинительных союзов, союзных слов и союзных комплексов в системе языка, их количественные и структурные характеристики.
2. Семантика средств союзной связи. Наличие моно- и полисемантических союзных средств, степень связности союзных комплексов при их наличии.
3. Функциональные характеристики союзных средств, приобретение и утрата функций в процессе развития, частотность употребления.
4. Динамика процесса формирования системы средств союзной связи, временной, качественный, количественный факторы. Степень завершенности данного процесса и перспективы его дальнейшего развития.

Анализ вышеуказанных проблем в языках Западной Европы позволят достигнуть цели исследования, а именно изучить исторический процесс развития системы средств подчинительной союзной связи, выявить основные характеристики системы союзных средств на момент формирования нормы.

Таким образом, проведенный теоретический обзор сложноподчиненных предложений и средств выражения подчинительной связи позволяет сделать выводы об их природе и обосновать дальнейшее практическое исследование:

1. Ресурс классической и функционально-семантической грамматики позволяет решить проблему статуса сложноподчиненного предложения, как основного носителя подчинительной связи, и определить его модель: $(S_1P_1) C (S_2P_2) (C (S_nP_n))$, где (S_1P_1) – первая предикативная структура, (S_2P_2) – вторая предикативная структура, C – союзный комплекс, выражающий отношения зависимости или подчинения, а $C(S_nP_n)$ – дополнительные союзный комплекс и

предикативная структура, которые присутствуют факультативно. **Сложноподчиненное предложение** – это сложная синтаксическая единица, содержащая не менее двух предикативных структур, соединенных между собой отношениями подчинения, основная характеристика которых – направленность от главного к придаточному.

2. Союзные средства выражения подчинительной связи являются единственным явным и облигаторным экспликатором подчинения в предложении. **Подчинительный союз** – класс слов, эксплицирующий отношения между двумя простыми предложениями в составе сложного с помощью собственной семантики и индуцирующий грамматических изменений во вводимом компоненте. **Союзное слово** – это иная часть речи - местоимение, вопросительное слово или наречие, выступающая в функции союза с принятием его формальных показателей и обладающая значением, которое может эксплицировать отношения внутри сложного предложения. **Союзный комплекс** – это объединение союза с другими частями речи в неделимую единицу, которая обладает иным значением по сравнению с исходным союзом, выполняет те же функции и влечет те же грамматические изменения.

3. Для целей экспериментального исследования выбран языковой материал английского, французского, испанского и португальского языков, как наиболее распространенных в мире. Период исследования разделен на два этапа: донормативный и нормативный, разработаны критерии изучения союзных средств в экспериментальной части исследования.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ:

Проблема статуса подчинительной связи в лингвистике неразрывно связана со статусом её референта, что является предметом изучения нескольких научных дисциплин вследствие своей неоднозначности. Философская трактовка взаимодействия дает представление о постоянных отношениях, объективно существующих между различными событиями, ситуациями и явлениями в мире. Эти отношения и положены в основу подчинительной связи в языке с некоторой детализацией значения. Изучение мыслительного процесса, его форм, средств и этапов в психологии позволяют констатировать наличие понятийного аппарата для выражения характера отношений, субъективной оценки приоритета того или иного вида отношений для каждой ситуации, а также способности человека воспринимать, оценивать и воспроизводить в мышлении и речи объективные отношения. Логический подход к изучению данной проблемы обладает достаточным резервом для определения формы суждения, а значит и предложения как способа выражения отношений, в рамках традиционной логики упрощает и схематизирует понятие связи. Однако интенциональный подход дает представление о структуре связи внутри суждения-предложения, разграничивая её форму, значение и смысл. Таким образом, комбинированная структура многокомпонентного суждения:

$$(aRbc\dots)_1 \rightarrow (JA)t(a) \rightarrow (aRbc\dots)_2,$$

где $(aRbc\dots)_1, (aRbc\dots)_2$ – формы двух простых суждений в составе сложного, $(JA)t(a)$ – структура связи между ними с переменными: **JA** — имя, определяемое согласно правилам используемого языка, **a** — значение имени, соответствующее понятию о виде и характере связи и **t** — смысл, выражающий наличие объективного взаимодействия.

Понятие и статус подчинительной связи неоднозначны, многоаспектны и открыты для изучения в ряде научных дисциплин. Наиболее полные разработки данного вопроса проводились в рамках синтаксической теории и затронули структурную, когнитивную, семантическую и функциональную стороны

проблемы. Синтез разработок в разных областях лингвистики позволяет предложить дефиницию подчинительной связи в структуре сложного предложения. **Подчинительная связь в системе сложного предложения** – это эксплицированные значения однонаправленных экстралингвистических отношений, отрефлектированных говорящим и выраженных в соответствии с грамматическими нормами построения предложения конкретного языка.

Ресурс классической и функционально-семантической грамматики дает удовлетворительное решение проблемы статуса сложноподчиненного предложения, как основного носителя подчинительной связи, и определить его модель: $(S_1P_1) C (S_2P_2) (C (S_nP_n))$, где (S_1P_1) – первая предикативная структура, (S_2P_2) – вторая предикативная структура, C – союзный комплекс, выражающий отношения зависимости или подчинения, а $C(S_nP_n)$ – дополнительные союзный комплекс и предикативная структура, которые присутствуют факультативно. **Сложноподчиненное предложение** – это сложная синтаксическая единица, содержащая не менее двух предикативных структур, соединенных между собой отношениями подчинения, основная характеристика которых – направленность от главного к придаточному.

Констатируется наличие трех экспликаторов подчинительной союзной связи в СПП: союз, союзное слово и союзный комплекс. Объем данных понятий определен с точки зрения их формальных показателей, функций и семантики. **Подчинительный союз** – часть речи, эксплицирующая отношения между двумя простыми предложениями в составе сложного с помощью собственной семантики и требующая грамматических изменений во вводимом компоненте. **Союзное слово** – это иная часть речи (местоимение, вопросительное слово или наречие) выступающая в роли союза с принятием его функций и формальных показателей, и обладающая значением, которое может эксплицировать отношения внутри сложного предложения. **Союзный комплекс** представляет собой соединение союза с другими частями речи в неделимую единицу, которая обладает иным значением по сравнению с исходным союзом, выполняет те же функции и индуцирует те же

грамматические изменения. В Главе I описан процесс формирования системы средств подчинительной связи в СПП в направлении от бессоюзия к становлению союзов с последующим выделением сочинения и подчинения. Вовлечение различных частей речи в исполнение функции подчинительных союзов приводит к формированию собственно союзов и последующему объединению их с другими частями речи в союзные комплексы.

Для достижения объективных и достоверных результатов в экспериментальной части исследования выбран языковой материал английского и французского языков, с привлечением испанского и португальского. Период исследования разделен на два этапа: донормативный и нормативный, разработаны критерии изучения динамики союзных средств в экспериментальной части исследования.

ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЮЗНЫХ СРЕДСТВ ПОДЧИНТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В ДОНОРМАТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОДЫ

2.1. Структурно-семантические характеристики средств союзной подчинительной связи в донормативный период

Языковая история донормативного периода, прежде всего, сталкивается с проблемой периодизации. Необходимо выделить становление языка, как национальной и территориальной характеристики определенной группы его носителей, в противопоставлении к его прототипу, а так же к многочисленным диалектам, распространенным в ранний период развития.

Началом формирования национальных языков в странах Западной Европы можно считать рубеж XI – XII веков, который совпадает с началом формирования государств. До становления нормы, которое приходится на XVI век, языки прошли так называемые древний и средний этапы своего развития. Указанные этапы выделяются у каждого из исследуемых здесь языков, что позволяет говорить об их облигаторности в истории языка, несмотря на то, что временная периодизация может быть различной.

История формирования современной системы средств подчинительной связи также подразделяется на периоды, каждый из которых имеет свои характерные особенности. Следует отметить, что эволюция сложного предложения в рассматриваемых языках следует традиционной индоевропейской схеме, где выделяются три последовательные ступени развития: бессоюзие > сочинение > подчинение. Факт развития подчинительной связи от паратаксиса к гипотаксису не вызывает сомнения у современных исследователей [Кнабе 1955; Левицкий 2005]. Наличие сложноподчиненных предложений уже на древнем этапе считается доказанным, однако, формы существования средств репрезентации подчинительной связи различны. В связи с этим представляется

целесообразным рассмотреть два основных пути развития системы средств союзной подчинительной связи. Условно назовем их «прямой» и «циклический», первый успешно реализован во французском языке, второй – в английском.

Причиной последовательного развития системы союзных средств французского языка является его тесная связь с латинским языком, от которого он унаследовал не только базовую синтаксическую структуру, но и типологию связей в сложном предложении: бессоюзная, сочинительная, подчинительная. Для целей дальнейшего диахронического описания воспользуемся периодизацией, предложенной Л.М. Скрелиной, которая выделяет старофранцузский период: IX – XIII век; среднефранцузский период: XIV – XVI век; и современный или новый период: XVI-XVII – XX век [Скрелина 2005: 32-35]. Такая периодизация представляется оптимальной для описания поступательного хода языковой эволюции с одной стороны, и выделения характерных черт языкового состояния для каждого периода с другой. Основной особенностью старофранцузского синтаксиса сложного предложения следует считать синтаксическую синонимику, которая, в отличие от синтаксической синонимии современного языка, характеризуется одинаковой продуктивностью более древних (паратаксис) и более новых (гипотаксис) синтаксических средств. Уже в старофранцузском синтаксисе сосуществовали различные средства связи частей сложного предложения, не вытекающие непосредственно друг из друга. При этом характер синтаксической связи частей сложного предложения выступал в качестве жанрообразующего параметра: так поэзия предпочитала бессоюзную связь, поскольку союзы утяжеляли поэтический текст. Это позволяло поэтам свободно импровизировать, а также в большей степени соответствовало ритмическому построению стихотворного текста.

Ansemble an vunt li dui padre parler:

Lor dous amfanz volent faire assembler (Шишмарев)

Таким образом, отношения между частями сложного предложения в этот период выражались двумя способами: 1) простым соположением двух и более предложений - бессоюзно; 2) с помощью различных средств связи: союзы, союзные выражения наречного происхождения, относительные местоимения.

В свою очередь, средства связи частей сложного предложения подразделялись на **сочинительные союзы**: *et, ne, ou, soit, mais, se, ains, car, or, donc*, - если соединяемые части сложного предложения имели автономный семантико-синтаксический характер, и на **подчинительные**: *quant (quand), come (comme), que, si* и производные от *que* и *come*: *por que (pour que), por ce que, tant que, si que, puis que, jusque, ainz que, com que, com se (si)*, - которые указывали на семантический характер зависимости (подчинения) между главным предложением и придаточной частью.

Tu n'irs mes hom, ne j one suit is sire.

Quant ot Rollant qu'il ert en la reregarde. (La Chanson de Roland)

Следует особо отметить, что одним из свойств сложноподчиненного предложения старофранцузского языка следует считать многозначность простых союзов *que* и *se*, употреблявшихся для введения придаточных предложений различной семантики.

Таким образом, проведенный анализ показал, что основной особенностью старофранцузского синтаксиса сложного предложения следует считать развитую синтаксическую синонимику: сложные предложения с союзной связью в XI – XII вв. чередуются с бессоюзными построениями. В старофранцузский период зависимость между частями сложного предложения могла выражаться морфологически при помощи особого соотношения наклонений. Растущая роль союзных способов выражения отношений подчинения постепенно ограничивает бессоюзную связь. В этот период происходит уточнение функций союзов. Однако им еще присуща полифункциональность. Порядок слов в синтаксических группах не служил средством выражения структурного единства, как это имеет место в современном языке, где синтаксические связи слова выражаются посредством

его позиции по отношению к другим словам. По мере развития старофранцузского языка порядок слов в синтаксических группах становится более фиксированным, приобретая грамматическое значение и оформляя словосочетание как лексико-грамматическое единство. Вследствие этого, параллельно происходит топологическое сближение членов предложения, связанных определенными синтаксическими отношениями. Однако составные союзы и союзные выражения в этот период могли дистанцироваться, наречие в составе союзных выражений еще сохраняет свое лексическое значение. Процесс структурного и семантического «сращения» союзных комплексов продолжился и в течении среднего периода, поэтому колебания такого рода наблюдаются вплоть до начала XVII века. *Chose vrayment aussi absurde, que si tu appliquois une Piece de Velours verd à une Robe de Velours rouge...* (Ronsard)

Период XIV – XVI вв. во многих отношениях может рассматриваться как переходный в лингвистическом плане. Это эпоха, когда разрушается старый язык и образуется современный. В этот период начинают бурно развиваться прозаические жанры литературы (хроники, мемуары, дневники, романы) на французском языке. Однако неразработанность техники повествования и несовершенство синтаксиса в его настоящем и полном развитии заставляют авторов, пишущих на французском языке, обращаться к более развитому латинскому синтаксису, что влияет на структурный аспект эволюции языка: неслучайно этот период в истории французского языка получает название релатинизации. Переводчики на французский язык античных авторов, среди которых наиболее известны Берсюир и Орем, калькируют латинские периоды и тем самым способствуют развитию сложноподчиненного предложения; с этим же процессом связано и появление в языке новых союзов и относительных местоимений [Амирова, Ольховиков 1975].

Нельзя не признать что, эволюция французского синтаксиса в XIV – XVI вв. определялась не только внешней (подражание конструкциям и оборотам более развитого в синтаксическом отношении латинского языка), но и внутренней тенденцией - постепенным нарастанием в языке аналитизма. Это

проявляется на уровне линейной организации простого предложения в стяжении главных членов предложения, формировании предикативного ядра, в установлении прямого порядка слов, в стяжении членов синтаксических групп, зависящих друг от друга.

В синтаксисе сложного предложения все более явной становится тенденция к эксплицитному выражению логических связей. В целом XVI в. можно охарактеризовать как становление французского литературного языка на национальной основе, а тип прозы этой эпохи можно назвать “пишущимся разговором” (термин К.С. Аксакова применительно к аналогичному периоду в истории русского языка). Для него характерна «неорганическая» фраза, например: *Et affin que quiconques voudra soy introduire a faire aucuns diz ou ballades, il convient que on les face selon ce que donneront les premiers rethoriques, dont aucuns s'ensuyvent.* (Шишмарев) Здесь очевидна расчлененность, присущая устной речи, недостаточная спаянность в синтаксических группах, значительная доля паратактических образований, которые могут быть без труда устранены и выделены в самостоятельные предложения, обилие латинских оборотов, не свойственных французскому языку.

Эволюция французского синтаксиса в направлении аналитизма выразилась в стяжении главных членов предложения, формировании предикативного ядра, в установлении прямого порядка слов, а также в тенденции постановки определяющего слова перед определяемым в синтаксических группах.

Невозможность в книжно-письменном языке отражать ситуацию синтетически, как это было свойственно латинскому языку, и попытки копировать латинские периоды приводят к появлению в языке новых конструкций - парантез. Этот же процесс наряду с развитием гипотаксиса и необходимостью дифференцировать значения союзов, инициирует формирование союзных комплексов на основе вовлечения наречий и предлогов в выражение отношений между предложениями. *tant s'en faut qu'elle ait apporté tout le fruit qu'elle pourrait bien prouire. ains comme une plante sauvage...* (du Bellay) Однако наиболее жизнеспособными и продуктивными стали

конструкции созданные по латинскому образцу на основе союза *que* и союзного слова *qui* в случае необходимости указания одушевленного референта: *alors que, avec ce que, comment que* и т.д. *et quelque connoissance avec ceux qui sont consommez dans la Langue* (Ronsard)

С другой стороны, в XVI в. сохранялись некоторые пережиточные явления, характерные для старофранцузского синтаксиса: инверсия в отдельных случаях, как в предложении, так и в словосочетаниях, колебания в согласовании времен, возможность опущения подлежащего, выраженного личным местоимением. Существенной чертой этого периода является изобилие плеоназмов в литературных произведениях. Проведенное исследование периода позволило также констатировать преобладание парантез, синтагматически связанных с основным предложением, и наличие эксплицитных показателей этой связи.

В случае английского языка также традиционно выделяют три периода его истории: древнеанглийский: VII – IX век; среднеанглийский: XII – XV век; и новоанглийский: XVI – XX век [Иванова, Чахоян, Беляева 2006: 5-6]. Динамика системы средств подчинительной связи, названная нами «циклической», своими особенностями обязана влияниям других языков на английский в разные периоды его истории, но началась с образования гипотактических конструкций в противопоставлении к паратаксису по универсальной индоевропейской модели. Наиболее древней формой сложного предложения было бессоюзное соединение двух предикативных единиц. Однако уже в древнеанглийский период исследователи столкнулись с корреляцией и союзной связью. Корреляция представлена в определительных и обстоятельственных придаточных. В первом случае главное предложение содержит указательное местоимение *se, seo* со значением «тот, та, те» или личное местоимение третьего лица, а придаточное относительную релятивную частицу *þe*: *Sē Johannes þe ic beheafdade, sē ārās of deaðe.* (English Prose) В случае обстоятельственных придаточных корреляция представлена омонимичными формами наречия в главном предложении и союза в придаточном: *þonne ...þonne, þā þā* «тогда ...когда», *swā ... swā* «так ...как»

и другими. *þā sē cynz þæt hīerde, þā wende hē hine west.* (English Prose) Наличие в языке таких предложений позволяет выдвинуть два предположения: во-первых, омонимичность участников корреляции позволяет говорить о возможном происхождении английских союзов из наречий и местоимений; во-вторых, вероятно именно корреляция послужила основой для развития механизмов вовлечения значимых частей речи в выражение и уточнение союзной связи.

Изучение источников показало, что древнеанглийский обладал широким спектром подчинительных союзов и союзных комплексов при отсутствии союзных слов. Основными проблемами союзной системы периода были недостаточная дифференцированность сочинительных и подчинительных союзов и союзная полисемия. Так, союз *þēāh* мог выступать как уступительный подчинительный союз со значением «хотя» и как противительный сочинительный союз со значением «но». Союз *swā* мог вводить четыре типа придаточных: временные, причинные, следственные и условные. *And swā hē þone munuc zeseah, þā axode hē hine tō hwī hē cōme; þū scealt grēōt etan þīne līf dazas, swā þū lāþ līce wrohte; sprǣcon hīe him betweonan swā hit nān man nyste būton him sylfum; ic zelyfe þæt þū mildheart ne wile anforlætan swā ic þæt zefremme;* (Иванова, Чахоян, Беляева 2006: 355) Такой разброс значений наблюдался у каждого союза, что неизбежно привело к появлению союзных комплексов. Для древнеанглийского характерна стабильная формула союзных комплексов: первый компонент – значимая часть речи – наречие, предлог или существительное, которая несла основную лексическую нагрузку; второй компонент представлен местоименной формой *þām* или *þæt*; третий компонент – универсальная подчинительная частица *þe*. Например: *æfter þām þe, mid þām þe* «после того как», *for þæt þe* «для того, чтобы» и другие. *mid þām þe he forbēād þām zehǣledum greoflian þæt hē hit nānum men ne cūdde...* (English Prose) Дальнейшее развитие союзной системы в древнеанглийский период имело целый ряд последствий. Появляются более простые по форме двусоставные союзные комплексы, где исчезают местоименные формы *þām* и *þæt*, а вместо

частицы *þe* может выступать наиболее распространенный в то время союз *þæt*: *hē þær wunade oþ þæt hīne ān swan ofstanz.* (English Prose) Распространенным явлением становится синонимия союзов и союзных комплексов: *þēāh - þēāh þe, forþon - forþon þe.*

Таким образом, к концу древнеанглийского периода очевидно несовершенство союзной системы, перегруженной синонимичными компонентами с одной стороны, а с другой, недостаточной для выражения всех возможных мыслительных значений и не имеющей четкой структуры.

Преодоление назревшего кризиса произошло путем расширения группы подчинительных союзов в среднеанглийский период, чему немало способствовало распространение французского языка в Англии после Норманнского завоевания. Этот процесс шел в трех направлениях: 1) заимствование союзов из других языков; 2) изменение формы, значения и функций существовавших союзов и союзных комплексов; 3) привлечение других частей речи к выполнению союзных функций.

Заимствованные союзы не многочисленны, однако, некоторые из них нашли широкое употребление, например, *till* (из скандинавских языков), *because, in case* (из французского языка).

В результате исследования выявлено, что основной тенденцией союзной динамики того периода становится опрощение. Одним из ресурсов развития древнеанглийских союзов и союзных комплексов можно считать фонетические процессы, происходившие в те века. Так, например, отмечены сдвиги *zuf > if, sibþan > sith*. Фонетическое опрощение приводит к сращению компонентов древнеанглийских союзных комплексов: *þy læs þe > lest, eal-swā > as*; и к отбрасыванию компонентов союзного комплекса, подкреплявших его союзное значение: *þā hwīle þe > whyl, æfter þām þe > after*. Подобные изменения привели к тому, что некогда значимые слова, вовлеченные в союзный комплекс для уточнения характера подчинительной связи, возвращаются к своей первоначальной форме, но приобретают соединительную функцию, что

впоследствии стало причиной множественных случаев омонимии союзов и других частей речи в английском языке.

Союзы, которые в древнеанглийском выступали самостоятельно, в среднеанглийский период сопровождаются подчинительным союзом *that*, образуя таким образом двухкомпонентные комплексы. *She wolde wepe if that she saugh a mous kaught in a trappe.* (Everyday English)

Раннее условным маркером подчинения служила относительная частица *þe*. Тем не менее, союз *þæt* мог выступать показателем подчинения уже в древнеанглийский период, что, безусловно, явилось следствием его широкого использования в качестве подчинительного союза. В среднеанглийском языке появление относительного местоимения *that* в роли подчинительного союзного слова при определительных придаточных привело к такой частотности употребления омонимичных форм союза и местоимения, что союз *that* приобрел дополнительное некоммуникативное значение универсального подчинительного маркера, присутствующего при других союзах для уточнения характера связи. Очевидно, причиной такого усложнения явилась потребность языка в более четком разграничении подчинения и сочинения.

Модель «союз + *that*» оказалась продуктивной и для привлечения других частей речи в союзные комплексы. Таким путем организовывались комплексы, содержащие местоимения, наречия, предлоги и существительные: *before that, whan that, al be that u dpygue. But al be that he was a philosopher, / Yet hadde he but litel gold in cofre.* (Everyday English) Постепенная ассимиляция вовлекаемых слов в системе подчинительных средств и закрепление за ними соединительного значения в конце концов позволило им функционировать самостоятельно, без союза *that*, поэтому в дальнейшем многие из союзных комплексов такого рода распались. Освободившиеся при этом слова принято считать полноценными союзами, несмотря на их этимологию. К таким союзам относятся, например: *so, against, before, now* и другие.

Другим источником расширения и уточнения союзной системы стало привлечение относительных и вопросительных местоимений. Как упоминалось

выше, первым из них было местоимение *that*, вводящее придаточные определительные. В XIII веке появилось местоимение *which*, которое изначально употреблялось в сочетании с маркерами подчинения – *which that*, *the which*, *the which that*, а после самостоятельно. Развитием сложноподчиненных предложений выражающих косвенную речь, в частности косвенные вопросы, инициировало использование в качестве союзных слов вопросительных местоимений *what*, *who*, *whos*, *whom*, *how*, *why*, *whan*, *where* иногда с усилительной частицей *ever*.

Обобщая вышесказанное среднеанглийский период можно назвать периодом аккумуляции средств выражения подчинительной связи. Важным результатом происходивших в языке процессов стало максимально возможное разграничение сочинения и подчинения. Помимо этого, развитие древних союзных форм, заимствование союзов, а так же появление механизмов вовлечения значимых частей речи в союзные комплексы, равно как и апробация жизнеспособных моделей союзных комплексов, привели к союзной синонимии, когда одно логико-семантическое отношение передавалось целой группой союзных средств. Так, причинные отношения могли эксплицироваться союзами *sith*, *as*, *that*, *by cause*; союзными словами *there*, *now*. Таким образом, к концу XVI века в английском языке завершился этап количественных изменений в системе союзных средств, в результате чего сформировались условия для упорядочения этой системы и уточнения форм и функций ее компонентов.

Несмотря на различия «прямого» и «циклического» путей развития, а так же несовпадение временных рамок периодизации, представляется возможным выделить некоторые общие характеристики структуры и семантики союзных средств в исследуемых языках для каждого этапа.

Вышеизложенное, позволяет представить общие характеристики структуры и семантики системы средств подчинительной связи для древнего (старого) этапа развития языков следующим образом:

Таблица II, 2.1, 1

общие характеристики структуры	общие характеристики семантики
Одновременное недифференцированное функционирование паратаксиста и гипотаксиста.	Отсутствие четкого противопоставления сочинения и подчинения.
Наличие как минимум двух форм репрезентации подчинения: простые союзы и сложные союзные комплексы.	Полисемантический статус союзов.
Построение союзных комплексов на основе наиболее устойчивых союзов.	Тенденция к уточнению выражаемого значения.
Функциональное разделение компонентов союзных комплексов: вовлекаемая часть речи называет тип отношений, союз выполняет соединительную функцию.	Десемантизация союза, выполняющего соединительную функцию, в рамках союзного комплекса.

Особенностями французского языка этого периода стали: использование союзного слова для выражения временных отношений *quand*, что представляет пока единичный случай самостоятельного функционирования вопросительного местоимения как союза, вероятно, заимствованный из латинского языка, и оказавшийся продуктивным в дальнейшем, а так же почти исключительное формирование двусоставных союзных комплексов по модели «союз»+«союз» → «полнозначная часть речи»+«союз». В древнеанглийском языке широко представлена корреляция как форма представления подчинительной связи и преобладают трехсоставные союзные комплексы. Древнеанглийская модель «полнозначная часть речи»+*rām*+*þe* оказалась слишком громоздкой для дальнейшего успешного использования, однако в свой период являлась весьма продуктивной.

Дальнейшее оформление системы гипотаксиса в средний период и в том и в другом случае имеет общие структурные и семантические характеристики:

Таблица II, 2.1, 2

общие характеристики структуры	общие характеристики семантики
Появление союзных слов – других частей речи (служебных слов) самостоятельно выполняющих союзные функции.	Тенденция к эксплицитному выражению связей между предложениями, дробление связей на оттенки значений.
Оформление и закрепление наиболее продуктивной модели союзных комплексов «полнозначная часть речи»+«союз».	Разделение сочинения и подчинения.
Завершение количественного увеличения числа союзных средств.	Тенденция к сокращению полисемантии союзных средств.

Следует отметить, что названные выше характеристики практически в полной мере отражают направление развития французского языка в указанный период. К ним можно добавить лишь значительное влияние латинского языка на данную группу лексики вследствие многочисленных переводов с латыни на французский, произведенных в то время. Такое планомерное количественное и качественное увеличение союзных средств и постепенное разграничение их значений и представляет собой «прямой» путь развития, свойственный не только союзам, но и другим частям речи.

Реализуя ту же тенденцию к ликвидации союзной полисемантии английский язык в средний период своей истории подвергался воздействию других языков, в результате чего структуры союзных средств проделали дополнительный круг развития: опрощение древнеанглийских союзных комплексов до однокомпонентных средств > заимствование союзов из других языков, вовлечение относительных местоимений к выполнению союзных функций > необходимость подкрепления новых союзных средств древними

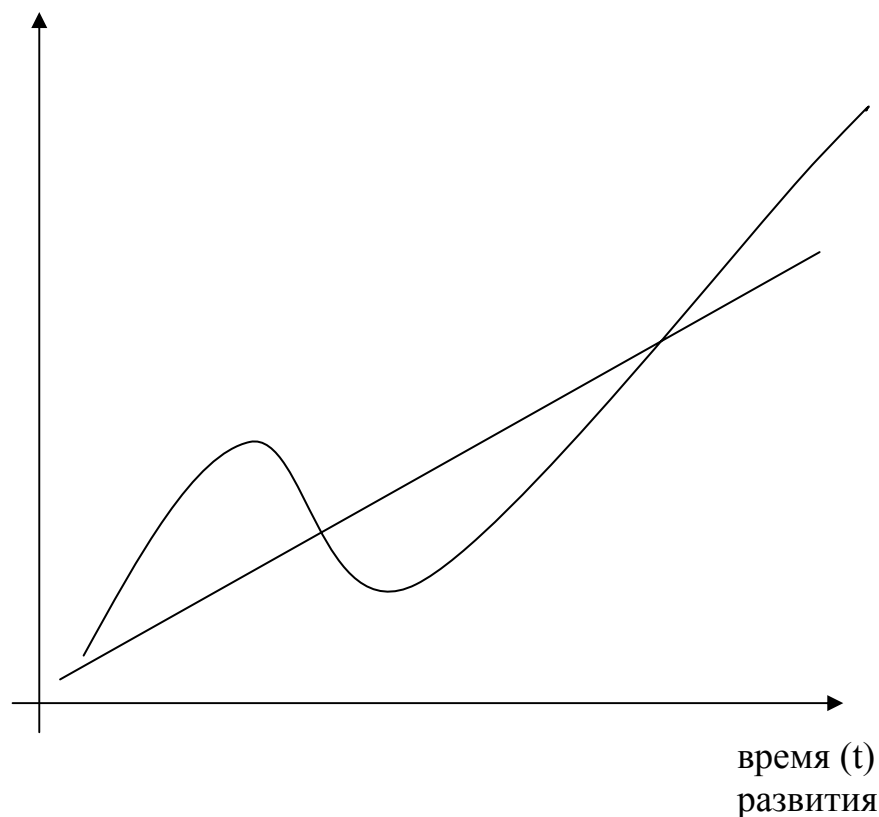
союзами > создание вторичного слоя союзных комплексов с использованием прежней продуктивной модели > опрощение части вторичных союзных комплексов в связи с полным усвоением союзного статуса их компонентами.

Этот дополнительный круг в развитии союзных средств и позволяет называть динамику английского языка цикличной. Он явился результатом особых исторических и социальных условий того периода и демонстрирует один из возможных аналогов планомерной и последовательной эволюции языка. Оба пути развития возможно представить в виде графической демонстрации:

График 2.1 (1)

Эволюция структур союзных средств репрезентации подчинения

Общее
количество (а)
союзных
средств

Тем не менее, различные пути развития средств выражения подчинения позволили языкам к началу нормативного периода реализовать ряд естественных тенденций и оформить союзные средства в систему, которая обладала достаточным ресурсом для самоорганизации и саморазвития, почему и подверглась последующей нормализации. Приведем перечень достижений языковой эволюции, актуальных по сегодняшний день:

1. Разделение связей между предикативными единицами в составе сложного предложения на бессоюзную и союзную. Одна из самых древних дифференциаций, развившаяся ещё в прототипичных языках и отражающая способность носителей языка воспринимать разные отношения между ситуациями и стремление транслировать их.
2. Разделение союзной связи на сочинительную и подчинительную. Противопоставление, окончательно оформившееся лишь в средний период, воплотившее в себе восприятие различий между равнозначными и зависимыми ситуациями.
3. Разделение подчинительной связи на несколько типов в соответствии с репрезентируемым значением. Как и предыдущее, это разделение произошло в средний период и явилось результатом многообразия возможных связей и их восприятия, однако, в данном случае языковая дифференциация происходила неравномерно и заняла значительно более долгий период, что подтверждается многозначностью союзных средств, свойственной им на всем протяжении истории. Все три вышеприведенных разделения стали возможными не только в результате языкового развития, но и развития мыслительной деятельности, достижения зрелости человеческого мышления.
4. Выделение союзного ядра – небольшого перечня древнейших союзов, глубоко присвоивших союзные функции и

сохранивших полисемантическую. Необходимость сохранения этого немногочисленного пласта лексики обусловлена стремлением выделить союзы, присвоившие соединительную функцию как ресурс для создания союзных комплексов, с одной стороны, и сохранением стабильных маркеров некоторых значений с другой.

5. Выделение лексики, способной выполнять союзные функции наряду с сохранением своих – союзных слов. Языковой ресурс пополнения союзных средств таким образом позволил присвоить ряду значений основное союзной средство выражения без перегрузки речи многокомпонентными формами.
6. Формирование продуктивных механизмов создания союзных комплексов. Ограничение ресурса пополнения союзных средств несколькими моделями союзных комплексов явилось естественным результатом действия закона языковой экономии, а так же объективным наличием конечного числа выражаемых значений.
7. Завершение количественного увеличения союзной лексики. Сохранение минимального необходимого баланса между вариантами значений и их языковыми репрезентантами в некотором роде также обусловлено экономичностью языка.

Таким образом, к началу классической эпохи оба языка обладали достаточно развитой традицией гипотаксиса, и, следовательно, системой средств союзной связи. При этом следует отметить, что общее количество союзных средств английского языка превышало ту же цифру французского языка на 25%, а количество собственно союзов в английском языке больше в три раза, что объясняется многочисленными заимствованиями. Помимо этого, английский язык обладал гораздо большим потенциалом вариативности при составлении союзных комплексов по сравнению с романскими языками,

причем большая часть используемых моделей впоследствии подверглась нормализации. С семантической точки зрения языки обладали необходимым и достаточным материалом для выражения воспринимаемых значений, что говорит о продуктивности обоих путей развития. В обоих случаях на этапе донормативной эволюции в языке естественным образом сложилась система союзных средств, удовлетворяющая коммуникативные и мыслительные потребности его носителей.

Вышеизложенные тенденции и результаты развития системы средств подчинительной связи в донормативный период позволяют сделать следующие выводы:

1. Формирование системы средств подчинительной связи в исследуемых языках следовало индоевропейской традиции от паратаксиса к гипотаксису, с последующим разделением последнего на сочинение и подчинение. Внутри подчинительной связи в донормативный период выделены несколько типов значений, что положило основу систематизации союзных средств.

2. Эволюция союзных средств происходила двумя путями. Прямой – от простого к сложному с количественным и качественным обогащением системы свойственен французскому языку и обусловлен влиянием латинской грамматики. Циклический – представляет собой чередование процессов накопления и редукции средств, реализован в английском языке за счет тесной связи с другими языками и большого количества заимствований. Оба пути представляются продуктивными, но при реализации последнего наблюдается количественное преимущество.

3. Различные пути эволюции и в том и в другом случае позволили сформировать систему союзных средств и привели к следующим результатам: разделение связи на паратаксис и гипотаксис; разделение гипотаксиса на сочинение и подчинение, а подчинения на ряд дополнительных значений; выделение спектра устойчивых союзов, союзных слов, продуктивного механизма создания союзных комплексов; прекращение увеличения числа союзных средств.

2.2. Структура средств союзной подчинительной связи в XVI-XVIII веках

2.2.1. Историко-лингвистические предпосылки формирования языковой нормы

Исследуемый в этом разделе работы период очень важен как для внешней истории европейских государств, так и для внутреннего развития языка. XVII – XVIII века французской истории известны как эпохи Классицизма и Просвещения, которые сопровождались национальными потрясениями, такими как Фронда, религиозные войны, Великая французская революция. XVII век английской истории известен первой в Европе буржуазной революцией, свержением монархии, и, впоследствии, её Реставрацией. Все эти потрясения сопровождались гражданскими войнами, междоусобицей и раздробленностью страны. XVIII век предстает эпохой господства Англии на море и её колониальных притязаний, которые частью заканчиваются вполне успешно, например, на Востоке, а частью терпят фиаско, например, Североамериканский континент. Для стран Иберийского полуострова данные века ознаменованы окончанием Реконквисты и расцветом экспансии в Новый Свет. Вместе с тем, обозначенный период интересен первичным в истории активным вмешательством в естественный процесс развития языка, имеющим тенденцию к упорядочиванию и систематизации его строя и привлечением научной мысли к нормализации речи.

Условным началом эпохи французского классицизма можно считать выступление поэта и литературного критика Франсуа Малерба (1555-1628) в 1606 с замечаниями и комментариями к языку поэтов старой школы, которое стало основой теории литературного французского языка. Ф.Малерб отрицал необходимость новообразований в языке, находил его перенасыщенным лишними элементами и выступал за изъятие из него архаизмов, заимствований, калек, диалектизмов, вульгаризмов и профессионализмов. Задачи, которые

Ф.Малерб ставил перед литераторами – подчинение языка правилам, отбор языковых средств, следование литературным образцам [Brunot 1966-1968]. Однако его взгляды не были однозначно приняты и послужили началом многочисленных дискуссий по вопросам культуры речи, завершившимся созданием Французской Академии. Это учреждение, основанное в 1634-1635 годах А. де Ришелье, приняло на себя труд по регламентации языка согласно доктрине Ф.Марлеба.

Против идеала устойчивости в языке выступал позднее один из членов Французской Академии Антуан Фюретьер (1619-1688), создавший во второй половине XVII-го века «Универсальный словарь», опубликованный после смерти автора в 1690 году.

Еще один теоретик языка того времени Клод Вожла (1595-1650) развивал идеи Ф.Марлеба. В своем труде «Заметки о французском языке» (1647) он ввел понятие «узуса», как манеры говорить и манеры писать. В широком смысле этот термин определял нормы употребления тех или иных языковых форм, перенося их из письменной речи в устную.

Подобный подход к языку и речи надолго закрепился во французском языкознании той эпохи и нашел свое крайнее выражение в стиле прециозниц, как тенденции иносказания с целью обособления аристократического языка от речи других слоев общества. Положительным результатом существования этого стиля был строгий отбор слов и выражений, однако свойственных ему неологизмов и перифраз в современном языке не сохранилось, так как его слишком громоздкие формы не прижились в народной речи.

В противоположность стилю прециозниц получил развитие стиль бурлеск, который возводят к П.Скаррону. Его последователи выступали за сохранение в языке и использование в речи всех слов и выражений, которые Ф.Марлеб и К.Вожла считали неприемлемыми. Благодаря этому стилю удалось сохранить многообразие языка, но, с другой стороны, в соответствии с духом того времени современники относили его к низким жанрам, не употреблявшимся в высшем обществе [Nyrop 1976].

Нельзя обойти вниманием и научные труды по языкознанию, появившиеся в XVII веке, так как они до сих пор оказывают большое влияние на французскую лингвистическую мысль. Все основные труды тех лет содержали идею нормализации языка, например: в «Новых заметках о французском языке» П.Буура (1675) описываются формы, принятые правильным узусом. К наиболее известным и авторитетным работам следует отнести грамматику Пор-Рояля, «Всеобщую и рациональную грамматику» Антуана Арно и Клода Лансело, которая появилась в результате попытки авторов объединить в одном подходе к языку анализ и синтез. Путем сравнения языков авторы доказали универсальность принципов рассуждения и выражения мысли, и объяснили правильный узус конкретного языка правильностью «разума» [Арно, Лансло 1998].

Таким образом, считаем необходимым отметить, что рациональный подход к языку, зародившийся в XVII веке надолго определил направление французской лингвистики и явился основой блестящих образцов французского языка в художественной литературе классицизма.

Зарождение общенационального языка Англии происходило в XVI веке и неразрывно связано с именами У.Шекспира и К.Марло. К началу XVII века вполне очевидно было единство Англии как страны и, следовательно, единство её языка, имеющего диалекты, а не языки провинций. Перед литераторами и учеными той эпохи стояла проблема не «создания» языка, а его описания и нормализации. Англия того времени не избежала общеевропейской тенденции сословного расхождения между общеупотребительными нормами языков аристократии и простолюдинов. Один из представителей английского классицизма, законодатель литературного вкуса в Англии XVII века Драйден, позволяет себе критиковать язык писателей XVI века, заявляя, что их язык не являлся языком джентльменов, потому что писатели того века не поддерживали связей с более благородным обществом. Таким образом, к началу XVII века можно говорить о параллельном развитии «сословных диалектов».

Однако укрепление позиций буржуазии приводит к резко реакционной позиции в языковой политике. Английская буржуазия всячески стремилась подражать образцам речи дворянства. Тенденции следования классическим образцам не ослабели в течение всего XVII века. Появляются попытки упорядочить нормы языка, систематизировать его факты, придать ему строгость и четкость. Создаются новые грамматики, поскольку оказалось невозможным втиснуть строй английского языка, в котором к этому времени в достаточной степени сложились аналитические тенденции, в рамки старых античных грамматик. Точность выражения становится основным условием правильного употребления как грамматических конструкций, так и словаря и фразеологии. В 1664 году был даже организован Комитет, целью которого было упорядочить и улучшить английский язык, придать ему ясность и четкость математических формул. Комитет этот просуществовал недолго и особого значения в установлении норм языка не имел.

В школах в этот период времени все большую роль начинает играть изучение родного языка. Во многих школах, по свидетельству английских историков, латинский язык был вытеснен французским языком, который оставался международным языком дипломатии. На упрощение и нормализацию языка оказала влияние и церковь, так как проповеди, рассчитанные на широкие массы прихожан, представляли собой образцы простоты стиля и доступности понимания.

Как указывалось выше, большое значение в становлении норм английского литературного языка этого периода имело появление ряда грамматик. Особенно выделяется грамматика Джона Уалиса (John Wallis), вышедшая в 1653 году под названием "Grammatica Linguae Anglicanae." Написанная на латинском языке, эта грамматика описывает особенности строя английского языка. Она явилась как бы выражением протеста против слепого следования латинским образцам, хотя и не могла освободиться от этих пут.

Из анализа исторического контекста следует, что в целом XVII век характеризуется попыткой упорядочить язык, но сложная политическая,

экономическая и социальная ситуация помешала в полной мере достигнуть поставленных задач. Поэтому нормализация языковых норм, явление столь типичное для XVII века, продолжается и в XVIII веке, но эта нормализация приобретает свои специфические черты.

XVIII век в истории Франции связан с эпохой Просвещения и Французской революцией. Экономически и политически он является продолжением XVII-ого, что сказывается и на научной мысли. В образованном обществе складывается мнение, что французский язык достиг своего апогея в трудах классицистов, и целесообразно остановить его развитие, так как оно оказалось бы регрессией. Таким образом, основной своей задачей литераторы того времени считали неукоснительное соблюдение тех норм языка, узуса, который установили Ф.Малерб и К.Вожла. Увеличивающееся расслоение общества не могло не сказаться на разности подъязыков аристократии и простого народа. В светском обществе возвращаются к изысканности стиля, который закрепляется в литературе.

Развитие идей грамматистов XVII века происходило в тесной связи с логическим подходом, подтверждением чему была разработка вопросов синтаксиса. Так, в «Грамматическом очерке» аббата Данжо (1711) предпринята попытка объединить логику и грамматику, а уже во «Всеобщей грамматике» Н.Бозэ (1767) в специальном разделе «Элементы синтаксиса» предложение представлено как полное выражение суждения. Во второй половине XVIII-ого века возникает стремление понять не только структуру мысли, но и механизм ее возникновения, трансляции и восприятия, что привело к появлению в грамматике нового психологического подхода, свойственного трудам Дюмарсэ (1769) и Кондильяка (1775) [Амирова, Ольховиков 1975]. Проблемы взаимодействия грамматики и логики, языка и мышления, условного характера знака, слова и понятия получили развитие в грамматических разделах «Энциклопедии» (1750-1752), среди авторов которой были Дюмарсэ, Бозэ, Душе, Даламбер, Тюрго. «Энциклопедия», объединившая многих выдающихся ученых и литераторов того времени, зафиксировала состояние живого языка

середины XVIII века и оказала мощное влияние на дальнейшее развитие культуры и науки в целом и лингвистической теории в частности.

В конце века революционные события положили начало борьбе против диалектов, мешавших распространению новой идеи единого национального языка. Эта проблема изложена в Конвенте 1794 года Баррером и Грегуаром. На рубеже XVIII-XIX веков французский язык вытесняет диалекты и становится общеупотребительным для всех регионов страны. Этому немало способствовала политика ликвидации неграмотности и приобщение всех слоев населения к единым языковым нормам через их преподавание.

В XVIII веке нормализация имеет тенденцию закрепить язык, установить постоянные неизменяемые нормы пользования языком. Особенно резко это требование было выражено гениальным английским сатириком Джонатаном Свифтом в его «Эссе о языке». Особенно ополчился Свифт против языка двора этого периода, — против речи аристократов, привнесших в английский язык много случайных выражений, жаргонизмов, варваризмов и другого языкового шлама. Этот «язык» Свифт противопоставляет точному, ясному, простому общенациональному литературному языку [Swift 2007: 353]. Роль Свифта в установлении языковых норм литературного языка, в основном лексических, представляется противоречивой. Он возражает против засорения языка словами и выражениями, не получившими еще всеобщего признания, не вошедшими в литературное употребление. В этом его прогрессивная роль. Однако в своем протесте против всякого рода неологизмов, в стремлении утвердить «раз навсегда» формы языка, Свифт оказывается в числе тех, кто не допускает в языке новое, нарождающееся, жизнеспособное, и тем самым тормозит развитие и обогащение литературного языка.

Тенденция установить законы для развития языка, заключить его в рамки установленных для него путей и схем, была характерна и для другого крупного деятеля литературы и языка XVIII века, Аддисона. Так же, как и Свифт, он требует установить определенные границы развития языка и считает необходимым организовать комиссию из авторитетных лиц, подобную тем,

которые готовят проекты законов о торговле и гражданских правах. Такая комиссия должна осуществлять контроль над употреблением языковых норм.

Требование «зафиксировать» язык нашло свое практическое выражение в ряде грамматик, появившихся в XVIII в. Их задачей было установление правильного употребления слов, грамматических конструкций и приведение языка в систему. Основным приемом такой фиксации языка признан был принцип аналогии.

В 1711 — 1712 гг. появились 3 английские грамматики, роль которых оказалась весьма значительной для дальнейшего развития английского литературного языка.

Первая грамматика называется: "A Grammar of the English Tongue ... adapted to the use of Gentlemen and Ladies, as well as of the schools of Great Britain."

Авторы ставят своей целью не создать новый язык, не изменить орфографию, употребительную в настоящее время, а лишь «... установить правила чтения, письма и закрепить те формы языка, которые используются учеными и которые соответствуют духу языка». Авторы резко критикуют ранее вышедшие грамматики, в частности грамматику Лейна (Lane) и Уалиса (Wallis), которые, по их выражению, «совершали насилие над английским языком, пытаясь приспособить его формы к латинским склонениям, спряжениям и синтаксическим конструкциям».

Вторая грамматика Джеймса Гринвуда (James Greenwood) под названием: "An Essay towards a Practical English Grammar" ставила перед собой цели возбудить интерес к изучению родного языка и сделать изучение грамматики легким и приятным занятием для английской молодежи. В этой работе Гринвуд пытается также установить некоторые общие принципы словоупотребления.

И, наконец, третья работа принадлежит Майклу Мэтеру (Michael Mattaire). Она носит название: "The English Grammar: or, an Essay in the Art of

Grammar, Applied to and Exemplified in the English Tongue." Особенности этой работы заключаются в стремлении установить отдельные общие закономерности грамматического строя языков. Некоторые критики считают, что эта работа скорее исследует общие грамматические законы на материале английского языка, нежели пользуется грамматическими законами для объяснения особенностей английского языка. Иными словами, цель этой интересной грамматики — установление методов грамматического анализа языковых фактов.

Грамматика Мэтера сыграла значительную роль в дальнейшем развитии литературных норм английского языка. В этой грамматике с особой четкостью проявилось стремление логизировать грамматические законы. Мэтер считает, что законы языка подчинены логике и независимы от его функционирования. Поэтому правила английской грамматики подгоняются Мэтером под определенные логические схемы.

Важнейшей работой, отразившей направление языковедческой мысли XVIII и начала XIX в. в Англии в установлении норм литературного английского языка и характера его потребления, явилась грамматика Линдлей Марей (Lindley Murray), вышедшая в 1795 г. под названием "English Grammar". По существу, грамматика Марей является своего рода обобщением тех наблюдений, которые были сделаны до него в различных работах по языку в XVII и XVIII вв. Марей использует латинскую грамматику, переносит на английский язык те грамматические законы латинской грамматики, которые, по его мнению, могут быть с успехом применимы к фактам английского языка.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что грамматики XVIII века сыграли значительную роль в определении и уточнении норм английского литературного языка и послужили основой для дальнейших научных исследований в области специфических особенностей английской литературной речи.

Английские просветители XVIII века также стремились к нормализации языка. Они считали, что литературную форму языка можно раз навсегда

закрепить правилами употребления, очистить язык от всех недостатков, которые он приобрел в процессе своего развития, и навсегда установить желаемую форму этого языка.

Английские просветители требовали от языка ясности и точности. Это относилось и к письменному, и к устному типам речи. В языке Генри Филдинга, одного из видных представителей английского Просвещения, по наблюдениям Е. И. Клименко, почти нет примеров естественного различия между нормами литературно-книжной речи и живой разговорной речи, которое характерно для этих двух типов общения. Живая разговорная речь подвергалась значительной обработке в соответствии с установленными нормами литературно-книжной речи и иногда полностью теряла свои характерные признаки. Требования единой нормы заставляли просветителей подгонять живые формы диалогической речи под литературно-книжный язык, что произвольно создавало впечатление особой стилизации [Клименко 1952: 43]. Однако, процесс стилистического сближения вскоре сдвинулся в более естественное русло, и литературный язык, не теряя своей правильности, стал основываться на доступности, понятности и естественности, что в полной мере отразилось в произведениях XIX века.

2.2.2. Структурные характеристики средств союзной подчинительной связи

Описанные исторические, политические, культурные и научные тенденции привели к становлению европейских языков, которые принято называть классическими, ставшими основой современных языков, в том числе и в синтаксисе. Уже в эпоху Классицизма оформилось не только интуитивное, но и научно регламентированное описание сложных предложений и их компонентов, разделение их на сочинительные и подчинительные. Как следствие были выделены и описаны союзы и их функциональные синонимы. Мы предпримем попытку описать процесс становления системы средств

подчинительной связи, опираясь на модель сложноподчиненного предложения $(S_1P_1)C(S_2P_2)(C(S_nP_n))$ и принцип однонаправленности отношений между двумя предложениями в составе сложного.

Как упоминалось в предыдущем разделе исследования, константа **C** имеет четыре формы экспликации – простую, коррелятивную, сложную и составную, которые успешно функционируют в языке и в интересующий нас период. В соответствии с этой классификацией можно выделить односоставные союзы и союзные слова (простые), дистантные сочетания двух и более компонентов с союзной функцией (коррелятивные), односоставные союзы и союзные слова, появившиеся в результате полного слияния двух и более слов (сложные) и союзные комплексы (составные).

Ряд простых союзных средств открывают полисемантические союзы, этимологически усвоившие значение подчинения. Несомненно, наиболее употребляемым и наиболее семантически нагруженным в английском языке остается союз *that*, а в испанском, португальском и французском *que*. Сохранилось практически исключительное употребление данных союзов после глаголов, обозначающих мыслительное действие. Та же ситуация наблюдается и с глаголами чувствования, где языковая практика позволяла использовать и изъявительное и сослагательное наклонение в придаточном предложении, вводимом союзом *que*. *C'est dommage que tu n'es point entré* (Molière) *Who knew him would pity poor Mary, and say that she was too good for his wife.* (Southey) *La arrogancia que dicen que suelen tener los Españoles* (Cervantes)

Вторым наиболее устойчивым союзом является условный союз *if* в английском языке, *si* в испанском и французском и *se* в португальском. *If the censure of the Yahoos could any way affect me, I should have great reason to complain* (Swif) *C'est pour voir si vous m'entendez bien* (Molière) Языковой потенциал выражения различных оттенков условия с помощью наклонений, видо-временных глагольных форм и иных средств позволило условному союзу практически без изменений сохранить свой статус. При этом следует отметить, наличие способности данного союза образовывать союзные комплексы в

романских языках и его окказиональное участие в союзных комплексах английского языка в качестве зависимого компонента.

Следующая группа союзов эксплицирует различные значения сравнения: *as, than* – английский язык, *comme* – французский, *como, cuanto* – испанский и *como, quanto* – португальский. *Not mad, but bound more **than** a madman is* (Shakespeare) *Vous devriez l'apprendre, Monsieur, **comme** vous faites la danse* (Molière) Союзы с узкой семантикой сопоставления равных предметов или явлений (*as, comme, como*) становятся менее употребительными, что видно из их колебаний в течении XVI – XVII веков. В результате французский язык XVIII века практически исключает его из речи, а на Иберийском полуострове сохраняются лишь обороты типа: *no es tan rico como creen* (исп.); *não é tão rico como crêem* (порт.) Однако английский язык находит ресурс для расширения как семантики, так и сферы употребления союза *as*, что позволяет ему успешно функционировать и создавать союзные комплексы, тогда как его романские аналоги сокращают своё использование.

Следует отметить, что к началу классического периода английский язык обладал более широким спектром союзов с разной семантикой и разным происхождением – *for, till, ere, though, lest, so, but* – что объясняется значительным количеством заимствований из других языков в течение истории его формирования.

К простым союзным средствам относятся и союзные слова – вопросительные слова, местоимения, предлоги и наречия, принявшие на себя союзную функцию. В описываемую нами эпоху такие слова уже достаточно прочно закрепились в системе союзных средств, что позволило отказаться от их употребления в комплексе с дополнительной частицей, подкрепляющей подчинительное значение. Собственная семантика этих слов сделала возможным экспликацию с их помощью самых разных отношений, таких как время (*quand, when, after, before*), пространство (*où, where, there*), причина (*since*), уступка (*maguer, pero*) и других. ***quand** je serai mariée, je ne me servirai plus de ce Cordonnier-là.* (Choderlos de Laclos); *the child ... got my head into his*

mouth, **where** I roared (Swift); *Maguer que tonto era un poco codicioso* (Сервантес).

Считаем необходимым отметить, что количество простых союзов и союзных слов составляет около трети от всего числа средств подчинительной связи с небольшими вариациями в зависимости от конкретного языка. Однако исследование как художественных, так и научных текстов классической эпохи показывает, что их употребление, в чистом виде, без присоединения других частей речи, достигает 60% и более от общего числа случаев использования союзов и союзных комплексов. Подобная распространенность объясняется их полисемантической, а так же давней исторической и речевой традицией употребления.

В отличие от простых средств связи коррелятивные союзные комплексы практически исчезают в классический период и в эпоху Просвещения встречаются крайне редко в основном как средства выражения сопоставления. *It had upon its brow a bump as big as a young cock'rel's stone* (Shakespeare) С некоторой долей вероятности к коррелятивным средствам можно отнести распространенный в XVII веке оборот французского языка с так называемым сплетением относительных слов. *J'ai encore entendu, après souper, un home que je suis sure qui parlait de moi, et qui disait à un autre.* (Choderlos de Laclos) К сплетению относительных слов прибегали в течение всего классического периода. Довольно часто им пользовались в литературном языке XVIII века, и из активного употребления он исчезает только со времени Французской революции. Попытки литераторов вернуть его в XX веке остались безуспешными, и в настоящее время он архаичен.

Группа сложных союзов в рассматриваемых языках имеет вполне ясную этимологию: они появились в результате полного слияния двух компонентов союзного комплекса в одну лексическую единицу (большее количество компонентов не встречается ни в одном из рассматриваемых языков). Исключение составляет лишь французский союз *parce que*, сохранивший раздельное написание при полном звуковом и семантическом слиянии, и на

этом основании отнесенный нами в эту категорию союзных средств. Проведенный анализ позволяет классифицировать сложные союзы по статусу их компонентов на две группы:

- Образованные на основе союза – *parce que, puisque, although, comoquiera* – единицы, сложившиеся в процессе вовлечения союзом другого слова в экспликацию подчинительной связи. *Je fusse coiffée pour diner, **parce que** nous serions toujours seuls.* (Choderlos de Laclos); *Thus vainly thinking that she thinks me young, **although** she knows my days past the best;* (Shakespeare)
- Образованные на основе союзного слова – *whenever, lequel* – единицы, имеющие сходную с первой группой этимологию, но имеющие в качестве центра союзное слово, усвоившее раннее функцию подчинительного союза и обладающее ресурсом для формирования, а затем и сращения комплексов. *I had less apprehension concerning the dogs, **whereof** three or four came into the room.* (Swift); *et deux cens pour les coussons en sorte de carreaux, **lesquelz** on mist soubz les esselles.* (Rabelais).

Другая типология основана на семантическом статусе компонентов и позволяет выделить две группы сложных союзов:

- Союзы с двойным значением, семантика которых сложилась в результате сочетания значений образовавших их компонентов и отлична от семантики каждого из них – *quoique, however, quienquiera. **Whate'er** thy thoughts or thy heart's workings be, thy looks should nothing thence but sweetness tell.* (Shakespeare); *Je ne devais pas craindre un refus, et **quoique**, par une inconséquence qui vous est particulière.* (Choderlos de Laclos).
- Союзы с измененным значением, семантику которых образует центральный союз, а второй компонент лишь изменяет её в соответствии со своим значением – *lequel, until. And yhis puts me in mind of an amusement, wherein I spent many of my leisure hours.* (Swift); *Dont fut depuis la ville nommée Paris, **laquelle** auparavant on appelloit Leucece* (Rabelais).

Таким образом, группа сложных союзов достаточно разнообразна по своему составу, и несмотря на небольшой процент от общего количества

союзных средств - 10-14%, является перспективной. Сохранившаяся в языке тенденция к слиянию устойчивых союзных комплексов позволяет предположить её дальнейшее пополнение.

Наибольшую сложность и в структурном и в смысловом плане представляют союзные комплексы. Их доля в общем количестве союзных средств превышает 60%, хотя частотность употребления речи по сравнению с простыми формами невелика, что объясняется смысловой однозначностью. Учеными предпринимались различные попытки классифицировать и систематизировать союзные комплексы. Так, авторы «Грамматики современного английского языка» используют термин «сложные союзы» и подразделяют их на группы в зависимости от ведущего союза – *that, as, than*, и т.д. [Quirk 1982]. Е.М.Гордон и И.П.Крылова, напротив, выделяют союзные комплексы, действующие разные части речи для уточнения значения [Гордон 2007]. Французским грамматистам предложены классификации основанные на детальном разложении комплексов на компоненты, что делает их неприменимыми к другим языкам [Гак 2004]. Таким образом, предшествующие исследования не предлагают какой-либо системы, имеющей межъязыковой статус. Неоспорима лишь количественная характеристика комплексов – двухкомпонентные и многокомпонентные. Исследованный нами материал дает возможность утверждать наличие и тех и других структур почти в равных долях с небольшим преимуществом двусоставных, что вероятно является результатом экономичности языка. Следует признать, что организация более сложной и полной системы действительно представляет огромную трудность, что связано с вариативностью форм союзных комплексов в языках. Тем не менее, предпринятая нами попытка позволяет предположить наличие нескольких стабильных структур, функционирующих в исследуемых языках в XVII-XVIII веках. А именно:

1. **Союз + союз** – *as if, as though, si que* – эта структура одна из древнейших, возникшая для уточнения значения в период отсутствия механизмов вовлечения других частей речи в структуру союзных средств. С

появлением и развитием таких механизмов данная модель потеряла свою актуальность и рассматриваемый нами период комплексы такого типа встречаются крайне редко, несмотря на стабильность как формы, так и значения. *We were carried, by my computation, about five hundred leagues to the east, so that the oldest sailor on board could not tell in what part of the world we were.* (Swift) *Je t'assure que si je pouvais toujours vivre ...* (Choderlos de Laclos)

2. **Служебная часть речи + союз** – *not that, sans que, pour que, el que, o qual* – либо как вариант инверсия этой структуры – *that for*. Очевидно, присоединение служебных частей речи (артиклей, предлогов, частиц) произошло на начальном этапе развития подчинения. Таким образом в языках апробировался механизм уточнения характера связи путем расширения формы союзных средств. *She hath forsworn to love, and in that vow do I live dead, that live to tell it now.* (Shakespeare) *Je voudrai, sans qu'il y ait du mal* (Choderlos de Laclos)
3. **Союз + наречие** – *as yet, as well, that long, si bien* – так же одна из ранних структур, где проявился наиболее продуктивный способ уточнения значения связи с помощью наречий. Однако сама структура закрепились только в английском языке. *I have sent you some corrections, which you may insert, if ever there should be a second edition;* (Swift) *Et je voudrais qu'avec son bien il eût encore quelque bon goût des choses* (Molière) Для романских языков более продуктивной явилась инверсионная форма, что привело к появлению следующей структуры.
4. **Наречие + союз** – *now that, long after, alors que, bien que, contanto que* – наиболее распространенная и продуктивная форма союзной связи. В романских языках 87% всех комплексов образованы в соответствии с этой моделью. Английский язык обладает большим разнообразием, однако и для него такая модель остается самой жизнеспособной. *Soon after I heard a general shout...I felt great numbers of people on my left*

side...(Swift) *Vous avez été ennuyé cent fois, ainsi que moi, de l'importance que met Gercourt à la femme qu'il.* (Choderlos de Laclos)

5. **Наречие + союзное слово** – *hardly when, bien qui* – структура, явившаяся результатом двух процессов: широкого распространения наречий в системе союзных комплексов и усвоения союзными словами функциональных характеристик союзов. Вышесказанное привело к появлению ресурсов для создания союзных комплексов без участия союза. *Who knowes it, when none can call our powre to accompt; yet who would have thought the olde man to have had so much blood in him.* (Shakespeare) *Vous abusez de mes bontés, meme depuis que vous n'en usez plus;* (Choderlos de Laclos)
6. **Глагольная форма + союз** – *provided that, suppose that, malgré que, vu que* – одна из самых поздних структур, начавшая своё становление в описываемый нами период. Несмотря на кажущуюся громоздкость формы и ограниченное количество глаголов, имеющих ресурс уточнения связи, такие комплексы обладают очень широкой сферой применения. *The first is, to gain over my adversary's lawer with a double fee, providing that he will then betray his client;* (Swift)
7. **Союз + наречие + союз** – *so long as, si bien que* – первая структура в ряду многокомпонентных комплексов, использующая тот же принцип вовлечения наречия, которое занимает центральное место, разбивая ранее сложившийся союзный комплекс. *And apply them to the benefit of public as well as private life* (Swift) *Seroit-elle bien si malicieuse que de s'être tuée?* (Molière)
8. **Служебная часть речи + значимая часть речи + (союз)** – *for fear that, pour peu que* – структура, имеющая узкое значение за счет конкретизации смысла значимой части речи служебной. Разнообразие рассматриваемых языков не позволяет нам уточнить использование служебных и значимых частей речи не рискуя раздробить классификацию. Отметим лишь, что при такой репрезентации эта модель является наиболее

распространенной. *He may lawfully put half of them yo death, and make slaves of the rest, in order to civilize and reduce them from their barbarous way of living.* (Swift) *je n'y veux point aller, de peur qu'elle ne vînt.* (Rabelais)

9. **Идиоматичное выражение** – *in spite of the fact that, à seule fin de* – фразы, имеющие древнее происхождение и «застывшие» форму и значение, и усвоившие при этом союзную функцию вследствие различных причин. *And, in spite of my guards, I believe there could not be fewer than ten thousand at several times;* (Swift) *Ils se sont mis en colère pour la preference de leurs professions, jusqu'a se dire des injures, et vouloir en venire aux mains.* (Molière)

Следует отдельно оговорить, что указанные структуры как простых, так и сложных форм не могут считаться исчерпывающим перечнем. В известной степени, выше речь шла о типовых моделях построения союзных средств без учета единичных случаев и предпочтений и неологизмов отдельных авторов.

2.2.3. Тенденции развития структуры средств союзной подчинительной связи

Неоспорим тот факт, что система союзных средств подвергалась изменениям в процессе своего развития. Анализ типичных и исключительных форм репрезентации связи в диахроническом аспекте позволяет нам сформулировать и обосновать основные тенденции их развития:

- Присвоение союзного статуса союзным словам, в первую очередь вопросительным местоимениям и предлогам, чему способствует долговременное и устойчивое исполнение ими функций союзов. К началу описываемого нами в этом разделе работы периода союзные слова настолько прочно закрепились в системе союзных средств, что утратилась необходимость подкрепления их подчинительного значения с помощью союза. К концу периода союзные слова приобретают способность не только выступать самостоятельно, но и формировать

союзные комплексы. Все это позволяет предположить полную ассимиляцию союзных слов как средств маркирования подчинения, изначально путем создания пар омонимов союз – предлог/союз – местоимение. Подобный процесс уже успешно прошел в английском языке и завершился появлением таких союзов как *for, after, before*.

- Присвоение статуса союзного слова значимым частям речи, которые являются устойчивыми компонентами союзных комплексов. Механизм появления подчинительных средств связи проходит в несколько этапов: формирование союзного комплекса с использованием значимой части речи и союза – закрепление его в речи и сознании говорящих как маркера подчинения – опущение союза, которое влечет за собой самостоятельное исполнение этой частью речи союзной функции, что и делает её союзным словом. Первый этап реализации этого механизма успешно прошел ранее с вовлечением предлогов и вопросительных местоимений. Успешное и длительное функционирование наречий в союзных комплексах дает основания говорить о начале второго этапа, постепенном опущении подчинительного союза от наречия в соответствии с законом языковой экономии и превращении последнего в союзное слово. Представляется, что на начальной стадии статус союзных слов приобретут временные наречия и выражения, так как уже в XVIII веке возможно встретить употребление «*jusqu'a ce*» без союза *que*, что связано с устойчивыми значениями времени и подчинения свойственными этому выражению.

- Слияние союзных комплексов в сложные союзы. Другой возможный вариант развития союзных комплексов, который и на предыдущих этапах приводил к появлению новых лексических единиц. В первую очередь слиянию подвержены зависимые части речи – артикли и предлоги. В качестве результата можно привести не только существующие сложные союзы, но и некоторые двухкомпонентные комплексы, например *depuis que*, несомненно, бывший некогда трехкомпонентным. Предположительно к двухкомпонентной форме могут придти комплексы

de peur que, au cas où, des fois que и некоторые другие. Прогнозируемо так же и появление сложных союзов на основе комплексов *in case, ya que, por ke*.

- Вовлечение новых значимых частей речи в союзные комплексы. Несмотря на выраженную тенденцию к опрощению, возможность языка создавать союзные комплексы не была утрачена, и ее использование нельзя исключить в будущем. Речь не идет о скачке в развитии союзных комплексов, так как число типов причиной связи конечно и ограничено мыслительной деятельностью человека. Однако, в предложениях типа: *je lui ai fait composer ici, en attendant que notre homme fût éveillé*, (Molière) есть ресурс для семантической трансформации конструкции *en attendant que* в средство выражения подчинения. Подобное употребление причастия с союзом начинает распространяться в XVII веке, и есть вероятность расширения его употребления с последующими изменениями в значении.

- Исчезновение союзных средств. Динамика всей системы предполагает устаревание и выход из употребления её компонентов путем замены их более актуальными на всех структурных уровнях. Так, в течение описываемого периода становятся архаичными союзы *ere, comme, pero* союзные слова *except, où*, сложные союзы *whereas, lequel, lorsque*, союзные комплексы *in so much that, if so be, pour ce que*. Безусловно, постоянное развитие союзных средств выражения подчинения будет приводить к исчезновению некоторых из них.

Комплекс обозначенных нами тенденций может быть систематизирован и представлен в тезисном виде следующим образом:

Тенденции развития языковых структур подчинительных союзных средств

Таблица II, 2.2, 1

1	Присвоение союзного статуса союзным словам - вопросительным местоимениям и предлогам.
2	Присвоение статуса союзного слова значимым частям речи, которые

	являются устойчивыми компонентами союзных комплексов.
3	Слияние союзных комплексов в сложные союзы.
4	Вовлечение новых значимых частей речи в союзные комплексы.
5	Исчезновение союзных средств - устаревание и выход из употребления её компонентов путем замены их более актуальными на всех структурных уровнях.

Таким образом, период становления нормы в исследуемых языках предлагает для изучения целый ряд структурных характеристик союзных средств выражения подчинительной связи.

Анализ их структур и динамики развития позволяет сделать следующие выводы:

1. Становление норм языка в XVI-XVIII веках спровоцировано объединением государства и укреплением центральной власти, исчезновением неграмотности, комплексным изучением всех языковых уровней, появлением грамматик, словарей, научных трудов по лингвистике, а так же расцветом художественной литературы и публицистики.

2. Выделено четыре формы экспликации – простая, коррелятивная, сложная и составная, которым соответствуют четыре вида союзных средств: односоставные союзы и союзные слова, дистантные сочетания двух и более компонентов с союзной функцией, односоставные союзы и союзные слова, появившиеся в результате полного слияния двух и более слов и союзные комплексы.

3. Союзы и союзные слова составляют около 20% от всего числа союзных средств, являются наиболее древними и наиболее употребительными формами выражения подчинения. Доля коррелятивных средств не достигает 2%, что указывает на их постепенное исчезновение из языка. Сложные союзы так же немногочисленны (10-12%), однако являются перспективной для пополнения группой за счет слияния компонентов союзных комплексов. Союзные комплексы наиболее широко представленная группа – до 70%,

подразделяющаяся на подгруппы по количеству компонентов (двухкомпонентные, многокомпонентные) и по некоторым структурным особенностям построения.

4. Структурный анализ союзных средств выражения подчинения позволяет обозначить основные тенденции их дальнейшего развития, как то: укрепление союзной функции у союзных слов и некоторых компонентов союзных комплексов, частичное или полное слияние союзных комплексов в более простые лексические единицы, вовлечение значимых частей речи в экспликацию подчинения, а так же исчезновение из языка ряда архаичных структур.

2.3. Семантическая характеристика средств подчинительной связи

2.3.1. Динамика семантических характеристик средств подчинительной связи в нормативный период

Для полноценного исследования средств репрезентации подчинительной связи ограничим систему сочинительных средств, как противопоставленную подчинению.

Система средств выражения сочинения в языках Западной Европы сложилась к концу XVI века и в общих чертах остается неизменной до сих пор. Во французском языке к ней в первую очередь относятся союзы *et* «и», *ou* «или» и *ni* «ни», при этом союз *ni* до середины XVII использовался для соединения предложений со значением сомнения даже при отсутствии выраженного отрицания. *Dictes moy où n'en quell pays* «скажи мне, где, в какой стране». (Villemain) Исчезли союзы *si* и *et si*, резко повысилась частотность употребления союза *mais*. Э.Бурсье относит к союзным словам, присвоившим функции сочинения в указанный период *toutefois* «все-таки», *pourtant* «однако» и *sependant* с тем же значением «однако», появившийся позднее [Бурсье 2004]. Традиционная французская грамматическая школа относит к сочинительным

союзам *car* «так как» и *alors* «тогда», которые объединяют равнозначные и разнонаправленные предложения, однако, обладают при этом оттенками обстоятельственного значения причины и времени, что позволяет отнести их к пограничным случаям между сочинением и подчинением. *j'ignorerais encore quel est celui que vous aimez; car en me parlant de lui tout le temps...* (Choderlos de Laclos).

В Испании и Португалии основными сочинительными союзами служили *e* «и», который при образовании зияния с гласным мог переходить в форму *u*, закрепившуюся в испанском языке, *nem* (порт.) и *ni* (исп.) «ни» *ou (aut)* (порт) и *ó* (исп.), которое переходило в *ú* перед начальным *o* – «или». В течение данного периода сохраняется противительный союз *mas (magis)* «но», хотя в испанском чаще употребляют *pero* «однако, а, но» или *sino*, если главное предложение отрицательное, а в португальском *porém* в том же значении. Появились и закрепились в языке сложные союзы и союзные комплексы с сочинительной функцией *todavía* (исп.) «тем не менее», *ahora bien* (исп.) «итак», *con todo eso* (исп.) *com tudo* (порт.) «при всем том», *sin embargo* (исп.) *sem embargo* (порт.) «несмотря на», а так же частицы с пограничным значением *pues* (исп.) *pois* (порт.) «потому», *luego* (исп.) *logo* (порт.) «следовательно», *también* (исп.) *tambem* (порт) «также».

Начавшийся XVII век, не принес больших изменений и в систему средств сочинительной связи английского языка. Оформился статус сочинительных союзов *and* «и», *or* «или» и *but* «но», а так же разделительных комплексов *either... or* «или... или», *neither... nor* «ни... ни». В выполнении сочинительной союзной функции привлекаются частицы *also* «так же» и *only* «только», и наречия *thus* «так, таким образом», *notwithstanding* «несмотря на, однако», *else* «иначе», *moreover* «кроме того», *therefore* «поэтому», *nevertheless* «тем не менее». Не вызывает сомнения использование этих наречий для соединения равнозначных и разнонаправленных предложений в составе одного сложного, однако, свойственная им различная семантика требует их причисления к пограничным случаям сочинения и подчинения. В этот же ряд следует

поставить союз *but*, но исходя из его употребления, а не из его значения, так как в рассматриваемый период данный союз встречался и в сложноподчиненных предложениях. *And he slept that night like an innocent man; but Bishop Hatto never slept again* (Southey).

Обратимся непосредственно к подчинительной связи, которая также широко представлена в художественной литературе. Основные типы зависимых предложений в составе сложного подверглись конкретизации, однако остались прежними (определятельные, дополнительные, обстоятельственные).

В системе союзов, вводящих придаточные определятельные, просматривается явная тенденция к уточнению, специализации значения союза. Так, широко употребляются наиболее древние союзы *que* (фр., исп., порт.) и *that* (англ.) для этой группы предложений, но возникшая потребность разделения определяемого понятия по признаку одушевленности/неодушевленности привела к вовлечению союзных слов как маркеров одушевленности. Начиная с XIV века, во французском языке местоимение *cui* исчезло, смешавшись с *qui*, которое употреблялось в качестве вопросительного местоимения, а так же после предлогов *à qui* «кому», *de qui* «с кем», *pour qui* «для кого» и иногда как прямое дополнение. *vous ne savez pas de qui vous parlez* (Molière). Очевидно, именно расширение его функций и употребления привело к тому, что *qui* вовлекается в число союзных слов. Схожий процесс в это время мы наблюдаем и с формой *quoi* «что», но в меньшем объеме. Чаше она соотносится с названием неодушевленных предметов. По указанной выше причине в XVII веке распространяется оборот с так называемым сплетением относительных слов по терминологии Э.Бурсье [Бурсье 2004] *J'ai encore entendu, après souper, un home que je suis sure qui parlait de moi, et qui disait à un autre.* (Choderlos de Laclos) К сплетению относительных слов прибегали в течение всего классического периода. Довольно часто им пользовались в литературном языке XVIII века, и из активного употребления он исчезает только со времени Французской революции. Попытки литераторов вернуть его в XX веке остались безуспешными, и в настоящее время он архаичен.

Интересна эволюция сложного местоимения *lequel* и наречия *où* в значении «который, какой», употребляемых в функции союзных слов с конца XV века. Использование *où* в качестве относительного слова стало одной из характерных черт классического языка. *C'est une chose où je ne puis consentir* (Molière) Однако уже в середине XVIII века д'Оливье объявил данный оборот устаревшим. В это же время выходит из употребления *lequel*, сохраняясь в речи только после предлогов. *une figure d'esmail competent, en laquelle estoit pourtraict un corps humain ayant deux testes...* (Rabelais).

Испанский и португальский языки используют *qui, quien* (исп.) *quem* (порт.) «кто» применительно к лицам. Однако в этих языках наблюдается дальнейшая конкретизация значения по родам, что привело к появлению союзных комплексов *el que, la que, lo que* (исп.) *o que, a que* (порт.) «тот, который», «та, которая» и «то, которое». В отличие от французского союза *lequel*, который, несомненно, оформился в русле той же тенденции, языки Иберийского полуострова сохранили употребление данных союзных комплексов до наших дней.

В английском языке с XVI века функционирует союзное слово *who* «кто», соотносимое исключительно с одушевленным референтом. *That the other part of the parliament consisted of an assembly called the House of Commons, who were all principal gentlemen.* (Swift) Одновременно с этим к середине XVII века окончательно определился статус союзного слова *which* как маркера неодушевленности, а к концу XVIII века после нескольких колебаний в семантике и частотности употребления тот же статус приобрел союз *that*. *Griefs of mine own lie heavy on my breast, which thou wilt propagate to have it pressed with more of thine.* (Shakespeare) С целью более детального разграничения значений в английском языке закрепляются союзные слова *whose* и *whom* (иногда с предлогами), появившиеся ещё в среднеанглийский период. *"What matters that", said Jonathan, whose blood began to freeze.* (Southey)

Наименее многочисленна группа союзных средств вводящих придаточные дополнительные. Изучение источников указывает на

главенствующее положение в этой группе союза **que** в романских языках. К началу XVII века во французском языке сохранились конструкции, повторяющие после вводного предложения *que*, которое начинало дополнительное предложение. *Les medicines disorient que, si l'on le tenoit ainsi au berceau, qu'il seroit toute sa vie subject à la gravelle.* (Rabelais) Сохранилось и практически исключительное употребление *que* после глаголов, обозначающих мыслительное действие *penser* «думать», *croire* «верить, полагать» и других – *je crois que de Madam il est, ma foi, jaloux* (Molière), хотя в классический период исчезает употребление в придаточном предложении сослагательного наклонения. Та же ситуация наблюдается и с глаголами чувствования, где языковая практика позволяла использовать и изъявительное и сослагательное наклонение в придаточном предложении, вводимом союзом *que*. *C'est dommage que tu n'es point entré* (La Fontaine)

Считаем необходимым отметить, что обращение к художественным и научным текстам классической эпохи показывает, что употребление союза *que*, в чистом виде, без сопутствующих частей речи, достигает 60% и более от общего числа случаев употребления союзов и союзных комплексов.

В среднефранцузский период допускалось опущение указательного местоимения среднего рода *ce* перед *que*, служащим прямым дополнением, но со времен Ф.Малерба подобные обороты редуцируются, хотя и встречаются еще у классицистов. Закрепляются в языке конструкции *ce que* и *ce qui*. *Ce qui m'inquiétait le plus était de ne pas savoir ce qu'on pensait sur mon compte.* (Choderlos de Laclos) Из относительных конструкций, получивших дальнейшее развитие, тем оборотам, где *ce que* и *ce qui* вводили глагол, соответствуют конструкции *c'est que* с предложением, которое служит логическим подлежащим или дополнением этого глагола. *Ce que je prise plus, c'est qu'il ne faudra point.* (Шишмарев) Другим направлением развития стала возможность редукции предложений типа *Si vous saviez ce que je souffre!* в *Ce que je souffre!* в речевой практике середины XIX века, результатом чего, стало слияние

конструкции в наречие со значением «как» и функцией вводить в речь любое восклицательное предложение. *Ce que j'ai mal à la tête!*

Помимо указательного слова литературный язык классической эпохи использует сочетания союзов, как правило, *que* и *qui* присоединяют к себе сочинительный союз. Это не влияет на значения каждого из них и вряд справедливо говорить о некоем семантическом единстве, тем не менее, союзные комплексы широко использовались. *Je desire **donc que** vous ayez la complaisance de vous éloigner de moi.* (Choderlos de Laclos) Подобное сочетание союзов существует в современном языке в том же статусе: два союза используются для выражения сложного значения связи и каждый из них при этом остается самостоятельным.

Аналогичная картина наблюдается нами и в Иберии. Тем не менее, следует отметить, что употребление дополнительных предложений в испанском и португальском языках ограничено широким распространением инфинитива с предлогом. В испанском языке классического периода дополнительные придаточные встречаются также после междометия *ojalá* «дай бог, пусть». *Morisco soy, y **ojalá que** negarlo pudiera!* (Cervantes)

Английский язык демонстрирует такую же монополию союза *that* в предложениях с глаголами чувствования, мыслительной и речевой деятельности, который в некоторых случаях может быть замещен местоимением *what*. *And they, who knew him would pity poor Mary, and say **that** she was too good for his wife.* (Southey) Для репрезентации дополнительных предложений используются также союз *as* и союзные комплексы *as if*, *as though*: *< ...>which he accordingly did, as he was pleased to tell me; when I see these very Yahoos carried by Houyhnhnms in a vehicle, **as if** they were brutes, and those the rational creatures?* (Swift)

В целом же исследуемые языки предлагают небольшое количество союзных средств для дополнительных придаточных, причем эти средства относятся к самым древним и, вместе с тем, самым семантически нагруженным и широко употребляемым с придаточными других видов.

В группе предложений с обстоятельственными значениями максимальное количество союзных средств относится к категории времени. Французский союз *que* изначально мог самостоятельно выражать и временные отношения. *Le jour parut **que** nous étions encore ensemble.* (Scarron) Однако такие конструкции все больше вытесняются узко-специальными средствами и исчезают в эпоху К.Вожла. Очевидно, следует считать, что такое употребление *que* явилось источником создания целого ряда союзных комплексов путем вовлечения других частей речи. Этот процесс начался еще в среднефранцузском языке и привел к тому, что к началу классической эпохи существовало несколько составных временных комплексов, которые в XVII веке лишь видоизменились: *endementres que* → *tandis que*, *cependant que* → *pendant que* «в то время как». В конце XV-ого века появляется и закрепляется в языке комплексы, указывающие на конечные пределы, *depuis que* «с тех пор как» и *jusqu'a ce que* «до тех пор пока», существующие до наших дней. Но последний не был популярен в классическую эпоху и часто заменялся *tant que* «пока»: *Vous abusez de mes bontés, meme **depuis que** vous n'en usez plus; Aumoins celle-là, je peux bien l'aimer **tant que** je voudrai.* (Choderlos de Laclos)

Наряду с наречиями в выражение временных отношений с союзом *que* вовлекались и предлоги, в результате чего образовались комплексы *avant que* «прежде чем» и *après que* «после того как», которые, начиная с классической эпохи, требуют после себя сослагательного наклонения. Кроме того, несмотря на возражения грамматистов, с XVIII века получило распространение вставное *ne*: *Je m'arrête **avant que** le sujet ne s'épuise.* (Villemain)

Группа союзных средств, выражающих временные отношения, представлена вопросительным словом *quand* «когда», наречием *lorsque* «когда» (мало употребительным в среднефранцузском языке и распространившимся после XVI века) и наречием *comme* «как, когда»: ***Quand** ie dis la Cour, i'y comprends les femmes **comme** les hommes;* (Vaugelas); <...> ***lorsque** la poincte de leur agueille estoit rompue, ont commencé **besoigner** du cul.* (Rabelais); ***Comme** le chevalier se pournenast à l'environ de son hostel.* (Cent Nouvelles Nouvelles)

Помимо временного наречие *quand*, посредством опущения следовавшего за ним глагола, получило значение, близкое к значению союза *avec* «с». обороты типа «*je partirai quand (et) vous*» сохранились в ряде диалектов.

Выявлено, что в отличие от французского, испанский язык требует употребления союза *que* между причастием и вспомогательным глаголом, образуя тем самым специальный оборот для обозначения времени (*llegados que fueron* «когда прибыли, по прибытии»). В остальном же уточнение временных границ происходит с помощью тех же союзных слов: *cuando* (исп.) «когда», *meintras* (исп.) «между тем», *quando* (порт.) «когда». *Me buscareis cuando caiga la noche.* (Бурсье) Существует и параллельная французской схема формирования союзных комплексов с *que* с вовлечением предлогов *antes que* «прежде чем» и даже заимствованных слов *hasta que* (исп.) *até que* (порт.) «до тех пор пока». *Mucho antes que yo viniera al mundo.* (Villaroel)

Нет оснований предполагать иной путь развития временных союзных средств в английском языке. Сохранившийся в классическую эпоху союз *as* с временным значением ранее являлся ведущим в этой группе. Однако уже в XVI веке лидирующее положение занимает союзное слово *when*, выступающий в сочетании с союзом *as* или частицей *ever* – *when as* → *whereas, whenever*. *Our love was new and then but in the spring when I was wont to greet it with my lays...* (Shakespeare) Союз *till (untill)* прочно закрепляет за собой временное значение и продолжает функционировать в языке. *And faltering in his speech he bade the Priest the rites delay till he could, to right health restored, enjoy the festive day.* (Southey) Тогда как союз *ere* в послешекспировскую эпоху сокращает свое потребление и уже в XVIII веке переходит в разряд архаичных. *As is the bud bit with an envious worm ere he can spread his sweet leaves to the air or dedicate his beauty to the same.* (Shakespeare) Интересен тот факт, что указанные выше союзы и союзные слова создают минимальное количество союзных комплексов, несмотря на не вызывающую сомнения временную семантику: *as yet, as when, hardly when*. *Lord Edmund seem'd to stand, such and so pale as when in death he grasp'd his brother's hand.* (Southey) В некоторой степени

справедливо говорить и о темпоральном значении союза *that*, который постепенно утрачивает своё место в составе временных союзов, оставаясь лишь в составе немногих союзных комплексов: *now that, that long*.

Помимо *when* в эту группу средств входят союзные слова *since, while, against*. *Thou canst not vex me with inconstant mind, since that my life on thy revolt doth lie.* (Shakespeare); “*Lie there, while we with pious breath raise over you the dirge of death;*” (Southey) А так же *after* и *before*, самостоятельный союзный статус которых закрепляется в той мере, что позволяет им создавать союзные комплексы с вовлечением наречий. *After this exploit, I walked gently to and fro on the bed; This labour took up several days’ conversation, before he was able to comprehend me.* (Swift) Алгоритм этих союзных комплексов аналогичен механизму появления комплексов на основе корреляционной структуры *as...as*: *as soon as, as long as*, что объясняет чередуемое расположение наречия и союза в них: *long after, after all, before now, before long, long before*. Все вышесказанное позволяет увидеть тенденцию **доминирования союзных слов в данной семантической группе на фоне ослабления роли союзов**. Количество союзных слов, детализирующих временные значения, является преобладающим среди всех обстоятельственных значений и достаточным для постепенного исключения полисемантических союзов *that, as*. Не вызывает сомнения и сокращение употребления сложных союзов *whereas, whenever* в связи с отсутствием необходимости в подкреплении союзного статуса *when*.

Языковой материал позволяет утверждать, что для указания на причинные отношения на рубеже XVI-XVII веков во французском языке существовали союзные комплексы *parce que* и *pour ce que* «потому что». Грамматисты классической эпохи во главе с Ф.Малербом отдавали предпочтение последнему. Несмотря на это он исчез во второй половине XVII века, а *parce que* сохранился в современном языке. *Je fusse coiffée pour diner, parce que nous serions toujours seuls.* (Choderlos de Laclos) Оттенок мотивации в причинных отношениях выражал союз *puisque* «поскольку, так как», вероятно появившийся на раннем этапе, закрепившийся в форме сложного союза в

среднефранцузском и сохранившийся до сих пор: *Example des vieux mots, puisque le nom de verue nous reste*; (Ronsard). Кроме того, широко использовался сложный комплекс *à cause que*, сложившийся еще в среднефранцузском: *<...> que l'on hante la Cour, qu'à cause que la Cour est la seule Escole d'une infinité de termes*; (Vaugelas). В середине XVIII века получил распространение в разговорной речи оборот *(par) rapport que*, не сохранившийся в литературном языке. Таким образом, причинно-следственные отношения не имели «своего» союза, а для их выражения использовались немногочисленными союзные комплексы, которые сложились значительно раньше всех других. Поэтому в данном случае семантическое слияние единиц в составе комплекса настолько тесное, что справедливо говорить о сложных союзах на основе *que*.

В отличие от французского, союз *que* был широко распространен в испанском и португальском языках для обозначения причины, при этом часто усиливался наречием времени.

В английском языке основным средством выражения причинных отношений становится заимствованный союз *because*, наряду с которым в указанный период продолжают функционировать союзы *as, that, so* и *for*. *Thou dost love her, because thou knowst I love her*; (Shakespeare); *"I think they could not have been closed, so widely did they strain."* (Southey) *Yet tell me not, for I have heard it all.* (Shakespeare) После заимствования наречия *since* среди темпоральных союзных средств, оно, уже в качестве союзного слова, усваивает и каузативное значение как близкое к временному. *"since I was now her majesty's most humble creature and vassal, I must beg the favour..."* (Swift) Союзные комплексы, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в большинстве своем сложились к XVII веку и демонстрируют громоздкую многокомпонентную структуру с вовлечением самых разных частей речи, которая оставалась не стабильной в течение периода и допускала даже разрыв компонентов: *that's why, for fear that, for one thing, in so far as, not that. Is it for fear to wet a widow's eye That thou consumest thyself in single life?* (Shakespeare).

Для экспликации значения цели еще в среднефранцузский период использовался союз *que*, как например в тексте неуставленного автора «Les Quinze Joyes de mariage»: *Le bon homme la couvre bien, **que** le vent n'y entre.* (Шишмарев) Данный оборот сохранился в употреблении только с повелительным наклонением. Однако из источников видно, что наиболее распространенным в классический период становится комплекс *afin que* «для того, чтобы», заимствованный из языка грамот среднефранцузского периода и закрепившийся в классическую эпоху. *Surtout devant Maman, **afin qu'elle** ne se méfie de rien au sujet Chevalier Danceny.* (Choderlos de Laclos) В эпоху К.Вожла появляется союзный комплекс *pour que*, с тем же значением, производный от исчезающего причинного комплекса *pour ce que*. Тогда же в разговорной речи широко употребляется оборот *à seule fin de* «лишь бы только». Если значение цели осложняется оттенком препятствия или запрещения, то оно, как правило, выражается комплексом *de peur que*: *je n'y veux point aller, **de peur qu'elle** ne vînt.* (Molière) Помимо этого, разговорный язык классической эпохи позволяет вводить придаточные причины и цели при помощи *c'est que* и *c'est pour que*: *Je vous ai fait attendre, mais **c'est que** je me fais habiller.* (Molière)

В испанском и португальском предложении цели так же могло присоединяться с помощью простого *que*, однако в указанный период оба языка для придания большей выразительности помещают перед *que* предлог – *para que*. Появляется и ряд сложных комплексов перекликающихся с соответствующими образованиями французского языка.

В это же время английский союз *lest* утрачивает свое положение основного целевого союза. *O cunning Love! with tears thou keep'st me blind, **lest** eyes well-seeing thy foul faults should find.* (Shakespeare) Ведущая роль в этой группе средств переходит к союзу *for*, который ранее указывал на причину: *...the judges, those venerable sages and interpreters of the law, presided, **for** determining the disputed rights and properties of men;* (Swift) Причину такого семантического смещения можно усмотреть в становлении доминирования союза *because* в каузативной группе. В результате неустойчивого статуса

целевых союзов к экспликации данного вида отношений привлекается союз *that*, а вместе с ним немногочисленные союзные комплексы, большинство которых состоят исключительно из союзов: *so that, that for, so as, in order that*. ***So as they stray'd a swan they saw sail stately up and strong;*** (Southey) ***he may lawfully put half of them to death, and make slaves of the rest, in order to civilize and reduce them from their barbarous way of living.*** (Swift) Забегая вперед, следует отметить, что группа средств, выражающих цель, несмотря на свою малочисленность и простоту, на протяжении XVII-XVIII веков оставалась самой неустойчивой. Лишь в конце периода отмечается окончательное формирование иерархии этих средств во главе с союзом *for* как языковая норма.

Для присоединения придаточного уступительного предложения в классическую эпоху французского языка служили союзные комплексы *quoique, bien que, encore que, malgré que* в значении «хотя». ***Je ne devais pas craindre un refus, et quoique, par une inconséquence qui vous est particulière.*** (Choderlos de Laclos) Все они наряду с комплексом *combien que*, сложились в среднефранцузском. *Combien que* исчез уже к началу XVII века, а *encore que* и *malgré que* вызвали возражения грамматистов и вышли из употребления в эпоху просвещения.

Уступительные предложения испанского языка требовали союзов *que, pero*, но чаще всего *maguer*, который широко использовался вплоть до середины XVII века. ***Maguer que tonto era un poco codicioso*** (Cervantes) На смену ему приходит сложный союз *aunque*, сохранившийся до наших дней. ***Aunque la novia estaba en lo major de su edad, era negra*** (Cervantes)

Рассмотренный материал дает основания говорить о том, что английский язык уже в конце XIV века перестает довольствоваться союзом *as* для обозначения уступительных предложений и вводит специализированный уступительный союз, заимствованный из языков Скандинавии *(al)though*. ***Although I joy in hee, I have no joy of this contract tonight.*** (Shakespeare) Несколько позднее произошло формирование самого сложного союзного комплекса *in spite of (the fact that)*, который, безусловно, зародился в

письменной речи. *Above a hundred thousand inhabitants came out of the town upon the same errand; and, in spite of my guards, I believe there could not be fewer than ten thousand at several times;* (Swift) Вместе с тем происходит детализация уступительного значения, выделение ряда оттенков, которые находят свое отражение в языке, в связи с чем формируется целая группа сложных союзов, образованных с помощью частицы *ever*: *however, whichever, whoever, whatever*. *But then my friend's heart let my poor heart bail; **whoe'er** keeps me, let my heart be his guard;* (Shakespeare) Такая специализация значений отличает английский от романских языков, и хотя нельзя говорить о повсеместном употреблении данных союзных форм в наши дни, они остаются нормативно закрепленными до сих пор.

Для выражения сравнения в сложных предложениях французского языка исторически использовался союз *comme* «как». Однако собранный материал показывает, что уже в конце среднефранцузского периода его употребление терпит колебания, и к началу классической эпохи он указывает лишь на сравнение сходных или равнозначных явлений, вытесняясь во всех остальных случаях союзом *que*. Разговорный язык дольше литературного остается верен конструкциям типа: *Ne me devez-vous pas autant d'amitié **comme** eux*. Параллельно этому происходит замещение старого оборота *si com* на *ainsi que*: *Vous avez été ennuyé cent fois, **ainsi que** moi, de l'importance que met Gercourt à la femme qu'il*. (Choderlos de Laclos)

Закрепившись таким образом в сравнительных конструкциях, союз *que* постепенно занимает ведущее положение при выражении степени. Существовавший в среднефранцузский период комплекс *si que* распространяется до варианта *si bien que* с сохранением возможности редукции: *Seroit-elle bien **si** malicieuse **que** de s'être tuée?* (Molière)

К концу XVII века происходит осложнение союзом *que* и простых предложений со значением степени: *Il est trop jeune pour le chastier* → *Il est trop jeune pour qu'on le châtier*.

Языки Иберийского полуострова в общих чертах повторяют ту же схему отражения степеней в речи. Для сходных явлений существует союз *como*, а для различных союз *que*. Для более точного сравнения сохранилась латинская классическая система степеней *tanto... cuanto* (исп.), *tanto ...quanto* (порт.): *Tanto vales cuanto tienes* (Cervantes)

В английском языке наблюдается прямо противоположная картина: один из древнейших и полисемантических союзов *as* и коррелятивные структуры на его основе служат для экспликации сопоставления сходных предметов или явлений: *as...as, as well as, as far as, not as (so)....as. I was let down from the lowest gallery in the same manner as I had been taken up. My practice was to have my box removed from the place where the performers sat as far as I could;* (Swift) Для этих же целей в начале описываемого периода использовался сложный союз *whereas*, который в дальнейшем утратил свою актуальность. Сравнение несходных явлений происходит с помощью союзного слова *than* и произвольного привлечения прилагательных и наречий. *He said that my face appeared much fairer and smoother when he looked on me from the ground, than it did upon a nearer view;* (Swift)

Рассмотрим способы репрезентации союзной связи в предложениях со значением условия. Условный союз *si* является наиболее исторически стабильным в романских языках. Это второй союз французского языка, который может стать основой для союзных комплексов в случае наличия соответствующих оттенков значения. Так, в классическом французском языке для выражения понятия случайности употреблялись комплексы *au cas où* и *si par hasard*: *au cas où tu le verrais, tu lui feras mes amities* (Бурсье). Наряду с этим встречаются также *au cas que* и чисто народное *des fois que*: *des fois que tu le verrais*. С конца XVI-ого века при ограничении условия определенным пределом употребляли *pour peu que*: *et pour peu qu'on le pousse, il est prêt d'éclater*. (Corneille) Примерно в то же время старофранцузское *mais que*, указывающее на непереносимость условия, уступило место *pourve que* с сослагательным наклонением. С XVIII века это сочетание часто используется в

желательном обороте с оттенком опасения, опуская при этом главное предложение: *Pourvu qu'il vienne!*

Английский язык обладает устойчивым условным союзом *if*, который замещался союзными словами *except* и *without* и комплексом *but that* при выражении отрицательного условия. *If you be not of the house of Montagues, I pray come and crush a cup of wine.* (Shakespeare) *Duty so great, which wit so poor as mine may make seem bare, in wanting words to show it, **but that** I hope some good conceit of thine in thy soul's thought, all naked, will bestow it;* (Shakespeare) Однако впоследствии эти средства вышли из употребления, сохранился лишь союз *unless* с семантикой отрицания. *And for that sorrow which I then did feel needs must I under my transgression bow, **unless** my nerves were brass or hammer'd steel.* (Shakespeare) Вплоть до XVIII века условные предложения широко вводились такими союзами как *as*, *so*, *but*, но постепенно их количество уменьшается в связи с господствующим положением союза *if*. Для обозначения случайности условия служили союзные комплексы *in case*, *if so be* [Иванова, Чахоян, Беляева 2006]. Характерно и наличие условного значения у некоторых временных союзных комплексов *as long as*, *so long as*, *so far as*: *My glass shall not persuade me I am old, **so long as** youth and thou are of one date;* (Shakespeare) Проведенные наблюдения позволили выявить яркую отличительную черту условных предложений: систематическое и нормативно закрепленное формирование союзных комплексов с использованием глагольных форм и существительных: *provided (ing) that*, *suppose (ing) that*, *on condition that*, которое носило несколько хаотичный характер, как с точки зрения видовременных или падежных форм значимых частей речи, так и с точки зрения наличия либо отсутствия союза их сопровождающего и его семантики. *Can yet the lease of my true love control, **supposed** as forfeit to a confined doom.* (Shakespeare) Такие формы появились в рамках письменной речи и имеют стилистический оттенок, но при этом нельзя не отметить перспективность этой тенденции.

Как уже говорилось в предыдущем разделе, конец XVIII века вполне справедливо считать заключительным этапом формирования языковой нормы в

том её виде, в котором она в целом существует сегодня в указанных языках. Систематизация союзных средств в соответствии со значениями, которые они представляют, приведена в таблицах 2.3, 1 и 2.3, 2 Приложение 1.

Таким образом, всё вышесказанное позволяет с некоторой степенью достоверности определить общезыковые тенденции становления способов выражения того или иного значения, исходя из универсальности этих значений, которое в свою очередь восходит к универсальности мыслительных категорий.

2.3.2. Нормализация средств подчинительной связи, тенденции развития

В поле определятельных предложений после долгих колебаний среднего периода без труда просматривается детализация определяемого предмета или лица. Самым устойчивым и общим для всех языков следует признать разделение по признаку одушевленности/неодушевленности. Отсекаются все окказиональные формы, и языки регулярно манифестируют антитезу «что» - «кто». Но в зависимости от требований и средств каждого из языков происходит и дальнейшая детализация:

- Французский язык: детализация значений с помощью предлогов (*à qui, pour qui*);

- Испанский и португальский языки: детализация одушевленного определяемого по родам с помощью артиклей (*el que, a que*);

- Английский язык: детализация значений с помощью падежных форм (*who, whose и whom*).

Не вызывает сомнений стабильность форм одушевленного и неодушевленного определяемого, однако, у нас вызывает сомнение целесообразность дальнейшего дробления значений и расширение спектра определятельных союзных средств. Частотность их употребления настолько велика, что не допускает формирования множества моносемантических и громоздких союзных комплексов.

Последнее в полной мере применимо и к союзным средствам, присоединяющим придаточные дополнительные. Нормативно закрепились монополия прототипического союза после глаголов мыслительной и речевой деятельности. Он не допускает никаких аналогов и редуцируется в некоторых частноречевых ситуациях. Примечательна и малочисленность этой категории средств в исследуемых языках.

Основным результатом динамики темпоральных союзных средств в новый период явилось замещение прототипического полисемантического союза союзным словом с конкретно временным значением. При этом ведущее положение союзного слова со значением «когда» не привело к уменьшению количества союзных комплексов. Система временных союзных комплексов обладает следующими характеристиками:

- Это наиболее богатая и разнообразная группа составляет 25-35% от общего количества всех союзных комплексов того или иного языка.

- Подавляющее количество комплексов двусоставные и созданы по схеме «наречие +союз» (в английском языке возможна инверсия)

- Союзные комплексы обнаруживают тенденцию к упрощению и дальнейшему слиянию в сложные союзы.

Также нельзя не отметить чрезвычайно прочное положение в этой системе средств предлогов со значением «до» и «после», что позволяет предположить их дальнейшую ассимиляцию вплоть до появления союзов с теми же значениями омонимичных соответствующим предлогам. (Такой процесс уже завершился в английском языке.) В течение XVI-XVIII веков сложные временные союзы прошли весь путь от формирования до архаизации. Появление их в начале эпохи вызвано слиянием наиболее устойчивых комплексов среднего периода, дальнейшее функционирование обусловлено некоторыми колебаниями системы и попытками опереться на старые формы, а утрата позиций связана с расширением функций союзного слова со значением «когда». Вряд ли возможно прогнозировать дальнейшее изменение статуса именно этих сложных союзов, однако путь, пройденный ими за столь короткое

время, демонстрирует нам судьбу большинства современных союзных комплексов.

Отсутствие специализированного союза с причинной семантикой привело к тому, что в качестве основных в данной группе средств нормативно закрепились сложные союзы. Нередко наблюдается некоторое пересечение причинной и целевой семантики союзных средств, которое нивелируется в течение периода и, без сомнения, придет к завершению. Примечательно также прямое указание на причину (cause) с помощью лексических средств в различных языках. Несмотря на достаточное количество союзных комплексов, частотность их употребления по сравнению с доминирующим сложным союзом невелика.

Союзные средства, присоединяющие придаточные цели, представляют собой наименее устойчивую систему, в результате чего языки вынуждены заимствовать средства экспликации либо из союзных средств иной семантики, либо из более ранних слоев языка. Несмотря на то, что различные языки пошли разными путями формирования целевых союзных средств, здесь вполне резонно можно говорить о синхронном становлении нормы с некоторым «опозданием» по сравнению с другими группами. Причина задержки, возможно, кроется в первоначальном синкретизме причинного и целевого значений, о чем говорит би-семантия союзных средств этих групп, сходство в формировании союзных комплексов и отсутствие у них собственного основного союза. При их разграничении причинно-следственные отношения, как более древние и часто встречающиеся [Бондарко 1996: 142-144], очевидно, потребовали безотлагательной манифестации в языке, и лишь после этого началось формирование системы средств выражения целевого значения.

Особенность средств с семантикой уступки – широкое использование сложных союзов на фоне практически отсутствующих союзных комплексов. Следует признать, что формальная структура и этимология сложных союзов различна для каждого языка, но интенсификация их употребления именно для выражения данного значения не может не вызывать аналогий. Что же касается

единичных союзных комплексов, то относительная нераспространенность этой категории в речи и отсутствие значимых различий и вариантов значений, свели их количество к минимуму, которое требовалось в стилистических целях.

Систему средств, вводящих сравнительные придаточные в исследуемых языках, объединяет выражение оппозиции «сходные – несходные» явления. В первом случае используется единичный союз, один из старейших, со значением «как»; во втором – коррелятивная структура, допускающая вставку наречия для детализации сравниваемого качества. Указание на полную несхожесть предметов или явлений производится с помощью отрицания. Сама схема сравнения достаточно устойчива и универсальна, что дает возможность предположить её древнее происхождение, относительную закрытость и калькирование из языка в язык, из эпохи в эпоху, где она наполняется новыми формами. Нет причин предполагать её дальнейшее изменение, так как нами не были обнаружены признаки ситуативного поиска более оптимальной экспликации сравнения в европейских языках.

Наряду с временной, причинно-следственной и сравнительной к одной из старейших категорий относится и условная. Исторически сложившаяся система видо-временных глагольных форм в предложениях с условной семантикой обеспечила практически исключительное употребление основного условного союза со значением «если» (89%). Для союзных комплексов этой группы характерно более частое, чем в других случаях, использование лексически значимых частей речи – существительные, глагольные формы, которые призваны номинировать тип отношений, связывающий те или иные ситуации. Характерно, например, лексическое указание на случайность (*par hasard, in case*). Такое систематическое вовлечение значимой лексики к исполнению союзной функции – явление новое и, бесспорно, перспективное. Этот механизм, нормативно закрепившись, позволяет создать целый ряд сложных и нагруженных союзных форм.

Таким образом, проведенное изучение языкового материала позволяет выделить типологические закономерности динамики наполнения семантических категорий:

Таблица II; 2.3, 3

Семантическая категория	Универсальные тенденции
Определения	Разделение по признаку одушевленности/неодушевленности (регулярная манифестация антитезы «что» - «кто»), дальнейшее дробление значения, отсечение окказиональных форм.
Дополнения	Монополия прототипического союза после глаголов мыслительной и речевой деятельности
Времени	Замещение прототипического полисемантического союза союзным словом с конкретно временным значением, прочное положение предлогов со значением «до» и «после», самое большое количество союзных комплексов (чаще двусоставных), упрощение и слияние союзных комплексов в сложные союзы.
Причины/следствия	Закрепление сложного союза в качестве основного, нивелирование пересечения причинной и целевой семантики, прямое указание на причину (cause).
Цели	Становление нормы с некоторым

	«опозданием».
Уступки	Использование сложных союзов, минимальное количество союзных комплексов.
Сравнения	Выражение оппозиции «сходные» (союз со значением «как») – «несходные» (коррелятивная структура) явления.
Условия	Доминирование основного условного союза со значением «если», вовлечение значимых частей речи в союзные комплексы

Анализ подчинительных союзных средств с точки зрения их семантики позволяет сделать следующие выводы:

1. Существует ограниченное и конечное количество значений, единых для всех языков и соответствующих конечному количеству универсальных мыслительных категорий. Формирование нормы в рамках каждой из семантических категорий происходит неравномерно касательно как временных, так и количественных и формальных характеристик.

2. Особенности союзной системы того или иного языка тем не менее позволяют выделить некоторые общие тенденции развития языкового наполнения категории как таковой, сделать прогнозы её динамики.

3. Общими особенностями периода XVI-XVIII веков стали: прекращение заимствования служебных частей речи для выполнения союзной функции, окончательное оформление системы союзов, сокращение союзной синонимии, нормативное разграничение союзных средств в соответствии с их значениями, закрепление механизма формирования союзных комплексов, тенденция опрощения союзных форм, вовлечение значимых частей речи в союзные комплексы.

2.4. Функциональные особенности союзных средств подчинительной связи

Анализ формальных и семантических характеристик средств союзной связи языков Западной Европы в период становления языковой нормы позволяет предположить стабильность функциональных характеристик союзных средств подчинительной связи в течение языковой эволюции. Развитие системы сложного предложения в прототипических языках привело к необходимости маркирования зависимой предикативной единицы. Однако некорректно было бы говорить о союзах как средствах экспликации несамостоятельности одного из простых предложений в составе сложного, так как историками языка не раз отмечалось наличие придаточных предложений в тексте без использования союзов [Бах 2005; Мейе 2002; Смирницкий 1957]. Очевидно статус придаточного предложения начал формироваться ещё в паратактических конструкциях, где его основными маркерами выступали порядок слов (зависимое после главного) и согласование видо-временной формы сказуемого придаточного предложения со сказуемым главного. Первоначальное появление союзов связывают с эмфатическими частицами, роль которых заключалась в обозначении границ между предложениями [Еланская 1966; Мейе 2002]. И лишь закрепившись в пограничном положении, союзы начали функционировать как средство присоединения двух предикативных единиц и слияния их в одно сложное предложение. Таким образом, можно говорить о полной трансформации союзной функции на ранних этапах их истории. Впоследствии именно соединительная способность стала классообразующей для этой группы лексики, и многими исследователями она отмечается как единственная универсальная союзная функция [Левицкий 2005: 78-80]. Но следует отметить, что возможности союзных средств не ограничиваются соединительной функцией и обусловлены участием союзов в структуре, семантике и стилистике сложного предложения, что позволяет выделить следующие их функции:

Функции средств подчинительной союзной связи.

1.	Соединительная	Способность связывать две и более предикативных единицы в одно сложное предложение
2.	Формально-структурная	Выражение необратимости и однонаправленности подчинительной связи.
3.	Номинативная	Использование лексического потенциала союзных средств для обозначения типа связи между предикативными единицами.
4.	Транспозитарная	Выражение неоднородности статуса связываемых предикативных единиц, выделение основной и придаточной. (В некоторых грамматических традициях эта функция трактуется как возведение придаточной предикативной единицы в статус члена основного предложения [Гак 2004; 445]).
5.	Маркировочная	Способность выступать в качестве маркера подчинительной связи при вовлечении иных частей речи, помимо союзов, к участию в союзных комплексах и выполнению союзных функций.
6.	Стилистическая	Ограничение употребления в зависимости от речевых стилей и жанров.

Представляется целесообразным рассмотреть указанные функции в диахроническом аспекте в течение исследуемого периода.

Соединительная функция не уникальна для средств выражения подчинения, в равной мере она присуща и сочинительным союзам. Тем не менее, её наличие и успешное выполнение подчинительными союзами и их аналогами несомненно. Но если в случае сочинения компонентов предложения функция их соединения выходит на первый план, при подчинении картина несколько иная. Способность к соединению предикативных единиц изначально было классобразующим свойством союзов, и любая другая часть речи или их сочетание признавались союзными синонимами только после обеспечения именно этой функции. Неудивительно, что в большей мере она закрепилась у самых древних союзов. На раннем этапе развития языков при распространенной структурной и смысловой нечеткости построения сложных предложений способность союзов соединять предикативные единицы в коммуникативное целое занимала центральное место. В средний период развития языков увеличилось количество подчинительных союзов, расширился диапазон их семантики, однако текстам той эпохи присуща некоторая «боязнь» утратить в предложении союзы, обладающие соединительной функцией. Это объясняет подкрепление других частей речи древними союзами, а впоследствии привело к формированию таких сложных форм как *quoique*, *whereas*. Стремление к обязательному сохранению соединительной способности стало толчком для возникновения механизма формирования союзных комплексов. Языковая норма, сформировавшаяся к концу XVIII века, наряду с упрощением союзных форм узаконила некоторые словоформы в перечне союзных средств, в связи с их длительным и устойчивым употреблением в позиции союзов. Таким образом, они автоматически приобрели возможность самостоятельно выполнять соединение предикативных единиц. В первую очередь это коснулось относительных местоимений, несущих признак одушевленности в определительных придаточных – *qui* и *who*, а также союзных слов с

темпоральным значением. В английском языке этот процесс начался несколько раньше и настолько продвинулся, что слова *after* и *before* разделились на омонимы: предлоги – союзы, причем последние обладают ресурсом создания собственных союзных комплексов. Фактический материал свидетельствует от том, что функция соединения присуща всем подчинительным союзам (как простым, так и сложным) и союзным словам в достаточной мере для их самостоятельного функционирования. Что касается союзных комплексов, то они связывают предикативные единицы и в этом смысле обладают способностью соединения, если рассматривать их как идиоматичное целое. Однако мы считаем, что более обосновано было бы говорить о неравномерном функциональном распределении внутри каждого союзного комплекса, так как предыдущий опыт развития языков указывает на то, что собственно связывание происходит с помощью союза – ядра комплекса, а остальные его компоненты несут иную семантическую нагрузку. Впоследствии комплекс либо исчезнет, либо редуцируется до одной лексемы, либо распадется в связи с тем, что его значимые компоненты приобретут соединительную функцию, и необходимость подкреплять их использование союзом отпадет.

Если соединительная функция является общей для всех союзов, то на этапе осуществления формально-структурной функции сочинение и подчинение начинают самостоятельное развитие. Мы ранее упоминали, что считаем признак однонаправленности связи ведущим для определения границ подчинения. Однако направленность – понятие чисто логическое, которое находит свое выражение в мышлении и речи с помощью союзных средств. Восприятие двух ситуаций, их оценка, выделение основной и зависимой, выбор характера связи между ними и потребность в трансляции своего восприятия и понимания требовали наличия специальной лексики. Характер отношений между ситуациями может быть различным, при этом внутри языка сложилась основообразующая антитеза: сочинение – подчинение, что следует понимать как оценку событий и явлений в качестве равнозначных и неравнозначных. При этом структура сложного предложения, видо-временные и падежные формы его

компонентов, их взаимное расположение могут быть произвольны. За исключением случаев паратаксиса на однонаправленность связи указывают подчинительные союзные средства. С личностно-ориентированным восприятием экстралингвистических ситуаций неразрывно связаны и две следующие функции – номинативная и транспозитарная.

Многообразие реальных отношений окружающей действительности нашло свое отражение в мышлении как ряд смысловых категорий, а затем и в языке как ряд категорий семантических. Количество их невелико и универсально для всех языков, что не означает минимизацию средств их выражения. В начальный период развития подчинения число союзов было настолько небольшим, что широко распространилась союзная полисемия. Следует отметить первоочередное появление союзов со значением «что», «как» и «если». Они составили ядро всех остальных союзных средств, и даже в эпоху становления нормы остались наиболее употребляемыми, частично утратив свою многозначность. Союз «если» на протяжении истории единственный из всех обладал устойчивой семантикой, в то время как союзы «что» и «как» использовались в огромном диапазоне значений.

Условные предложения, обретя «свой» союз, после некоторых колебаний оставили его единственным простым средством выражения (исключение составляет английский союз *unless* с отрицательным значением), и сформировали несколько союзных комплексов для экспликации оттенков значения и стилистических особенностей. Примечательно, что в исследуемых нами языках условные союзные комплексы образованы на основе других, не условных, союзов. Таким образом, нормативно закрепился исключительный статус условного союза – стабильной единицы, частотность употребления которой составляет 1,7-2% случаев от всего количества использования союзных средств и 97% от количества использования союзных средств с семантикой условия.

Гораздо более широко представлены союзные средства репрезентации темпоральных отношений, также являющейся одной из древнейших. Попытки

выразить все многообразие временных отношений с помощью союзов «что» и «как» исчерпали себя, и в качестве группобразующего закрепилось союзное слово со значением «когда». Кроме того обязательно присутствие значений «до», «после», «пока», «во время того» и ряда других. В целом же следует отметить, что эта группа средств самая многочисленная и составляет 22-35 % , а частотность употребления всей совокупности ее средств 30-34,2%

Спектр средств, репрезентирующих отношения обоснования, претерпел значительные изменения с течением времени и сложился как весьма малочисленный ряд с ведущим сложным союзом и разнообразием комплексов, служащих для достижения скорее стилистических, а не семантических целей. Употребляемость в речи так же строга, как и в случае с условной группой, ограничена границами категории не достигает 5%.

Одной из первых выделилась категория сравнения, в рамках которой появился древнейший союз «как». С развитием языка он сильно расширил сферу своего применения, однако в процессе становления нормы выявилась тенденция к возвращению его первоначальной функции. Вместе с сохранившейся коррелятивной структурой союзных комплексов и союзными словами доля сравнительной группы в речи 3-7%.

Оставшиеся категории обстоятельственных значений – уступки и цели – обладают менее богатой историей, и в период формирования нормы претерпевают серьезные колебания, цель которых достижение полной автономности. Их употребление не стабильно и достигает 5% для средств выражения уступки и 8% для целевых средств.

Союзные средства присоединения определятельных придаточных представляют собой яркий пример становления нормы и четкого разграничения значения, функций и употребления. Окончательное становление относительных местоимений с семантикой одушевленности в статусе союзных слов увеличило их потребляемость до 4,7%, а средств маркировки неодушевленности до 12,8%.

Наиболее малочисленная группа союзных средств, манифестирующая изъяснительные отношения, тем не менее, является наименее стабильной с

функциональной точки зрения. Основной союз «что» настолько часто используется в рамках других семантических категорий, что говорить о том, что он способен репрезентировать исключительно значение дополнения, было бы несправедливо. Доля его в речи составляет 58-60%.

Следует особо обратить внимание на тот факт, что процесс нормализации происходил не одновременно для всех семантических категорий, отчего в один и тот же период встречаются как стабильные однозначные союзы, так и союзы с колебаниями значения. Несомненным достижением исследуемого нами периода является формирование тенденций для определения статуса и семантики каждого союзного средства во всей иерархии, которые легко прослеживаются, даже если процесс нормализации не завершился к концу XVIII века.

Транспозитарная функция союзных средств, которая носит дискуссионный характер, представляет собой перевод предикативной единицы в статус одного из компонентов предложения (классическая грамматическая школа) или, в нашем понимании, разделение предикативных единиц в составе сложного предложения на главную и зависимые. На наш взгляд, ярким примером реализации этой функции является замещение одного из компонентов зависимого предложения союзным словом, что в большей степени свойственно определительным придаточным. Но и в остальных случаях, независимо от того, как именно определяется статус союзного средства теми или иными исследователями, он всегда привязан к семантике придаточного, делая его коммуникативно несамостоятельным. Участие подчинительных союзов и их аналогов в формировании значения зависимого предложения отличает их от сочинительных. Это свойство, помимо трансляции типа связи, предоставляет адресату информацию о том, какую из двух или более ситуаций говорящий считает основной, а какие зависимыми от нее, так как восприятие индивидуально и может быть произвольно. Благодаря транспозитарной функции союзных средств достигается цель максимальной однозначности трансляции и сокращению процента неправильного восприятия. В то же время

способность союзов свободно входить в семантику любых предложений независимо от их структуры расширило возможности точной передачи информации. Неудивительно, что языковая норма закрепила это свойство, предоставив союзным средствам особый независимый статус среди компонентов предложения.

В отличие от предыдущих, маркировочная функция в XVI-XVIII веках постепенно утрачивает свое значение. Она сохраняется лишь у небольшого количества прототипических союзов и полностью ассимилированных союзных слов. Поле реализации этой функции – это союзные комплексы, где значимые части речи номинируют тип связи, а союз маркирует подчинение и одновременно выполняет соединительную функцию. В романских языках маркирование за редким исключением прерогатива союза *que*, значительно реже *si* и союзного слова *qui*. (87% всех союзных комплексов в этих языках созданы на основе союза *que*.) В английском эту функцию выполняют союзы *as* и *that* и союзные слова *after* и *before* (союзные комплексы на основе *as* и *that* составляют 69%). Можно было бы говорить о тенденции к полной утрате функции маркирования, так как в исследуемую эпоху сформированные ранее союзные комплексы приобрели идиоматичный характер и закрепились в языке. Однако языковые ресурсы механизма комплектования союзных средств не исчерпаны, чем и объясняется появление комплексов с глагольными формами и существительными или на основе союзных слов. Повторимся: мы не считаем, что этот процесс охватит большое количество словоформ, но сама его возможность в интересующих нас языках указывает на то, что маркировочная функция продолжает оставаться актуальной пусть и для ограниченного количества союзных средств.

Стилистическое разнообразие характерно для большинства слоев лексики развитых языков. Несмотря на свое положение служебных частей речи, союзные средства не являются исключением. Еще в средний период развития языков было несвоевременно говорить о полноценном выполнении союзами стилистической функции. Но уже тогда положено начало дифференциации

союзных средств на применявшиеся в письменной и устной речи. Достижение стилистического разнообразия стало возможным благодаря нормативному закреплению в языке количества союзных средств, превышающего необходимый минимум для экспликации оттенков того или иного значения. Отдельно оговорим, что на наш взгляд **собственно союзы и союзные слова стилистически нейтральны, поэтому вся нагрузка этой стороны выражения синтаксических связей в речи ложится именно на союзные комплексы, для которых стилистическая функция выходит на первый план.** Интересен тот факт, что как правило, более громоздкие и многокомпонентные комплексы принадлежат разговорной речи (*par rapport que, for fear that*), так как представляют собой не что иное, как ситуативно-мотивированные поиски новых форм и способов выразить существующие отношения. С другой стороны, эта же разговорная речь дольше остается верна устаревающим формам, вытесненным из письменного лексикона путем нормализации. Письменному художественному языку классического периода свойственно использование сложных структур (*lequel, whereupon, wherein*), которые не вышли за рамки литературы и постепенно стали архаичными. Эта же эпоха положила начало научным текстам на родном языке, где требовалась максимальная однозначность, в том числе и в репрезентации связей между предложениями. Научному стилю языки обязаны появлением союзных средств с категоричным значением (*but that*) и, вероятно, окончательным становлением целевой союзной группы. Еще одной особенностью периода нормализации стало распространение всеобщей грамотности, и как результат, сокращение разрыва между речью разных слоев населения и носителей разных диалектов. Такое сближение привело к появлению союзных синонимов (*au cas où – au cas que; before long – long before*), как продукта адаптации «высокого» стиля в разговоре низших классов. При этом большей востребованностью в языке обладает адаптированный вариант. В целом необходимо отметить, что, несмотря на явную стилистическую дифференциацию союзных средств, нельзя ожидать широкого разнообразия от такой немногочисленной группы лексики.

Стилистическая функция, таким образом, отчасти факультативна и успешно выполняется при наличии в тексте иных стилистических средств.

Тенденции классического периода к уточнению форм и значений союзных средств не могли не найти своего отражения в динамике их функционального потенциала. Однако здесь сложно говорить о конкретизации отношений форма – функция, хотя определенная зависимость, безусловно, присутствует. Корректнее было бы утверждать, что формирование союзных средств как класса произошло благодаря их функционированию в качестве связующего компонента между предикативными единицами. Дальнейшая консолидация подчинительных союзных средств обусловлена их способностью обозначать однонаправленность этой связи, а естественное развитие и расширение этой группы позволило ей брать на себя другие функции, чтоб затем частично делегировать их тем или иным своим компонентам. Функциональная неоднозначность свойственна подчинительным союзным средствам в той же степени, в которой она присуща другим лексическим единицам.

Приведенные выше данные позволяют нам прогнозировать стабильность репрезентации соединительной, формально-структурной и транспозитарной функций, которые являются классообразующими. Вероятно дальнейшее расширение номинативной способности союзных средств за счет формирования новых комплексов. Опираясь на аксиому универсальности и конечности семантических категорий [Бондарко 2007] можно предположить, что расширение будет происходить до определенных пределов, после чего внешние заимствования редуцируются до минимума, необходимого для поддержания равновесия компонентов союзной системы, часть из которых буде периодически выходить из употребления. Этот процесс не остановим, однако он едва ли приведет к формированию качественно новых семантических образований. Эволюция номинализации поддержит маркирование связи как актуальную функцию, без которой невозможна специализация союзных средств. Параллельно можно ожидать стилистической конкретизации

некоторых союзных комплексов, но вряд ли возможно представить окончательное четкое разделение союзных средств по жанрам из-за огромного диапазона их употребления.

Таким образом, анализ функциональных характеристик союзных средств подчинительной связи позволяет обобщить полученные результаты:

1. Союзные средства подчинительной связи реализуют шесть функций, каждая из которых претерпела некоторые изменения в процессе эволюции. Процессы нормализации привели к более четкому оформлению каждой из функций и прочному закреплению их за всеми или несколькими союзными средствами.

2. Классообразующими, а, следовательно, наиболее устойчивыми являются соединительная, формально-структурная и транспозитарная функции, присущие всем союзным средствам. Номинативная функция успешно реализуется моносемантическими союзными средствами. Маркировочная функция свойственна малочисленным древним союзам и старейшим союзным словам. Стилистическая функция только начала свое развитие в классическую эпоху.

3. Союзные функции находят неоднозначное выражение у различных разновидностей союзных средств, однако они равно представлены в исследуемых языках, устойчивы в своем развитии и не позволяют предположить редукцию ни одной из них.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ:

Становление языковой нормы в XVI-XVII веках связано с целенаправленной политикой государств по обучению грамотности широких масс, консолидации общества и минимизации распространения диалектов, а также развития лингвистической науки, составления грамматик и словарей, расцвета художественной и научной литературы. К концу периода в исследуемых языках кодифицирована языковая норма, актуальная по сегодняшний день.

В результате исследования установлено, что формы экспликации подчинительной связи организованы в четыре группы - простая, коррелятивная, сложная и составная, которым соответствуют четыре вида союзных средств: односоставные союзы и союзные слова, дистантные сочетания двух и более компонентов с союзной функцией, односоставные союзы и союзные слова, появившиеся в результате полного слияния двух и более слов и союзные комплексы. Союзы и союзные слова составляют около 20% от всего числа союзных средств, являются наиболее древними и наиболее употребительными средствами выражения подчинения. Доля коррелятивных средств не достигает 2%, что указывает на минимизацию их роли и постепенное исчезновение из языка. Сложные союзы также немногочисленны (10-12%), однако являются перспективной для пополнения группой за счет слияния компонентов союзных комплексов. Союзные комплексы – наиболее широко представленная группа – до 70%, подразделяющаяся на подгруппы по количеству компонентов (двухкомпонентные, многокомпонентные) и по некоторым структурным особенностям. Основные тенденции развития союзных форм характеризуются стабилизацией союзной функции у союзных слов и отдельных компонентов союзных комплексов, частичным или полным слиянием союзных комплексов в более простые единицы, вовлечением полнозначных частей речи в экспликацию подчинения, а также исчезновением из языка ряда архаичных структур.

Количество значений, единых для всех языков и соответствующих конечному количеству универсальных мыслительных категорий ограничено. Формирование нормы в рамках каждой из категорий происходит неравномерно касательно как временных, так и количественных и формальных характеристик. Общими тенденциями развития языкового наполнения семантических категорий стали: прекращение заимствования служебных частей речи для выполнения союзной функции, окончательное оформление системы союзов, сокращение союзной синонимии, нормативное разграничение союзных средств в соответствии с их значениями, закрепление механизма формирования союзных комплексов, тенденция опрощения союзных форм.

Союзные средства подчинительной связи реализуют шесть функций, каждая из которых претерпела некоторые изменения в процессе эволюции. Нормализационные процессы повлияли на более четкое оформление каждой из функций и прочное закрепление их за всеми или несколькими союзными средствами. Классообразующими, и следовательно, наиболее устойчивыми являются соединительная, формально-структурная и транспозитарная функции, присущие всем союзным средствам. Номинативная функция успешно реализуется моносемантическими союзными средствами. Маркировочная функция свойственна малочисленным древним союзам и первоначальным союзным словам. Стилистическая функция только начала формирование в классическую эпоху.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поиск путей преодоления противоречия между единой логико-мыслительной категорией подчинения и большим набором разнообразных средств её синтаксического выражения в ряде языков в процессе исторического развития позволил выдвинуть предположение о наличии универсальных закономерностей формирования системы средств подчинительной связи в рамках синтаксиса английского и французского языков. Выявление таких закономерностей и составило цель исследования.

Достижение цели потребовало выдвижения спектра задач, которые связаны, во-первых, с уточнением объема и содержания задействованных понятий, во-вторых, с систематизацией критериев анализа исторического развития и нормализации средств подчинительной связи.

Задача выявления и систематизации научных понятий, характеризующих онтолого-гносеологические, формально-логические и лингвистические аспекты подчинительной связи была решена через синтез научного аппарата философии, психологии, формальной и интенциональной логики, структурной, когнитивной и функционально-семантической теорий лингвистики, в результате чего понятие подчинительной связи сформулировано следующим образом: **подчинительная связь в системе сложного предложения** – это эксплицированные значения однонаправленных экстралингвистических отношений, отрефлектированных говорящим и выраженных в соответствии с грамматическими нормами построения предложения конкретного языка.

В ходе проведенного исследования решена задача инвентаризации терминологического аппарата в области подчинительной связи и определения парадигмы средств репрезентации подчинения посредством уточнения объема, содержания и соотношения понятий. Определен статус сложноподчиненного предложения, как основного носителя подчинительной связи, его модель: $(S_1P_1) C (S_2P_2) (C (S_nP_n))$, где (S_1P_1) – первая предикативная структура, (S_2P_2) – вторая предикативная структура, C – союзный комплекс, выражающий отношения

зависимости или подчинения, а $C(S_n P_n)$ – дополнительные союзный комплекс и предикативная структура, которые присутствуют факультативно. Выдвинуто определение: **сложноподчиненное предложение** – это сложная синтаксическая единица, содержащая не менее двух предикативных структур, соединенных между собой отношениями подчинения, основная характеристика которых – направленность от главного к придаточному. Считаем, что союзные средства выражения подчинительной связи являются единственным явным и облигаторным экспликатором подчинения в предложении. **Подчинительный союз** – часть речи, эксплицирующая отношения между двумя простыми предложениями в составе сложного с помощью собственной семантики и требующая грамматических изменений во вводимом компоненте. **Союзное слово** – это иная часть речи (местоимение, вопросительное слово или наречие) выступающая в роли союза с принятием его функций и формальных показателей, и обладающая значением, которое может эксплицировать отношения внутри сложного предложения. **Союзный комплекс** представляет собой соединение союза с другими частями речи в неделимую единицу, которая обладает иным значением по сравнению с исходным союзом, выполняет те же функции и индуцирует те же грамматические изменения.

В процессе работы мы убедились в том, что каждое союзное средство выражения подчинения обладает именем – структурой, значением – семантикой и смыслом – качеством, позволяющим ему выступать экспликатором подчинительной связи, приближенном к функциональности. Таким образом, дальнейший выбор критериев анализа динамики исторического развития союзных средств связи мотивирован указанной трактовкой, что позволило выдвинуть конкретные задачи, подлежащие рассмотрению на материале английского и французского языков в период X-XVIII веков.

Анализ процесса развития структур системы средств подчинительной связи в период X-XVIII веков и выявление универсальных тенденций их динамики позволил выявить следующие закономерности:

- выделено четыре формы экспликации – простая, коррелятивная, сложная и составная, которым соответствуют четыре вида союзных средств: односоставные союзы и союзные слова, дистантные сочетания двух и более компонентов с союзной функцией, односоставные союзы и союзные слова, появившиеся в результате полного слияния двух и более слов и союзные комплексы.

- присвоение союзным словам статуса союзов, в первую очередь вопросительным местоимениям и предлогам, чему способствует долговременное и устойчивое исполнение ими функций союзов.

- присвоение статуса союзного слова значимым частям речи, которые являются устойчивыми компонентами союзных комплексов. Механизм появления подчинительных средств связи проходит в несколько этапов: формирование союзного комплекса с использованием значимой части речи и союза → закрепление его в речи и сознании говорящих как маркера подчинения → опущение союза, которое влечет за собой самостоятельное исполнение этой частью речи союзной функции, что и делает её союзным словом.

- слияние союзных комплексов в сложные союзы является другим возможным вариантом развития союзных комплексов, который и на предыдущих этапах приводил к появлению новых лексических единиц.

- вовлечение новых значимых частей речи в союзные комплексы. Несмотря на выраженную тенденцию к опрощению возможность языка создавать союзные комплексы не была утрачена, и ее использование нельзя исключить в будущем.

- исчезновение союзных средств. Динамика всей системы предполагает архаизацию и выход из употребления отдельных компонентов путем замены их более актуальными на всех структурных уровнях.

Анализ процесса развития семантики системы средств подчинительной связи в период X-XVIII веков и выявление универсальных тенденций показал формирование общих для нескольких языков семантических категорий и закономерностей развития союзных средств внутри каждой из них:

При оформлении атрибутивных отношений союзные средства разделяются по признаку одушевленности/неодушевленности (регулярная манифестация антитезы «что» - «кто»). Имеет место дальнейшая детализация значения, отсечение окказиональных форм.

При оформлении придаточных дополнительных наблюдается монополия прототипического союза после глаголов мыслительной и речевой деятельности.

В темпоральных придаточных предложениях происходит замещение прототипического полисемантического союза союзным словом с конкретно временным значением, зафиксирована устойчивость предлогов со значением «до» и «после», а также упрощение и слияние союзных комплексов в сложные союзы. В количественном отношении союзные средства с временным значением являются доминирующими.

В рамках причинно-следственной категории отмечено закрепление сложного союза в качестве основного, нивелирование пересечения причинной и целевой семантики, прямое указание на причину (cause);

Для значения цели характерно становление нормы с некоторым «опозданием».

Придаточные уступительные демонстрируют использование сложных союзов в подавляющем большинстве случаев на фоне минимального количества союзных комплексов.

Анализ средств репрезентации сравнения показал наличие выраженной оппозиции «сходные» (союз со значением «как») – «несходные» (коррелятивная структура) явления.

Условным придаточным свойственно доминирование основного условного союза со значением «если». Отличительной чертой этой группы считаем вовлечение значимых частей речи в союзные комплексы.

Анализ процесса развития функций средств подчинительной связи в период X-XVIII веков и выявление универсальных тенденций завершился определением шести союзных функций. Это соединительная, формально-структурная, номинативная, транспозитарная, маркировочная, стилистическая

функции. Отмечен целый ряд особенностей: во-первых, стабильность репрезентации соединительной, формально-структурной и транспозитарной функций, которые являются классообразующими; во-вторых, расширение номинативной способности союзных средств за счет формирования новых комплексов; далее необходимо упомянуть сохранение маркировочной функции за счет эволюции номинализации; и наконец, следует сказать о стилистической конкретизации некоторых союзных комплексов без окончательного разделения союзных средств по жанрам из-за огромного диапазона их употребления.

Таким образом, решение поставленных задач позволило достигнуть цели исследования и определить совокупность структурных, семантических и функциональных универсальных закономерностей формирования и развития системы средств подчинительной связи в исследуемых языках.

Проведенная работа убеждает нас в том, что исследование может быть продолжено в нескольких направлениях. Это выявление более древних исторических предпосылок формирования системы средств подчинительной связи, расширение спектра языкового материала, в частности привлечение языков не индоевропейской традиции. Перспективным видится изучение взаимодействия союзных средств с другими способами репрезентации подчинения в плане разграничения их функционального участия. Представляется многообещающим дальнейшее исследование союзных средств подчинительной связи в сопоставительном аспекте, а также в рамках современной динамики языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганесов, В. С. Типы связей в каузальных высказываниях и их пунктуационное оформление : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / В. С. Аганесов – Пятигорск, 2003. – 220 с.
2. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики. – М.; Л.: Наука, 1964. – 105 с.
3. Азарова, Н. Д. Лингвопоэтические, семиотические и коммуникативные основы английской пунктуации: на материале современной англоязычной художественной прозы : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Н. Д. Азарова – Москва, 2005. – 209 с.
4. Аксененко, Б. Н. Предлоги английского языка / Б. Н. Аксененко. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956. – 320 с.
5. Алексеев, П. В. Философия / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М.: ТЕИС, 1996. – 504 с.
6. Амирова Т. А. Очерки по истории лингвистики / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. - М.: Ред. восточ. лит., 1975. – 560 с.
7. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1969. – 936 с.
8. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – 776 с.
9. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
10. Арно А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / А. Арно, Кл. Лансело. – М., Прогресс, 1990. – 271 с.
11. Арутюнова, Н. Д. О структурных и традиционных методах в грамматике // Филологические науки. – 1963. - №4. – С. 164-175.
12. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
13. Афинская, З. Н. Развитие грамматической нормы французского языка в эпоху Возрождения : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / З. Н. Афинская – Москва, 1988. – 22 с.
14. Ахманова, О. С. Современные синтаксические теории / О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.

15. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
16. Басманова, А. Г. Синтаксис предложения французского языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Г. Басманова, А. Н. Тарасова. – М.: Высш. шк., 1986, – 207 с.
17. Бах, А. История немецкого языка. – 3-е изд. – М.: Урсс, 2005 – 344 с.
18. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
19. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия // Беркли Дж. Сочинения. – М., 1978. – С.149 – 246.
20. Бирабасова, М. А. Сложноподчиненное предложение в современном ногайском языке : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / М. А. Бирабасова – Махачкала, 2003. – 21 с.
21. Бирюков, Б. В. Теория смысла Г.Фреге // Применение логики в науке и технике. – М., 1960 – С. 502–555.
22. Блох, М. Я. Проблемы парадигматического синтаксиса (на материале английского языка) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук. / М. Я. Блох – М., 1977. – 34 с.
23. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высш. шк., 1983. – 160 с.
24. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. шк., 1986. – 160 с.
25. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. шк., 1983. – 383 с.
26. Боброва, Т. О. Причинные конструкции в ярусной синтаксической модели: На материале русского и английского языков : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Т. О. Боброва – Ставрополь, 2006. – 208 с.
27. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.

28. Богородицкий, В. А. Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. – Казань: типо-лит ун-та, 1917. – 207 с.
29. Бокадорова, Н. Ю. Принципы грамматического описания в период формирования национальных литературных языков : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Н. Ю. Бокадорова – М., 1975. – 28 с.
30. Бокадорова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века : автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора филолог. наук. / Н. Ю. Бокадорова – М., 1988. – 42 с.
31. Бондаренко, А. Ф. Моделирование структуры предложения: (на материале фр. яз.) / под ред. Е. В. Глейбман. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 135 с.
32. Бондарко, А. В. К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2. – С. 18–31.
33. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.
34. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.
35. Бондарко, А. В. Взаимные связи морфологических категорий глагола // Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. – М., 1980. – С. 641–646.
36. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
37. Бондарко, А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985. – С. 16–29.
38. Бондарко, А. В. Аспектуальность. Лимитативность. Длительность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – С. 40–124.
39. Бондарко, А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – С. 210–233.

40. Бондарко, А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – С. 234–243.
41. Бондарко, А. В. Основания функциональной грамматики. Исходные понятия // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – С. 5–39.
42. Бондарко, А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 5–58.
43. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак, И. Б. Долинина, В. Б. Евтюхин, Е. В. Рахилина, Е. А. Реферовская, В. С. Храковский, К. Г. Чинчлей – СПб.: «Наука», 1996 – 229 с.
44. Бондарко, А. В. Системные и коммуникативные аспекты анализа грамматических единств // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб., 2000. – С. 9–35.
45. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: итоги и перспективы // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб., 2001. – С. 7–8.
46. Бондарко, А. В. Грамматические категории: истолкование понятия, принципы классификации, межкатегориальные связи // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. – СПб., 2003. – С. 22–26.
47. Боронникова, Н. В. Лекции по истории лингвистики / Н. В. Боронникова, Ю. А. Левицкий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 224 с.
48. Браше, О. Историческая грамматика французского языка / пер. с фр. И. Соснецкого. – М.: УРСС, 2004. – 183 с.
49. Бруннер, К. История английского языка: в 2 т. / пер. с нем. С. Х. Васильевой ; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. – М.: УРСС, 2003. – 391 с.
50. Будагов, Р. А. Изменение понятия о норме литературного языка во Франции в разные исторические эпохи (XVI – XVII века) // Литературные

языки и языковые стили. – М., 1967. – с. 351-369.

51. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Мастера рус. культуры, 1997. – 574 с.

52. Бурсье, Э. Основы романского языкознания: пер. с фр. / под ред., с предисл. и примеч. Д. Е. Михальчи. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 680 с.

53. Вардуль, И. Ф. Основные понятия актуального синтаксиса // Исследования по японскому языку. – М., 1967. - С. 45–51.

54. Варшавская, А. И. Смысловые отношения в структуре современного английского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук. / А. И. Варшавская – Л., 1985. – 34 с.

55. Василенко, И. А. К вопросу о союзных и бессоюзных предложениях в русском языке // Проблемы современной филологии: сб. статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. – М., 1965. – с. 47-53.

56. Васильева, Н. М. Структура сложного предложения (на материале французского языка раннего периода). – М.: Высш.шк., 1967. – 232 с.

57. Васильева, Н. М. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: ускор. курс: учебник / Н. М. Васильева, Л. П. Пицкова – М.: Лист Нью, 2004. – 414 с.

58. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

59. Виноградов, В. В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. – М.: Наука, 1967. – 134 с.

60. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 131 с.

61. Власов, С. В. Эволюция норм французского синтаксиса (на материале письменного-литературного языка XVI века) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / С. В. Власов – Ленинград, 1986. – 20 с.

62. Волкова, З. Н. Истоки французского литературного языка: (Для ин-тов и

фак. иностр. яз.). – М.: Высш. шк., 1983. – 168 с.

63. Волкова, З. Н. История французского языка : от старофр. к соврем. фр. яз. / Ун-т Рос. акад. образования, Фак. иностр. яз. – М.: Изд-во УРАО, 1997. – 67 с.

64. Вригт, Г. Х. фон. Логико-философские исследования. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.

65. Выготский, Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.

66. Гак, В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1983. – С. 12–13.

67. Гак, В. Г. Семасиологический функциональный подход и типология функций // Теоретические проблемы функциональной грамматики. – СПб., 2001. – С. 17–19.

68. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.

69. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

70. Гельберг, С. Я. Курс истории английского языка: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021700 - "Филология", специализации "Зарубеж. филология" / М-во образования Рос. Федерации, Удмурт. гос. ун-т, Каф. грамматики и истории англ. яз. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2003. – 277 с.

71. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru/georg_wilhelm_friedrich_hegel/science_of_logic. – 08.12.2009.

72. Гордон, Е. М. Грамматика современного английского языка: учебник для институтов и фак. иностр. языков. / Е. М. Гордон, И. П. Крылова. – М.: Книжный дом Университет, 2007. – 448 с.

73. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики: учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.

74. Грин, Дж. Психолингвистика / Дж. Грин, Д. Слобин; пер. с англ.

Е. И. Негневицкой. – М.: Прогресс, 1976. – 351 с.

75. Гулыга, Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. – М.: Высш. шк., 1971. – 184 с.

76. Гундарева, Е. С. Сложноподчиненное предложение с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики : На материале немецкоязычной прозы : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Е. С. Гундарева – Самара, 2002. – 135 с.

77. Гухман, М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. – М.: Наука, 1981. – 249 с.

78. Давыдова, Е. И. Когнитивная модель сложносочиненного предложения : на материале русского и французского языков : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Е. И. Давыдова – Тамбов, 2006. – 23 с.

79. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – М.: 1994. – № 4. – С. 17–33.

80. Дмитревская, И. В. Принцип интенциональности в логике Г.Фреге // Философия языка и семиотика. – Иваново, 1995. – С. 62–70.

81. Доза, А. История французского языка / пер. с фр. Е. Н. Шор; под ред. и с предисл. М. С. Гурычевой. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 471 с.

82. Долгова, О. В. Синтаксис как наука о построении речи : учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1980. – 191 с.

83. Долинина, И. Б. Валентностные категории английского глагола : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук. / И. Б. Долинина – Л., 1982. – 36 с.

84. Долинина, И. Б. Маркировка субъектно-объектных отношений у валентностных категорий английского глагола // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. – Л., 1982. – С. 65–101.

85. Долинина, И. Б. Лексическая и синтаксическая переходность – проблема универсальности // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М., 1987. – С. 122–128.

86. Долинина, И. Б. Синтаксически значимые категории английского языка. – Л.: Наука, 1989. – 216 с.

87. Дондик, Л. Ю. Функционирование пунктуационных знаков в тексте : сопоставительное исследование на материале французского и русского языков : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Л. Ю. Дондик – Екатеринбург, 2007. – 20 с.

88. Еланская, А. И. Основные особенности синтаксиса сложноподчиненного предложения в коптском языке // Языки Африки. – М., 1966. – С. 183-204.

89. Елизарова, Г. В. Сложноподчиненное предложение с главной частью типа *it is said, it is hoped* : (семантический, номинативный и прагматический аспекты) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Г. В. Елизарова – Ленинград, 1987. – 15 с.

90. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка. – М.: Едиториал УРСС КомКнига, 2006. – 248 с.

91. Есперсен, О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пасека и С. П. Сафроновой ; под ред. и предисл. Б. А. Ильиша. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.

92. Жирмунский, В. М. Общее и германское языкознание : избр. тр. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1976. – 693 с.

93. Залялеева, М. А. Французский язык. Синтаксис простого и сложного предложения с экскурсом в морфологию / Казан. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Казань: Новое Знание, 2005. – 343 с.

94. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. – 3-е изд, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 312 с.

95. Иванов, А. В. История английского языка: A history of the English language: учебное пособие. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – 144 с.

96. Иванова, И. П. История английского языка : учеб / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. – Изд 3-е. – СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2006. – 560 с.

97. Иванова, Р. А. Лексико-грамматические индексы в сложноподчиненном предложении : На материале соврем. нем. яз. : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Р. А. Иванова – Нижний Новгород, 1996. – 202 с.
98. Иезуитов, А. Н. Философия взаимодействия: основы и перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovet14.narod.ru/MF/FIe/1FIe.htm> – 08.12.2009.
99. Илия, Л. И. От слова к предложению в современной французской грамматике // Общее и романское языкознание. – М., 1972. – С. 161–166.
100. Ильиш, Б. А. Заметки о синтаксисе Чосера. // Уч.записки ЛГПИИЯ. – Т.1. – Л., 1940. – С.186–205.
101. Ильиш, Б. А. История английского языка. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 368 с.
102. Ионицэ, М. П. Проблемы логико-синтаксической организации предложения / М. П. Ионицэ, М. Д. Потапова ; под ред. В. И. Банару. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 136 с.
103. Иофик, Л. Л. Сложное предложение в ново-английском языке. – Л.: ЛГУ, 1968. – 212 с.
104. Иртеньева, Н. Ф. Грамматика современного английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 190 с.
105. Исрапова, А. И. Сопоставительный анализ синтаксических структур даргинского и английского языков : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / А. И. Исрапова – Махачкала, 2004. – 158 с.
106. Ицкович, В. А. Очерки синтаксической нормы. – М.: Наука, 1982. – 199 с.
107. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 336 с.
108. Карнапп, Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 382 с.
109. Касевич, В. Б. О межкатегориальных связях в языке // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. – СПб., 2003. – С. 70–77.
110. Катагощина, Н. А. Процессы формирования французского письменного

литературного языка // Вопросы языкознания. – 1956. – №2. – С. 27–40.

111. Катагощина, Н. А. Исторические предпосылки развития французского письменно-литературного языка // Язык и общество. – М., 1968. – С. 215–225.

112. Катагощина, Н. А. История французского языка / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф. – 2-е изд., испр. – М.: Высш.шк., 1976. – 319 с.

113. Катагощина, Н. А. Курс истории французского языка: учеб. для вузов по специальности "Фр. яз. и лит." / Н. А. Катагощина, Н. М. Васильева – М.: Фирма "Диана", 1997. – 420 с.

114. Кацнельсон, С. Д. Историко-грамматические исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 382 с.

115. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

116. Киклевич, А. К. Лекции по функциональной лингвистике. – Минск: Изд-во БГУ, 1999. – 215 с.

117. Кнабе, Г. С. Ещё раз о путях развития сложного предложения. // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С.114–119.

118. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебник. – 4-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с.

119. Кобрина, Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л., 1989. – С. 40–49.

120. Кобрина, Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие / Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – М.: Высшая школа, 2007. – 368 с.

121. Колшанский, Г. В. Логика и структура языка. – 2-е изд, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.

122. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / отв. ред. А. М. Шахнарович ; предисл. С. И. Мельник и А. М. Шанаровича. – 3-е изд, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.

123. Коротченко, Н. В. Функционально-прагматическое поле квеситива : на

материале современного английского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Н. В. Коротченко – Ростов-наДону, 2007. – 24 с.

124. Кривоносов, А. Т. О логической природе причинных союзов // Логико-семантическая структура текста: сб. науч. тр. МИЭМ. – М., 1990. – С. 7–20.

125. Кубрякова, Е. С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 218–224.

126. Курилович, Е. Очерки по лингвистике: сб. ст / пер. с польск., фр., англ. – М.: Изд-во иностр. Лит., 1962 – 456с.

127. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

128. Левин, Ю.И. Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1970. - Вып. 13. – С.64–68.

129. Левицкий, Ю. А. Императив и каузатив // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – М., 1990. – Ч. 2. – С. 90–93.

130. Левицкий, Ю. А. Основы теории синтаксиса: Учебное пособие. – 3-е изд, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2005. – 368 с.

131. Леус, В. И. Основные типы сочетаемости союзов и условия их реализации в структуре сложного и самостоятельного предложения : На материале современного французского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / В. И. Леус – М., 2003. – 24 с.

132. Лещенко, М. И. Виртуальный и актуальный аспекты предложения. – Минск: Вышэйш. шк., 1988. – 130 с.

133. Лобанова, Н. В. Адверсативные отношения на уровне сложного предложения и сверхфразового единства. Эксплицитные и имплицитные средства их дифференциации : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Н. В. Лобанова – М., 2005. – 185 с.

134. Логический анализ естественного языка : материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки», Паланга, 26-28 сентября 1982. – Вильнюс, 1982. – 175 с.

135. Ломтев, Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка :

учеб. пособие для гос. ун-тов. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 596 с.

136. Ломтев, Т. П. Предложение и его грамматические категории / вступ. ст. Л. А. Новикова. – 3-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 200 с.

137. Лосев, А. Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 138–152.

138. Лыскова, И. Ю. Формирование пунктуационных систем в литературном языке : На материале немецкого XVII-XVIII вв. и французского XVI-XVIII вв. языков : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / И. Ю. Лыскова – Ижевск, 2006. – 23 с.

139. Макаев, Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. – М.: Наука, 1977. – 205 с.

140. Максимова, Л. Ю. Недифференцированные таксисные отношения : На материале английского и русского языков : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Л. Ю. Максимова – Кемерово, 2005. – 166 с.

141. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1998. – 272 с.

142. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта-Наука, 2006. – 296 с.

143. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – 3-е изд. – М.; УРСС, 2002. – 512 с.

144. Мещанинов, И. И. Типологические сопоставления и типология систем // Филологические науки. – 1958. – №3. – С.5–10.

145. Минова, М. В. Сложноподчиненное вопросительное предложение с гипотетическим придаточным: грамматический, логико-семантический и функционально-прагматический аспекты : На материале французского и испанского языков : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / М. В. Минова – М., 2003. – 25 с.

146. Мобру, И. Е. Соотношение союзных выражений и союзных сочетаний в системе сложноподчинённого предложения : На материале современного французского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. /

И. Е. Мобру – М., 2004. – 28 с.

147. Мороховский, А. Н. Слово и предложение в истории английского языка. – Киев: Вища шк., 1980. – 201 с.

148. Мухин, А. М. Структура предложения и их модели. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1968. – 230 с.

149. Насилов, Д. М. Уровни семантических абстракций в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1983. – С. 32–33.

150. Невзорова, С. В. Структурно-семантическая и сравнительно-типологическая характеристика сложносочиненного вопросительного предложения : На материале французского и испанского языков : дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук. / С. В. Невзорова – М., 2004. – 281 с.

151. Немов, Р. С. Психология: учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 2 кн. Кн. 1. Общие основы психологии. – М.: Просвещение: Владос, 1994. – 576 с.

152. Новик, Е. В. Особенности актуального членения полипредикативных конструкций : На материале информационно-публицистических текстов английского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Е. В. Новик – Смоленск, 2005. – 19 с.

153. Обстоятельственные отношения в русском языке в сопоставлении с французским: учеб. пособие для говорящих на фр. яз. / Э. В. Аркадьева и др. ; под ред. З. И. Сироткиной. – М.: Рус. яз., 1983. – 182 с.

154. Орехова, Н. Н. Пунктуация и письмо. Монография. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. – 216 с.

155. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса. – М.: Наука, 1974. – 292 с.

156. Панфилов, В. З. Взаимоотношения языка и мышления. – М.: Наука, 1971. – 232 с.

157. Петров, В. В. Структуры значения: логический анализ. – Новосибирск: Наука, 1979. – 142 с.

158. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / вступ. ст. В. А. Лекторского, В. Н. Садовского ; пер. с англ. и фр. Э. Г. Юдина. – М.:

Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.

159. Поппер, К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

160. Пригожин, И. Время. Хаос. Квант / И. Пригожин, И. Сингерс. – М.: Прогресс, 1994. – 267 с.

161. Радугин, А. А. Философия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М.: Центр, 2004. – Режим доступа: <http://toe-krsk.narod.ru/ref/73.html>. – 08.12.2009.

162. Ракова, К. И. Многочастное сложноподчиненное предложение в современном английском языке : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / К. И. Ракова – Москва, 1991. – 16 с.

163. Распопов, И. П. Методология и методика лингвистических исследований. – Воронеж: Воронеж. изд-во, 1976. – 102 с.

164. Расторгуева, Т. А. История английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1983. – 347 с.

165. Ревизин, И. И. Формальный и семантический анализ синтаксических связей // Применение логики в науке и технике. – М., 1961. – С. 119–139.

166. Резник, Р. В. История английского языка: A History of the English Language: учеб. пособие для студентов и аспирантов лингвист. вузов и фак. / Р. В. Резник, Т. С. Сорокина, И. В. Резник – М.: Флинта: Наука, 2003. – 495 с.

167. Реферовская, Е. А. Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение / Е. А. Реферовская. – М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. – 236 с.

168. Реферовская, Е. А. Теоретическая грамматика современного французского языка: учеб. для пед. ин-тов по спец. N 2103 "Иностр. яз." ; на фр. яз. / Е. А. Реферовская, А. К. Васильева. Ч. 2. Синтаксис простого и сложного предложений. – М.: Просвещение, 1983. – 334 с.

169. Реферовская, Е. А. Формирование романских литературных языков. Французский язык. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1980. – 200 с.

170. Рохлина, Л. А. Вербальная объективация и репрезентация логико-

мыслительной категории локальности : на материале русского и французского языков : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Л. А. Рохлина – Ульяновск, 2006. – 20 с.

171. Селина, И. А. Соотношение прескриптивной и дескриптивной норм в синтаксисе современной французской речи : на примере конструкции дополнение-подлежащее-сказуемое : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / И. А. Селина – Н.Новгород, 2003. – 156 с

172. Семантико-синтаксическая организация предложения: (Роман. яз.) / Редкол. А. Г. Басманова (отв. ред.) и др. – М.: МГПИИЯ, 1985. – 236 с.

173. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. – М.: Госполитиздат, 1947. – 645 с.

174. Сигал, К. Я. Сочинительная связь как синтаксический процесс: вариативность функционально-динамического моделирования однородных членов предложения // Многоязычие и межкультурное взаимодействие : Материалы Международной конференции; к 80-летию профессора С. Я. Гельберг / Сост. и отв. ред. Т. И. Зеленина, Н. И. Пушина; Удм. гос. ун-т. – 2008. – С. 251-256.

175. Скрелина, Л. М. История французского языка: учебник / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2005. – 463 с.

176. Смирницкий, А. И. История английского языка (средний и новый период). Курс лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1965. – 138 с.

177. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 286 с.

178. Смыкова, Е. А. Языковые средства означивания времени в директивных речевых актах : На материале современного английского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. – Волгоград, 2005. – 18 с.

179. Слюсарева, Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. – М.: Наука, 1981. – 206 с.

180. Соболева, Т. Е. Простые и сложноподчиненные частновопросительные предложения в современном французском языке : Синтаксис, семантика, прагматика : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Т. Е. Соболева – Белгород, 2003. – 170 с.
181. Степанов, Ю. С. Основы языкознания. – М.: Просвещение, 1966. – 271 с.
182. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса. / пер. с фр.; ред. Г. В. Степанов [и др.] ; вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
183. Терешина, Ю. В. Межкатегориальные связи каузативных конструкций : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Ю. В. Терешина – Ижевск, 2008. – 21 с.
184. Тимонина, А. П. Первые французские грамматики и их роль в кодификации общепольского письменно-литературного языка : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / А. П. Тимонина – Москва, 1981. – 190 с.
185. Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. – М.: Наука, 1975. – 219 с.
186. Трунова, О. В. К проблеме понятийных категорий // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л., 1989. – С. 105–111.
187. Уемов, А. И. Вещи, свойства, отношения. – М.: Наука, 1963. – 180 с.
188. Уемов, А. И. Выводы из понятий // Логико-грамматические очерки. – М.: 1961. – С.5–25.
189. Филиппова, М. М. Синтаксис придаточного предложения: функционально-коммуникативные аспекты: Syntax of the subordinate clause: Its Functional and communicative properties: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 134 с.
190. Фролова, Е. А. Структура, семантика и текстовая роль английского сложноподчиненного предложения с придаточной предикативной частью : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / Е. А. Фролова – М., 1996. – 201 с.
191. Фуре, А. А. Специфика синтаксического концепта // Актуальные

проблемы германского и общего языкознания. – М., 2001. – С. 161–165.

192. Халифман, Э. А. Пособие по сопоставительному изучению грамматики французского и русского языков. / Э. А. Халифман, И. Н. Кузнецова, З. Н. Козлова. – М.: Высш. Шк., 1981. – 295 с.

193. Холодов, Н. Н. Сложносочиненные предложения. Материалы для самостоятельного изучения структурно-семантических особенностей. – М.: Просвещение, 1973. – 70 с.

194. Холодов, Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке : уч. пособие. Ч. 1. – Смоленск: Б.и, 1975. – 165 с.

195. Хомский, Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып.2. – С. 412–527.

196. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / под ред. В. А. Звегинцева. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 259 с.

197. Хорнби, А. С. Конструкции и обороты английского языка. – М.: АО «Буклет», 1992. – 336 с.

198. Храковский, В. С. Деривационные отношения в синтаксисе // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – Л., 1969. – С. 138–148.

199. Чейф, У. Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

200. Черч, А. Введение в математическую логику / пер. с англ. В. С. Чернявского. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 485 с.

201. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 620 с.

202. Шевякова, В. Е. К вопросу о функции в грамматике // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1983. – С. 50–52.

203. Шелякин, М. А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. – М., 1983. – С. 52–54.

204. Широглазова, Н. С. Система глубинных падежей и средств их выражения : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. /

Н. С. Широглазова – Ижевск, 2004. – 19 с.

205. Шубик, С. А. Иерархия членов предложения в индоевропейских языках // Категория субъекта и объекта в языках разных типов. – Л., 1982. – С. 125–134.

206. Шумков, А. А. Формально-логическая модель главных членов предложения в германских и романских языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук. / А. А. Шумков – Великий Новгород, 2006. – 37 с.

207. Щетинкин, В. Е. История французского языка: учеб. пособие для фак. иностр. яз. пед. Вузов. – М.: Высш. шк., 1984. – 188 с.

208. Юм, Д. Исследования о человеческом познании. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1965. – 927 с.

209. Юрченко, В. С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки / отв. ред. Э. П. Кадькалова ; вступ. ст. О. Б. Сиротининой, Э. П. Кадькаловой. – Изд. 2-е. – М.: КомКнига, 2005. – 368 с.

210. Язык в диахронии : коллективная монография. – Воронеж: Истоки, 2006. – 172 с.

211. Яковлева, И. Л. Влияние латинского языка на развитие английского синтаксиса: (новоанглийский период) : дис. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. / И. Л. Яковлева – М., 1982. – 188 с.

212. Ярцева, В. Н. Исторический синтаксис английского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР [Ленинградское отделение], 1961. – 308 с.

213. Ярцева, В. Н. История английского литературного языка IX-XV вв. – М.: Наука, 1985. – 247 с.

214. Ярцева, В. Н. Развитие национального литературного английского языка. – М.: Наука, 1969. – 137 с.

215. Ярцева, В. Н. Иерархия грамматических значений и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). – М., 1975. – С. 3–5.

216. Abbot, E. A. Shakespearean Grammar. – New York : Dover Publ., 1966. – 511 p.

217. Anderson, T. M. On Case Grammar : Prolegomena to a Theory of Gramma-

tical Relations. – London : Croom Helm : Atlantic Highlands : Humanities Press, 1977. – 313 p.

218. Andor, J. Case Grammar, Deep Semantic Relations and Cognition // Proceedings of the 12th International Congress of Linguists. – Innsbruck, 1978. – P. 163–166.

219. Antoine, G. La coordination en français. – Paris : Ed. d'Arthey, 1959. – 280 p.

220. Brook, G. L. A History of the English Language. – London : André Deutsch, 1958. – 224 p.

221. Brunot, F. Histoire de la langue française des origines à 1900. T. 1–13. – Paris, 1966–1968.

222. Brunot, F. La pensée et la langue. – Paris : Masson et Cie, 1922. – 954 p.

223. Clark, J. W. Early English. – London : André Deutsch, 1957. – 176 p.

224. Classen, E. Outlines of the History of the English Language. – New York : Greenwood Press, 1969. – 283 p.

225. DeArmond, R. C. Theta Roles and Logical Structure. – Режим доступа : <http://www.sfu.ca/person/dearmond/481Tense/481TR/480.12.pdf>. – 12.11.2007.

226. Durbin, M. Identifying Semantic Foci in Lexical Items // Chicago Linguistic Society. – 1971. – V. 7. – P. 350–359.

227. Fearing, F. An Examination of the Conceptions of Benjamin Whorf in the Light of Theories of Perception and Cognition // Language in Culture: Conference on the Interrelations of Language and Other Aspects of Culture / ed. H. Hoijer. – Chicago, 1954. – P. 47–81.

228. Frege, G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – 1892. – Bd. 100. – S. 25–50.

229. Grammaire Larousse du XXe siècle. – Paris : Libr. Larousse, 1962. – 467 p.

230. Grevisse, M. Le bon usage. – Paris : Duculot : Libr. Geuthner, 1959. – 1156 p.

231. Guiraud P. Le moyen français. – Paris : Presses univ. de France, 1963. – 123 p.

232. Herman, J. La formation du système roman des conjonctions de subordination. – Berlin, 1963. – 274 p.
233. Jackendoff, R. S. Semantics and Cognition. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1983. – 283 p.
234. Johnson-Laird, Ph. N. The Computer and the Mind: An Introduction to Cognitive Science. – Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1988. – 444 p.
235. Kayne, R. French Syntax. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1975. – 392 p.
236. LePan, D. The Cognitive Revolution in Western Culture: the Birth of Expectation. – Houndmills; London : Macmillan Press, 1989. – 388 p.
237. Lieberman, P. The Biology and Evolution of Language. – Cambridge, Mass.; London : Harvard Univ. Press, 1984. – 392 p.
238. McKenna, W. R. Husserl's «Introduction to Phenomenology» : Interpretation and Critique. – The Hague etc. : Nijhoff, 1982. – 256 p.
239. McKnight, G. H. The Evolution of the English Language from Chaucer to the Twentieth Century. – New York : Dover Publ., 1968. – 433 p.
240. McLaughlin, J. C. Aspects of the History of English. – New York : Holt : Rinehart : Winston, 1970. – 375 p.
241. Meinong, A. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit: Beiträge zur Gegenstandstheorie und Erkenntnistheorie. – Leipzig : Barth, 1915. – 760 s.
242. Mitchell, B. Critical Bibliography of Old English Syntax: supplement 1993–1996 / B. Mitchell, S. A. Irvine // Neuphilologische Mitteilungen. – 2002. – Jg. 103, № 3. – S. 275–304.
243. Introduction: Representation and Inference in Reasoning and Discourse // Reasoning and Discourse Processes / ed. : T. Myers, K. Brown, B. McGonigle. – London, 1986. – P. 1–11.
244. Nouvelle histoire de la langue française / collectif dirigé par J. Chaurand – Paris : Le Grand livre du mois, 1999. – 808 p.
245. Nyrop K. Grammaire historique de la langue française : 6 vol. – Genève : Slatkine, 1979. – 405 p.
246. Pyles, Th. The Origin and Development of the English Language / Th.

Pyles, J. Angelo. – New York, 1964. – 352 p.

247. A University Grammar of English / R. Quirk et al. – M. : Vyssaja Skola, 1982. – 391 p.

248. Roberts, P. English Syntax. – New York : Harcourt : Brace & World, 1964. – 594 p.

249. Rowland B. Chaucer and Middle English Studies. – London : A & U, 1974. – 121 p.

250. Rubin, J. Learner Strategies: Theoretical Assumptions, Research History and Typology // Learner Strategies in Language Learning. – Englewood Cliffs etc., 1987. – P. 15–30.

251. Sandfeld, K. Syntaxe du français contemporain. T. II. Les prépositions subordonnées. – Paris, 1936. – 490 p.

252. Tétu, M. La francophonie: histoire, problématique et perspectives. – Paris : Hachette, 1988. – 390 p.

253. Tritten, J.-L. Histoire de la langue française. – Paris : Ellipses, 1999. – 352 p.

254. Wagner, R.-L. Grammaire du français classique et moderne / R.-L. Wagner, J. Pinchon. – Paris : Hachette, 1967. – 640 p.

255. Whorf, B. L. Collected Papers on Metalinguistics. – Washington : Foreign Service Inst., 1952. – 182 p.

256. Swift J. Works in 19 volumes. Vol. IX / ed. by W. Scott. – Edinburgh : Constable and Co., 1824. – 382 p.

257. Wunderlich, D. Lokale Verben und Präpositionen – semantische und konzeptuelle Aspekte / D. Wunderlich, I. Kaufmann // Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik. – Opladen, 1990. – S. 223–252.

258. Wyld, H. C. A History of Modern Colloquial English. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1956. – 436 p.

259. Zadeh, L. A. Fuzzy Logic Approximate Reasoning // Synthese. – 1975. – Vol. 30, № 3–4. – P. 407–428.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Вероятность и математическая статистика: Энциклопедия (**ВиМС**) / Гл. ред. Ю. В. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 911 с.
3. Горский, Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: Астрель: АСТ, 2006.
5. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник. – М., 1975. – 717 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
7. Ломов, А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.
8. Лопатин, В. В. Малый толковый словарь русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М.: Рус. яз., 1990. – 704 с.
9. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 440 с.
10. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 2000. – 722 с.
11. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 2001. – 692 с.
12. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Оникс, Мир и образование, 2005. – 1200 с.
13. Словарь иностранных слов. / Под. ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. – М.: ЮНВЕС, 1996. – 832 с.
14. Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
15. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1970. – 680 с.

16. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 576 с.
17. Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1987. – 588 с.
18. Шапарь, В. Б. Новейший психологический словарь. **(НПС)** / В. Б. Шапарь, В. Е. Россоха, О. В. Шапарь; под общ. ред. В. Б. Шапаря. – Изд. 2-е – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 808 с.
19. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. **(БЭС)** / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
20. Dictionary.com. Online English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.reference.com>. – 08.12.2009.
21. Dictionary & Thesaurus – Your Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yourdictionary.com>. – 08.12.2009.
22. Encyclopaedia Britannica 2007. Deluxe Edition [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – М.: Новый диск, 2007. – 4 электрон. опт. диска (CD-ROM). – Систем. требования: P III, Microsoft Windows 2000/XP.
23. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition. – Harlow: Pearson Education LTD., 2000. – 1668 p.
24. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Longman Group UK Limited, 1992. – 1528 p.
25. Oxford Thesaurus of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 486 p.
26. Wictionary. Online English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wictionary.org>. – 08.12.2009.
27. Wikipedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://en.wikipedia.org>. – 08.12.2009.
28. WordReference.com. Online French, Italian and Spanish Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wordreference.com. – 08.12.2009.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Иванова, И. П. Хрестоматия по истории английского языка : для пед. ин-тов по спец. N 2103 "Иностр. яз." / И. П. Иванова, Т. М. Беляева – Л. : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1980. – 191 с.
2. Французская поэзия в переводах В. А. Жуковского : сборник / сост. Н. Т. Пахсарьян. – М. : Рудомино : Радуга, 2001. – 256 с.
3. Шишмарев, В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 557 с.
4. Arnauld A. Logique de Port-Royal. L'Exactitude dans le jugement // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse. – Paris, 1862. – P. 44–47.
5. The Brome Abraham and Isaac // British Drama. Ten Plays from the Middle of the Fourteenth Century to the End of the Nineteenth. – Boston etc., 1929. – P. 2–9.
6. Cent nouvelles nouvelles / ed. crit. par F. P. Sweetser. – Genève : Droz, 1966. – 651 p.
7. Cervantes, M. Novelas ejemplares. – Madrid : Taurus, 1994. – 613 p.
8. La Chanson de Roland / trad., notes et comment. par G. Moignet. – Paris : Bordas, 1969. – 417 p.
9. Laclos, Choderlos de. Les Liaisons dangereuses : книга для чтения на фр. яз. – СПб. : Антология, 2006. – 352 с.
10. Congreve, W. The Way of the World // British Drama. Ten Plays from the Middle of the Fourteenth Century to the End of the Nineteenth. – Boston etc., 1929. – P. 240–264.
11. Corneille, P. De la tragédie bourgeoise ou drame // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliotheque Larousse. – Paris, 1862. – P. 32–33.
12. Corneille, P. La mort de Pompée. – Paris : Gallimard, 1964. – 347 p.
13. Cyrano de Bergerac, S. Contre l'hiver // Morceaux choisis des classiques français du XVII-e siècle. – Paris, 1897. – P. 230–237.

14. Defo, D. Robinson Crusoe : роман на англ. яз. [Текст]. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2009. – 240 с.
15. Descartes, R. Discours de la Méthode // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliothèque Larousse. – Paris, 1862. – P. 10–13.
16. Dictionnaire de l'Académie Française // Щетинкин В. Е. Практикум по истории французского языка. – М., 1984. – С. 79.
17. Diderot, D. Collection complète des œuvres philosophiques, littéraires et dramatiques. Tome I. – Londres, 1713. – p. 372-375.
18. Donne, J. The Works with the Introduction and Biography. – F. : Wordsworth Poetry Libr., 1994. – 202 p.
19. Du Bellay, J. La défense et illustration de la langue française // Щетинкин В. Е. Практикум по истории французского языка. – М., 1984. – С. 69–71.
20. English Language : Essays by English and American Men of Letters 1490-1839 / ed. by W. F. Bolton. – Cambridge : Univ. Press, 1966. – 230 p.
21. English Prose (1137-1890). – Boston etc. : Ginn and Co., 1909. – 545 p.
22. English Prose from Bacon to Hardy / ed. by E. K. Broadus, R. K. Gordon. – Oxford, 1918. – 235 p.
23. Estienne, R. Traicté de Grammaire Française // Щетинкин В. Е. Практикум по истории французского языка. – М., 1984. – С. 67.
24. Everyday English 1500-1700 / ed. by B. Cusack. – Edinburgh : Univ. Press, 1998. – 351 p.
25. Guilleragues, G.-J. Les lettres portugaises. – Paris : Garnier, 1962. – P. 7–19.
26. La Fontaine, J. Fables. – Paris : Gallimard, 1995. – 582 p.
27. Malory, Th. Le Morte d'Arthur // A Middle English Anthology / ed. by A. S. Haskell. – Detroit, 1985. – P. 478–490.
28. Milton, J. Paradise Lost. – London : Penguin Books, 1996. – 313 p.
29. Molière, J. B. Le bourgeois gentilhomme. – Paris : Librio, 1998. – 94 p.
30. Molière, J. B. Le Tartuffe. – Paris : L'Aventurine, 2000. – 137 p.

31. Molière, J. B. Les fourberies de Scapin // Morceaux choisis des classiques français du XVII-e siècle. – Paris, 1897. – P. 244–246.
32. Pascal, B. L'imagination // Anthologie des écrivains français. Prose (XVIII-e siècle). Publiée sous la direction de Gauthier – Ferrières Bibliothèque Larousse. – Paris, 1862. – P. 72–75.
33. Prévost, A.-F. Manon Lescaut // Le XVIII-e siècle par les textes, 1895. – P. 344–349.
34. Rabelais, F. Gargantua. – Paris : Brodard & Taupin, 2003. – 349 p.
35. Reliquiae Antiquae. Scraps from Ancient Manuscripts Illustrating Chiefly Early English Literature and English Language. Vol. I. – London : Smith, 1845. – 258 p.
36. Ronsard, P. de Abrégé de l'art poétique françois // Щетинкин В. Е. Практикум по истории французского языка. – М., 1984. – С. 67–69.
37. Scarron, P. Roman comique. – Paris : Belles Lettres, 1951. – 326 p.
38. Shakespeare, W. Sonnets. – СПб : Азбука-классика, 2001. – 432 с.
39. Shakespeare, W. The Tragedy of Romeo and Juliet / ed. by B. A. Mowat, P. Werstine. – New York : Washington Square Press, 1992. – 281 p.
40. Shakespeare, W. The Tragedy of Macbeth. – New York : Washington Square Press, 1992. – 231 p.
41. Southey, R. Ballads : сборник / сост. : Е. Витюковский. – М. : Радуга, 2006. – 576 с.
42. Swift, J. Gulliver's Travels. – Новосибирск : Сиб. ун-т, 2007. – 348 с.
43. Vaugelas, C. F. de Remarques sur la langue françoise // Щетинкин В. Е. Практикум по истории французского языка. – М., 1984. – С. 71–73.
44. Villemain, A.-F. Cours de littérature française. – Paris, 1828. – P. 25–60.
45. Villon, F. Le grand testament. – Paris : Gallimard, 1985. – 329 p.
46. Voltaire, Bornes de l'esprit humain // Le XVIII-e siècle par les textes, 1895. – P. 148–149.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 2.3, 1

Средства союзной связи французского языка

семантика	союзы	союзные слова	сложные союзы	союзные комплексы	
Определительные	Que	Quoi Qui		ce que ce qui c'est que	
Дополнительные					
Время		Où Quand	Lequel lorsque	tandis que pendant que depuis que jusqu'a ce que tant que avant que après que	
Причина\следствие			Parce que Puisque	parce que pour ce que à cause que (par) rapport que,	
Цель				afin que pour que à seule fin de de peur que c'est pour que	
Уступка			Quoique	bien que encore que malgré que combien que	
Сравнение		Comme			ainsi que si que si bien que
Условие			Si		au cas où si par hasard au cas que des fois que

				pour peu que pourve que
--	--	--	--	----------------------------

Таблица 2.3, 2

Средства союзной связи английского языка

семантика	СОЮЗЫ	СОЮЗНЫЕ СЛОВА	СЛОЖНЫЕ СОЮЗЫ	СОЮЗНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
Определительные	as that	which what		as though as if as concerning (concerns)
Дополнительные	that			
Время	as till(untill) ere	since when while after before against	whereas whenever	as soon as as long as so long as as yet now that that long hardly whrn no sooner than after all long after before now before long long before once in a while
Причина/ следствие	as that for so	since	because	that's why for fear that not that for one thing in so far as
Цель	that for lest			in order that so that that for so as
Уступка	as though although	when	however whichever whoever whatever	in spite of the fact that
Сравнение	as	than	whereas	as.... as not soas

				as far as as well in so much that
Условие	as if unless so but	when except without		in case if so be so for as but that as long as so long as provided(ing) that suppose(ing) that on condition that